

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 2(41) 2021

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 2(41) 2021

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс "Объединенный каталог. Пресса России" - 34121

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Фактический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2021

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index – 34121 in the united catalog «Press of Russia».

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского	
<i>Волкова Е.А., Волков Н.М., Пилевцева А.В.</i> Россия, русский народ и государство: видение Ф.М. Достоевского.....	7
Лингвистика	
<i>Замальдинов В.Е.</i> Особенности образования и функционирования графикастов-эргонимов салонов красоты Нижегородского региона.....	12
<i>Недоступова Л.В.</i> Мужские некалендарные именованья (на материале говора жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области).....	19
<i>Матвеева Н.В.</i> Декодирование замысла автора речевого высказывания с использованием методики денотативного анализа текста.....	26
<i>Логачева А.А.</i> Структурно-семантические особенности предложений с однородными членами в художественном тексте (на примере поэтического творчества А.С. Пушкина).....	37
<i>Дьякова В.И., Гальцова Д.Н.</i> Принципы номинации синонимических соответствий в тематической группе «метеорологическая лексика» (на примере воронежских говоров).....	43
<i>Вульфович Б.Г.</i> «Брексит» как лингвопрагматическое явление.....	51
Методика преподавания языков	
<i>Набати Ш., Мехтиханлы С.</i> К вопросу особенностей преподавания русских глаголов движения в иранской аудитории.....	57
<i>Дмитренко Н.П., Колчина О.Н., Мосова Д.В.</i> Общие принципы онлайн-обучения русскому языку как иностранному.....	64
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Косинцева Е.В.</i> Жанр послания в лирике М.И. Новьёхова.....	74
<i>Шамсутдинова Р.Г.</i> Сопоставительный анализ стихотворений К. Бальмонта «Я в этот мир пришел...» и С. Рамиева «Мин» («Я»).....	79
<i>Трубицина Н.А.</i> Семантика мифонимов в стихотворении И.А. Бунина «Потоп».....	85
<i>Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В., Новикова М.В.</i> К вопросу о некоторых способах вербализации образа родины в творчестве С.А. Есенина.....	90
Лингвокультурология	
<i>Борисова О.Г., Костина Л.Ю.</i> Анималистическая лексика как вербализатор зооморфного культурного кода в диалектной картине мира жителей Кубани.....	97
<i>Природина У.П.</i> Зооним как структурно-содержательный компонент годонимов Стокгольма.....	105
Межкультурная коммуникация	
<i>Теселкина О.Е.</i> Структурирование художественного текста в коммуникативно-прагматическом аспекте (на примере романа М. Фриша «Mein Name sei Gantenbein»).....	111
Концептология	
<i>Бушев А.Б.</i> Лингвокультурные универсалии, концепты, понятия: феноменология концептологии.....	117
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Полонский А.В., Глушкова В.Г., Ряполова М.А.</i> Язык наших медиа.....	123
Язык СМИ	
<i>Фомина С.Б.</i> Лексико-семантические характеристики сокращений современного англоязычного газетного дискурса и стратегии перевода.....	131
События, обзоры, рецензии	
<i>Никифорова О.В.</i> Всероссийская научная конференция с международным участием «С любовью к слову» (Арзамас, 09-10 февраля 2021 г.).....	137
<i>Безатосная О.М., Воронова Т.А., Сычева Л.В.</i> Итоги II международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, ВГТУ).....	143
<i>Кондратьев А.С., Меринов К.А.</i> Итоги всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского).....	145
Правила оформления статей	147

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
On the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky	
<i>Volkova E. A., Volkov N. M., Pilevtseva A.V.</i> Russia, the Russian people and the state: F.M. Dostoevsky's vision.....	7
Linguistics	
<i>Zamaldinov V.E.</i> Features of formation and functioning of graphemes-ergonyms of beauty salons of the Nizhny Novgorod region.....	12
<i>Nedostupova L.V.</i> Male antroponyms in the Voronezh region (on the example of data on a person's appearance, speech features, mental abilities and character traits).....	19
<i>Matveeva N.V.</i> Decoding the author's idea of a speech utterance using the method of denotative text analysis.....	26
<i>Logacheva A.A.</i> Structural and semantic features of proposal with homogeneous members in the artistic text (on the example of the poetic work of A.S. Pushkin).....	37
<i>D'yakova V.I., Galtsova D.N.</i> Principles of nominating synonymous correspondences in the thematic group "meteorological vocabulary" (on the example of Voronezh dialects).....	43
<i>Vulfovich B.G.</i> Brexit as a linguopragmatic phenomenon.....	51
Methods of teaching languages	
<i>Nabati Sh., Mehdikhanli S. Gh.</i> On the issue of the peculiarities of teaching Russian verbs of movement in an Iranian audience.....	57
<i>Dmitrenko, N.P. Kolchina O.N., Mosova D.V.</i> General principles of online teaching Russian as a foreign language.....	64
Literary text: aspects of study	
<i>Kosintseva E.V.</i> Genre of the epistle in the lyrics by M.I. Novjukhov.....	74
<i>Shamsutdinova R.G.</i> The comparative analysis of the poems of K. Balmont "I came to this world ..." and S. Ramiev "Min" ("I").....	79
<i>Trubitsina N.A.</i> Semantics of mythonyms in I. A. Bunin's Poem «The Flood».....	85
<i>Bugakova N.B., Popova Ju.S., Sulemina O.V., Novikova M.V.</i> On the question of some ways to verbalize the image of motherland in S.A. Yesenin's works.....	90
Language and culture studies	
<i>Borisova O.G., Kostina L.Y.</i> Animalistic vocabulary as verbalization of zoomorph cultural code in dialect world view of Kuban region inhabitants.....	97
<i>Prirodina U.P.</i> Zoonym as a structurally meaningful component of godonyms in Stockholm.....	105
Intercultural communication	
<i>Teselkina O.E.</i> Structuring of a functional text in the communicative-pragmatic aspect (on the example of the novel by M. Frisch «Mein Name sei Gantenbein»).....	111
Concept studies	
<i>Bouchev A.B.</i> Linguistic and cultural universals, concepts, definitions: phenomenology of conceptology.....	117
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Polonsky A.V., Glushkova V.G., Ryapolova M.A.</i> The language of our media.....	123
Language of mass media	
<i>Fomina S.B.</i> Lexical and semantic characteristics of abbreviations in modern English newspaper discourse and translation strategies	131
Events and reviews	
<i>Nikiforova O.V.</i> All-Russian scientific conference with international participation "With love to the word" (Arzamas, February 09-10, 2021).....	137
<i>Bezatosnaya O.M., Voronova T.A., Sycheva L.V.</i> The results of the 2nd international scientific conference "Linguocultural universal categories in the whole WORLD" (Voronezh, VSTU).....	143
<i>Kondratiev A.S., Merinov K.A.</i> Results of all-Russian scientific conference of students, undergraduates, postgraduates and young scientists "The work of F.M. Dostoevsky in the modern time" (Lipetsk, LSPU named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky).....	145
Layout of the articles	147

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок первый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии». Отдельно представлен раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 22 научные работы.

В раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» входит работа, посвященная исследованию образа России, русского народа и государства в творчестве Ф.М. Достоевского (Е.А. Волкова, Н.М. Волков, А.В. Пилевцева). Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие особенности образования и функционирования графиксатов-эргонимов (В.Е. Замальдинов), специфику некалендарных мужских имен (Л.В. Недоступова), возможности декодирования замысла автора с помощью использования методики денотативного анализа (Н.В. Матвеева), структурно-семантические особенности предложений с однородными членами в художественном тексте (А.А. Логачева), принципы номинации синонимических соответствий в составе метеорологической лексики воронежских говоров (В.И. Дьякова, Д.Н. Гальцова), явление «брексит» с лингвопрагматической точки зрения (Б.Г. Вульфович). В разделе «Методика преподавания языков» представлены общие принципы онлайн-обучения русскому языку как иностранному (Н.П. Дмитренко, О.Н. Колчина, Д.В. Мосова), а также исследуются особенности преподавания русских глаголов движения в иранской аудитории (Ш. Набати, С. Мехтиханлы). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, затрагивающие проблемы жанра (Е.В. Косинцева), представляющие сопоставительный анализ стихотворений К. Бальмонта и С. Рамиева (Р.Г. Шамсутдинова), раскрывающие семантику мифонимов в стихотворении И.А. Бунина «Потоп» (Н.А. Трубицина) и некоторые способы вербализации образа Родины в творчестве С.А. Есенина (Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина, М.В. Новикова). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу анималистической лексики (О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина, У.П. Природина). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлено структурирование художественного текста в коммуникативно-прагматическом аспекте (О.Е. Теселкина). В разделе «Концептология» рассматривается феноменология концептов и понятий (А.А. Бушев). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, анализирующую язык современных медиа (А.В. Полонский, В.Г. Глушкова, М.А. Ряполова). В разделе «Язык СМИ» рассматриваются лексико-семантические характеристики сокращений современного англоязычного газетного дискурса и стратегии перевода (С.Б. Фомина). Раздел «События, обзоры, рецензии» содержит информацию о конференциях, прошедших в первом полугодии 2021 года: в Арзамасе Нижегородской области (О.В. Никифорова), Воронеже (О.М. Безатосная, Т.А. Воронова, Л.В. Сычева), Липецке (А.С. Кондрачев, К.А. Меринов).

Содержащиеся в выпуске 2(41) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ON THE 200-TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY

УДК.93/94.131

DOI 10.36622/AQMPI.2021.23.59.001

Воронежский государственный технический университет

доктор исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Волкова Е.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +9525479124

e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh state technical university.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

Volkova E.A.

Russia, Voronezh

e-mail: volkne@bk.ru

Канд. техн. наук, доц. кафедры строительной техники и инженерной механики

им. профессора Н.А. Ульянова

Волков Н.М.,

Россия, г. Воронеж, тел. +79042146847

e-mail: volkne@bk.ru

D.Sc.(Engineerin), Assoc. Department of construction engineering and engineering mechanics named after Professor N.A. Ulyanova

Volkov N.M.

Russia, Voronezh, tel. +79042146847

e-mail: volkne@bk.ru

старший преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода

Пилевцева А.В.,

Россия, Воронеж, тел. +79204000763

e-mail: pilevceva-210486@mail.ru

Senior lecturer of the chair of Foreign Languages and translation technique

Pilevtseva A.V.,

Russia, Voronezh, tel. +79204000763

e-mail: pilevceva-210486@mail.ru

Е.А. Волкова, Н.М. Волков, А.В. Пилевцева

РОССИЯ, РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО: ВИДЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируются социально-исторические воззрения Ф. М. Достоевского. Целью работы является исследование писателем в его произведениях социальных отношений российского общества середины – второй половины XIX столетия: отношения между классами и социальными группами, социальной справедливости, свободы, богатства-бедности, положения русского народа. Авторы приходят к выводу, что писатель стремился изобразить русский народ единым, примирить классовые, сословные противоречия, представить подобное состояние русского общества как особый исторический путь России. Исследовав основные произведения Ф.М. Достоевского, авторы приходят к выводу, что, будучи писателем-реалистом, стремившимся передать правду жизни русского народа, писатель постоянно наталкивался на вопиющее несоответствие собственной доктрины реальным картинам российской действительности. Ф.М. Достоевский возлагал вину за создавшееся положение на русскую интеллигенцию.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, русский народ, интеллигенция, российская история, социальная справедливость, российская действительность, нравственность, гуманизм.

Е.А. Volkova, N.M. Volkov, A.V. Pilevtseva

RUSSIA, THE RUSSIAN PEOPLE AND THE STATE: F. M. DOSTOEVSKY'S VISION

The article analyzes the socio-historical views of F. M. Dostoevsky in his multifaceted work. The social and historical views of the thinker include a deep study of the social relations of Russian society in the mid-second half of the XIX century: the relations between classes and social groups, social justice, freedom, wealth-poverty, the situation of

the Russian people. Russian writers have come to the conclusion that the writer sought to portray the Russian people as one, to reconcile class and class contradictions, to present such a state of Russian society as a special historical path of Russia. However, as a realist writer who sought to draw the truth of the life of the Russian people, the writer constantly came across a blatant discrepancy between his own doctrine and the real pictures of Russian reality. Dostoevsky blamed the situation on the Russian intelligentsia.

Keywords: F. Dostoevsky, Russian people, intelligentsia, Russian history, social justice, Russian reality, morality, humanism

Федор Михайлович Достоевский, великий русский писатель, в своем многогранном творчестве исследовал проблемы российской действительности, показав сложную социально-историческую атмосферу, в которой жили его герои. Целью данной статьи является исследование российского народа, российской истории в его художественных произведениях.

Так, в рамках романа «Бедные люди» писатель раскрывал существующий на тот момент социальный и частично государственный уклад через призму собственного мнения, акцентируя внимание на противопоставлении повсеместной бедности простого народа и излишней роскоши меньшинства. Он, видя несправедливость и неравенство в существующем обществе, решил раскрыть проблему капитализма, противопоставляя именно силу и власть, обуславливаемую деньгами и статусом, нравственно-моральным устоям простых, «маленьких», с социальной точки зрения, людей.

Ф.М. Достоевский, сам нередко оказываясь в сложных жизненных ситуациях, связанных с отсутствием денег, полностью осознавал, что чувствуют его герои и какие сложности им приходится преодолевать. Тема социального неравенства, а также несправедливости, четко прослеживается во всех последующих работах автора, где он превозносит простых людей, не стесняющихся тяжелой работы и трудовых мозолей [1].

Ф.М. Достоевский показывает капитализм как крайне несправедливый общественный уклад, который является негативной средой для простого трудящегося человека. В соответствии с этим богачи-капиталисты описывались как враждебные, жадные лица с отрицательными человеческими качествами, которых интересовало лишь использование простых людей в своих целях, а, именно, в целях получения прибыли.

Роман «Бедные люди» является началом цикла произведений, посвященного социально-историческому бытию и его проблемам. Ф.М. Достоевский детально отразил «болезни» общества XIX века и описал их влияние на жизнь простого человека.

В рамках данной темы следует выделить произведение «Двойник», в котором также прослеживается отношение писателя к существовавшей действительности. Данная повесть была призвана раскрыть «нового» человека и личностными качествами, которые ранее встречались редко, – человека с двойной моралью, порожденного именно капиталистическим укладом. Таким образом, автор уделил внимание вопросу раздвоения личности в бытовых условиях, что можно было наблюдать у многих людей. У кого-то раздвоение можно было заметить невооруженным глазом, но у кого-то оно протекало скрытно, то есть на подсознательном уровне и замечалось исключительно в мелочах. Изображенный Ф.М. Достоевским мир был злой и жестокий, особенно, если это касалось бюрократических вопросов, которые нередко перечили существующим морально-нравственным нормам, а людям, соответственно, приходилось переступать через эти нормы. Получается, что мир и его условия сами раскалывали личность человека [2].

Рассказ «Господин Прохарчин» продолжает раскрывать особенности российской действительности тех времен. Автор, примеряя различные ситуации на своих героев, желал показать, в каких именно тяжелых социальных условиях могут оказаться люди. Акцент был сделан на повседневности, которая лишена радости и достатка, а также на буквальной борьбе за выживание. Жизнь Прохарчина постоянно находилась под угрозой, которая была следствием возможности доноса со стороны Зимовейкина, являющегося одним из его квартирантов. Так, в произведении раскрывалась серьезная проблема, в которой правительство настраивало граждан друг против друга, поощряя доносы и желание услужить чиновникам. Писатель многократно указывал в этом произведении на невыносимую тягость существовавшего бытия.

Можно утверждать, что образ Прохарчина соответствовал существовавшей тяжелой действительности. Нередко можно наблюдать, как богатое меньшинство совершенно не интересовалось проблемами простых людей и общества в целом, оно готово жертвовать любыми нравственными и этическими нормами ради своего обогащения.

Во второй половине 1840-х годов автор написал немало произведений, в которых акцентировал внимание на несправедливости социального аспекта бытия. Примерами таких произведений являются «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», а также «Белые ночи», «Ползунков»

Темы, затрагиваемые в произведениях этого периода, неоднократно поднимались и раскрывались в дальнейшем. Одной из центральных проблем оставался вопрос «маленького человека», который был буквально задавлен обстоятельствами, тяжелыми финансовыми и бытовыми условиями, беспомощностью, и отсутствием возможности свободного выбора.

Ф.М. Достоевский показывал, как его героям приходится выживать в крайне тяжелых ситуациях, он изображал простых людей беспомощными и зависящими от воли случая. Данная тема неоднократно поднималась в произведениях, которые были написаны в 60-е годы.

Стоит отметить, что 60-е – это новый этап творчества Ф.М. Достоевского. Ему пришлось пережить каторгу, но она послужила для писателя своеобразным уроком, который позволил больше узнать о действительности, царящем неравенстве и проблемах общества. Автор, оказавшись на уровне преступников, смог взглянуть на бытие, казалось бы, из небытия,

Пережитый опыт способствовал обращению большого внимания на социальный аспект, а также раскрытию новых проблем и вопросов существовавшей действительности. Ф.М. Достоевский осознал, что его взгляды 40-х годов были утопическими, а реальность оказалось намного сложнее. В итоге, автор отошел от романтизма, с головой уйдя в жесткий реализм, с помощью которого он показывал всю подноготную личностной трагедии человека того времени.

В произведениях 60-х годов начинается исследование темы русского народа как социального феномена. Если рассматривать понятие «народ» в рамках социального или философского аспектов, оно является достаточно широким, многокомпонентным и сложным. По мнению Ф.М. Достоевского, в переломные моменты отечественной истории именно народ становился ее творцом, принимая важные решения и направляя жизнь государства. В зависимости от условий действительности народ может созидать или же разрушать – такова главная идея произведений этого периода. В это время начались реформы, которые всецело нашли отражение в творчестве Ф.М. Достоевского. Он был вдохновлен теми переменами и изменениями в жизни государства и общества, возлагая большие надежды на крестьянскую реформу 1861 года.

Важно отметить, что в произведении «Униженные и оскорбленные» автор исчерпывающим образом раскрыл свое отношение к буржуазному вектору развития общества. Он отмечал, что капитал является неким злом, которое постепенно оскверняло человеческую душу и любые нравственные нормы. Сам Ф.М. Достоевский являлся гуманистом и долгое время был вынужден упорно трудиться, а потому он выступал против подавления силой капитала всего «человеческого». В романе упомянут Ротшильд – это один из богатейших людей того времени, которого также можно было назвать одним из лиц капитализма. Его власть заключалась в деньгах, а сам образ более детально был раскрыт в произведении «Подросток» [3]. Автор исследовал проблему того, как деньги развращали людей, позволяя им переступать через нравственные и моральные нормы, идти по головам.

В рамках своего творчества Ф.М. Достоевский раскрывал судьбы героев, которые являлись бедными, нередко беспомощными и больными людьми, но их духовное богатство ставилось выше денежного богатства капиталистов. Так, людям приходилось пройти через тяжелые испытания, сопряженные с оскорблениями, унижением и даже смертью, но в итоге они оставались победителями в нравственном смысле.

Еще одним произведением, раскрывающим особенность влияния денег на личность человека, стал роман «Игрок» [4]. Ф.М. Достоевский исследовал сущность взаимоотношений представителей буржуазии, для которых главной задачей являлось преумножение капитала. Деньги развращали человека, заставляя забыть про нормы морали, нравственность, он постепенно отдавался в руки алчности, жадности, жестокости. Желание наживы для многих становилось обыденностью. Простая игра в рулетку из человека делала раба, и даже безумца с доминированием животного начала.

В романе «Игрок» Ф.М. Достоевский показал, как все те богатства, которые Алексей Иванович смог выиграть в рулетку, не позволяют ему стать счастливым. Деньги только аккумулировали отрицательные эмоции в душе главного героя. Любовные отношения не завершились счастливым концом, несмотря на отсутствие нехватки денежных средств и возможность счастливой жизни.

Главным героем романа «Преступление и наказание» выступает Родион Романович Раскольников, простой студент. Трагедия личности этого человека особым образом раскрывается на фоне общественного кризиса России, возникшего в период после реализации реформ [5].

В данном произведении Ф.М. Достоевский всецело раскрывает проблему нищеты, сложности социальных отношений и повсеместной несправедливости, которая сопряжена с поддельными моральными нормами и обманом. При этом автор винит в формировании такой действительности не конкретных людей, а само общество, ведь именно оно является распространителем культа пьянства, преступной деятельности,

блуда, неравенства и других негативных социальных явлений. Российская действительность становится главным виновником жизненной трагедии практически каждой личности.

В развитии творчества Ф.М. Достоевского и в процессе формирования его воззрения особую роль играет роман «Идиот» [6]. В нем автор уже традиционно критикует и раскрывает действительность России, обращая внимания на ее социальные недостатки и нравственные проблемы. Так, Ганя Иволгин – это типичный представитель капиталистического общества, мысли которого заняты только богатством, на пути к которому его не остановят никакие нравственные и моральные нормы. «Покровитель» Афанасий Тоцкий являлся одним из лиц, входящих в высшие круги общества благодаря богатству. В то же время Афанасий Тоцкий раскрывается как представитель помещиков-крепостников, которые измеряли статус человека именно в соответствии с его финансовым состоянием. Стоит заметить, что образы данного романа преимущественно отражают характеры и стремления представителей общества, в котором жил и трудился Ф.М. Достоевский.

В своих гениальных произведениях писатель сумел поднять целый пласт проблем, возникающих, прежде всего, в человеческом обществе, отягощенном социальным неравенством. Автор раскрывал пороки общества весьма резко, показывая самую темную сущность человеческой души. В его произведениях критиковались распространенные повсеместно бедность, пьянство, алчность, проституция и другие негативные явления современного ему общества. Ф.М. Достоевский не боялся показать правду, он хотел привлечь внимание к актуальным проблемам, став одним из наиболее известных и популярных писателей в России.

70-е годы в творчестве Ф.М. Достоевского начинаются с произведения «Бесы». Данный роман считается наиболее политизированным во всей отечественной литературе XIX века. Стоит заметить, что это единственное произведение писателя, имеющее политическую направленность, раскрывающее конкретные исторические моменты.

Ф.М. Достоевского всерьез беспокоила судьба страны и народа. Он исследовал проблему стабильности общества, которой угрожали действия революционеров и представителей радикального течения, имеющих свою определенную идеологию и взгляды. Поэтому Ф.М. Достоевский в романе «Бесы» явно противопоставил то, какие именно социальные силы и слои общества доминируют в России. Он описывал исконные традиции русского народа, сформированные в ходе исторического развития, вытесняемые теорией нигилизма, с восторгом встреченной молодежью 60-х годов, но носившей деструктивный характер.

В романе «Подросток» главное внимание уделяется отражению человеческого несовершенства и виде самых ужасных пороков, которые в ходе эволюции общества и мира в целом обретают новую форму и все больше разлагают общество, оскверняя сущность человека. Центральной проблемой все также оставались деньги, которые поглощали человека и заставляли его думать только о капитале, которому общество продолжало поклоняться. Кроме того, освобождение крестьян, по мысли писателя, способствовало развитию капитализма и усугублению основных пороков российского общества.

Постепенно в XIX веке появилось такое явление как благотворительность, которая осуществлялась силами купцов-старообрядцев. Они жертвовали деньги на науку и культуру, в образовательную и медицинскую сферы. Меценаты являлись глубоко верующими людьми с традиционными взглядами. Ф.М. Достоевскому не пришлось своими глазами наблюдать расцвет благотворительности, но он указывал на необходимость такой деятельности для сохранения общества. Автор верил, что такие действия послужат на благо не только конкретным людям, но и обществу в целом.

Роман «Братья Карамазовы» посвящен проблемам общества, раскрываемым через призму семьи. Автор никогда не идеализировал российское общество, он неоднократно осуждал негативные явления и отсутствие у него стремления к совершенствованию. Ф.М. Достоевский понимал, что социальные проблемы так просто не уйдут, они постепенно будут закрепляться в действительности, что сделает их нормой в созданиях граждан.

Во-первых, Ф.М. Достоевским ставится исторически извечная проблема взаимосвязи свободы и хлеба, то есть духовного и материального. Вся история человечества связана с этой проблематикой, с двумя взаимоисключающими началами. «...Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [7; т.14, с.231]. В противоположность христианским нормам звучит голос великого инквизитора: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели! [7; т.14, с.230].

Во-вторых, писатель размышляет над христианской проблемой борьбы абсолютного зла (Великий инквизитор) и абсолютного добра (Иисус Христос). Речь идет о смысле жизни: «...Тайна бытия челове-

ского не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше!» [7; т.14, с.232]. Тематика «Легенды о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в определенной мере созвучна сюжетной линии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где абсолютное добро в лице Иешуа противостоит абсолютному злу Воланда.

В-третьих, в «Великом инквизиторе» поставлена сугубо историческая тема о роли и судьбах народов в истории человеческой цивилизации. «Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. <...> Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» [7; т.14, с.235]. Здесь просматривается нравственный аспект социально-исторического процесса, о котором размышляет писатель, говоря о судьбах цивилизации.

Таким образом, в своих художественных и публицистических сочинениях Ф.М. Достоевский идеализировал русский народ, хотя видел в нем и ряд отрицательных качеств (например, пьянство), считал возможным изменение условий его жизни путем распространения просвещения и грамотности. Мыслитель категорически отрицал путь революционного насилия, уповав на реформы сверху в качестве единственного пути эволюции российского общества и государства.

Библиографический список

1. Волкова Е.А. Формирование социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского в 1840-е годы // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. №4(8). С.5-10.
2. Волкова Е.А. Взаимодействие власти и общества в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России: Материалы 2-й межрегиональной научно-практической конференции. Воронеж: РИО Воронежского филиала РАНХ и ГС, 2016. С.39-45.
3. Волкова Е.А. Исторические взгляды Ф.М. Достоевского в романе «Подросток» // Известия Волгоградского государственного университета. 2016. №4. С.144-149.
4. Волкова Е.А. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского (на примере художественных произведений первой половины 1860-х годов) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. Т.271. №2 (271).С.109-122.
5. Волкова Е.А. Социально-историческая тематика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. Вып.39. №15 (236). С.108-114.
6. Волкова Е.А. Российское общество и государство в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки: Вып.2 (10). С.138-144.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Л.: Наука, 1972-1988.

References

1. Volkova E.A. Formation of socio-historical views of F.M. Dostoevsky in the 1840s // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. 2015. №4 (8). P. 5-10.
2. Volkova E.A. The interaction of power and society in the works of F.M. Dostoevsky // Problems of the effectiveness of state power: external and internal factors of the dynamic development of Russia: Proceedings of the 2nd interregional scientific-practical conference. Voronezh: RIO of the Voronezh branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2016. P.39-45.
3. Volkova E.A. Historical views of F.M. Dostoevsky in the novel "Teenager" // Bulletin of the Volgograd State University. 2016. №4. P.144-149.
4. Volkova E.A. Historical views of F.M. Dostoevsky (on the example of works of art of the first half of the 1860s) // Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2016. T.271. № 2 (271). P.109-122.
5. Volkova E.A. Socio-historical themes in the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" // Scientific Bulletin of Belgorod State University. 2016. Issue 39. №15 (236). P.108-114.
6. Volkova, E.A. Russian society and the state in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Idiot" / E.A. Volkova // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Social Sciences and Humanities: Issue 2 (10) P.138-144.
7. Dostoevsky, F.M. Complete works in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1972-1988.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.58.84.002

*Нижегородская академия МВД России
Кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры иностранного языка и
культуры речи
Замальдинов В.Е.
Россия, г. Нижний Новгород,
тел. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Candidate of philological Sciences,
teacher of the department of foreign language and
speech culture
Zamaldinov V.E.
Russia, Nizhny Novgorod,
tel. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

В.Е. Замальдинов

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАФИКСАТОВ-ЭРГОНИМОВ САЛОНОВ КРАСОТЫ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА

Цель статьи – выявить особенности образования и функционирования графиксатов-эргонимов салонов красоты Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Для достижения поставленной цели в работе использовались следующие методы и приёмы исследования: приём сплошной выборки, общенаучный метод с использованием приёмов обобщения, интерпретации и классификации материала, словообразовательный и прагматический виды анализов. Методологической базой исследования являются работы таких учёных, как И.В. Бугаева, В.А. Крыжановская, И.В. Крюкова, И.Н. Пономаренко, Т.В. Попова, Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова и др. Отмечается, что для привлечения внимания адресата номинаторы выбирают креативное рекламное имя. Его разновидностью являются эргонимы – собственные наименования организаций различного функционального профиля. Анализируются только те названия, в которых адресанты используют графо-орфографическую игру. Подобные единицы мы называем графиксатами. Показано, что номинаторы активно используют такой вид графиксации, как монографиксация. Данный тип графического словообразования реализуется в капитализации, архаизации написания и апострофизации. При создании названий салонов красоты Нижегородского региона имядатели используют ещё такой вид графиксации, как полиграфиксация. Данный тип графико-орфографической игры реализуется в латинографиксации и кириллизации иноязычного слова. Кроме того, графиксация в нашем материале представлена кодографиксацией. Она реализуется в основном в нумерографиксации. Делается вывод о том, что графиксаты-эргонимы привлекают внимание потребителей, повышают эрудированность горожан, вызывают положительные ассоциации, актуализируют специфику заведения. Среди основных функций подобных номинаций отмечены аттрактивная, эстетическая, информативная и декоративная. Для оказания эффективного воздействия на носителей языка адресанты создают многофункциональные эргонимы.

Ключевые слова: эргоним, графиксация, монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация, воздействии.

V.E. Zamaldinov

FEATURES OF FORMATION AND FUNCTIONING OF GRAPHSATS-ERGONYMS OF BEAUTY SALONS OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

The purpose of the article is to identify the features of the formation and functioning of graphsats-ergonyms of beauty salons in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region. To achieve this goal, the following research methods and techniques were used: the method of continuous sampling, general scientific method using methods of generalization, interpretation and classification of material, word-formation and pragmatic types of analysis. The methodologi-

cal basis of the research is the work of such scientists as I.V. Bugaeva, V.A. Kryzhanovskaya, I.V. Kryukova, I.N. Ponomarenko, T.V. Popova, E.N. Remchukova, T.P. Sokolova and others. It is noted that to attract the attention of the recipient, nominees choose a creative advertising name. Its variety is ergonyms-proper names of organizations of various functional profiles. Only those names in which the addressees use a graph-spelling game are analyzed. These units we call graphicsati. It is shown that nominator actively use this kind of graphically as monografiksaciya. This type of graphical derivation is implemented in capitalization, the archaism of writing and apostrophizes. When creating names of beauty salons in Nizhny Novgorod region imedately used this kind of graphically as poligrafiksaciya. This type of graph-spelling game is implemented in latin and cyrillization of a foreign language word. In addition, the graphization in our material is represented by kodografiksaciej. It is implemented mainly in numerografiksacii. It is concluded that graphsats-ergonyms attract the attention of consumers, increase the erudition of citizens, cause positive associations and actualize the specifics of the institution. Among the main functions of such categories are marked attractive, aesthetic, informative and decorative. To provide effective impact on native speakers, the sender creates a multifunctional ergonyms.

Keywords: ergonym, graphicsize, monografiksaciya, poligrafiksaciya, kodografiksaciya, impact.

Город представляет собой особую систему, в которой происходит взаимодействие социальных, культурных, политических, экономических сторон жизни. Нельзя не согласиться с исследователем, что «каждый большой современный город – это Вавилон» [1; с. 10]. Для города характерна мобильность, многофункциональность, динамичность. Всё это не может не повлиять на языковой образ города.

Язык города включает в себя не только устную, но и письменную речь, которая представлена городскими наименованиями. Через неймы происходит процесс общения владельца заведения и потенциального клиента, так как названия чаще всего совмещают в себе вербальную и визуальную информацию. По мнению Н.В. Пушкарёвой, «налицо стремление к диалогу с горожанами, первые попытки заинтересовать не массы, а конкретного человека и одновременно заинтересоваться им, можно говорить о явно выраженной коммуникативной направленности современных вывесок» [2; с. 31-32]. Современные рекламные названия городских объектов привлекают внимание аудитории, определяют образ жизни и менталитет горожан, отражают социально-политические изменения в обществе, воздействуют на сознание носителей языка. По мнению исследователей, «владельцы предприятий в условиях рыночной экономики стремятся любыми способами привлечь покупателей, одним из условий привлечения клиентов выступает и название предприятия, фирмы, магазина. Имя поэтому выбирается необычное, яркое, запоминающееся, такое, которое служит рекламой» [3; с. 107].

Разновидностью рекламного имени являются эргонимы – собственные наименования организаций различного функционального профиля. Данный термин впервые использовала Н.В. Подольская, которая понимала под эргонимом «разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4; с. 166]. По мнению Т.В. Федотовой, «эргоним – достаточно обобщённое понятие, так как каждый из объектов <...> выполняет свои функции и, соответственно, номинация любого из названных объектов должна быть мотивирована в зависимости от цели функционирования конкретного объекта» [5; с. 86]. Эргонимы отличаются вторичностью номинации, орфографической нестабильностью, динамичностью, изменяемостью. Главными функциями эргонимов являются номинативная (назывная), информативная (идентификация объекта) и рекламная (языковое воздействие на сознание носителей языка). Однако необходимо отметить, что функции эргонимов более разнообразны. Как отмечает И.В. Крюкова, «общими свойствами эргонимов можно считать способность номинировать некий коллектив, объединённый на коммерческих, идеологических, социокультурных и иных основаниях, и выполнять социально-значимые функции – рекламную, агитационную, мемориальную и др.» [6; с. 69]. Нам представляется целесообразным рассмотреть наименования объектов индустрии красоты Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Во-первых, эта отрасль рынка динамично развивается, появляются новые виды парикмахерских услуг. По мнению Т.В. Шмелёвой, «заведения, не имеющие себя парикмахерской, предлагают “широкий спектр услуг”, как пишут в рекламных изданиях: услуги нейл-индустрии, солярий/студию загара, коллагенарий, SPA и др. Но основной их работой оказывается стрижка и уход за волосами, что и объясняет их присутствие в реестрах парикмахерских» [7; с. 71]. Во-вторых, в современном мире люди обеспокоены своим внешним видом, поэтому готовы отдавать крупные суммы денег, чтобы соответствовать западным стандартам красоты. В-третьих, «описание языка города выявляет региональную специфику функционирования русского языка, что соответствует задачам современной социолингвистики» [8; с. 250].

Необходимо отметить, что в данной статье нас будут интересовать только те эргонимы, в которых номинатор использовал графо-орфографическую игру. «Под графической игрой мы понимаем такое использование разнообразных средств параграфематики: шрифтового выделения, варьирования шрифтов, символов, скобок, кавычек и др., – которое направлено на реализацию воздействующей функции языка СМИ и рекламы» [9; с. 67]. Гибридные единицы, полученные с помощью графо-орфографической игры, мы будем называть графиксатами. «В современном письменном тексте помимо традиционных визуализирующих средств (иллюстраций, диаграмм, таблиц, рисунков, фотографий и т.п.) активно используются качественно новые иконически-вербальные элементы, которые получили название графиксатов, или графодериватов» [10; с. 199]. Вслед за Т.В. Поповой [11] рассмотрим разновидности графиксации в нашем материале.

В городском пространстве активно создаются эргонимы путём монографиксации, то есть с помощью графических элементов одного языка. Данный тип графиксации реализуется в таком приёме, как капитализация. Под ней мы понимаем употребление прописных букв в узуальной лексеме. «Под капитализацией мы понимаем выделение части слова – сегмента – большими буквами» [12; с. 64]: салон-парикмахерская *ШИКОлад*, студия красоты *СветЛица*, салон красоты *к.Лик*. В первом примере название салона-парикмахерской может трактоваться как слово «шоколад», поэтому в сознании адресатов возникает ассоциация, связанная с получением наслаждения и удовольствия. Следует обратить внимание на то, что в эргониме выделена часть *ШИК*. Имядатель намеренно нарушил нормы орфографии для того, чтобы вызвать у потребителя ещё ассоциацию со словом «шикарный». Во втором примере эргоним *СветЛица* напоминает слово «светлица». В сознании носителей языка могут возникнуть ассоциации со светлой парадной комнатой. Однако капитальная буква *Л* делит слово на две части. Элемент *Свет* может восприниматься как женское имя Светлана. Часть эргонима *Лица* актуализирует специфику организации, отличительной чертой которой являются услуги, связанные с оформлением лица с помощью косметики. Эргоним *к.Лик* может трактоваться горожанами как слово «клик». Однако имядатель с помощью капитальной буквы *Л* выделяют часть *Лик* – ‘лицо’. Поэтому горожане догадываются, что в данном заведении оказывают косметические процедуры для кожи лица. Таким образом, с помощью капитализации в эргониме могут выделяться значимые слова. Подобные номинации имеют двойную мотивацию. Особый интерес представляют эргонимы с суффиксом *-ок* с уменьшительно-ласкательным значением: студия маникюра и педикюра *НоготОК*. Можно предположить, что номинаторы заставляют адресатов интерпретировать русский суффикс как английскую графему *OK* со значением ‘все хорошо’. В результате этого клиенты трактуют вывеску как «ногти высокого качества». Инновации с элементом *OK* со значением положительной оценки указывают на сферу деятельности фирмы, воздействуют на сознание потребителей. Таким образом, эргонимы выполняют преимущественно аттрактивную, эстетическую и информативную функции.

Разновидностью монографиксации является архаизация написания (релитерографиксация). Под ней мы понимаем подражание нормам дореволюционной орфографии: салон красоты *ЦИРЮЛЬНИКЪ*, салон красоты *ШишковЪ*. По мнению исследователей, «ещё одной модной тенденцией можно считать возвращение старых русских моделей, формирование своеобразного ретро-стиля в эргонимии» [13; с. 125]. Подобные эргонимы ассоциируются у адресатов с надёжностью, указывают на долговременность, способствуют преодолению одноимённости с другими организациями, могут обозначать сферу деятельности и место расположения объекта (так, например, салон красоты *ШишковЪ* находится на улице Вячеслава Шишкова). На наш взгляд, графиксаты с архаизированным написанием выполняют информативную функцию и функцию привлечения внимания. Сейчас включение литер дореволюционной кириллицы в эргонимы выражено в меньшей степени, так как подобные номинации воспринимаются горожанами как штамп.

Другой разновидностью монографиксации является апострофизация. Под ней мы будем понимать использование апострофа для разбиения слова на части: парикмахерская *П'ЧЁЛКА*. На первый взгляд название салона может быть прочитано как особая запись слова «пчёлка». Однако использование адресантами апострофизации придаёт эргониму новый смысл. Часть *ЧЁЛКА* указывает на элемент причёски, поэтому потенциальный потребитель легко догадывается об оказываемой услуге. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что графиксаты-эргонимы с апострофизацией реализуют информативную и аттрактивную функции.

В городском пространстве представлена такая разновидность графиксации как полиграфиксация. По словам И.А. Нефляшевой, под полиграфиксатами «понимаются окказионализмы (новообра-

зования, созданные с нарушением нормы, функционирующие в речи), в графическом облике которых одновременно присутствуют знаки кириллицы и других графических систем письма» [14; с. 92]. Интерес представляют графиксаты-эргонимы, в которых происходит замена отдельных кириллических букв латинскими: бьюти-студия *Виктория*, салон красоты *VOБPАЗE*, салон красоты *ZEBPA*, салон-парикмахерская *Нелли*, студия маникюра *ПИЛКИ*. Как видно из примеров, имядатели довольно часто употребляют такие буквы латинского алфавита, как *V, Z, N, L*. Подобные графиксаты привлекают внимание горожан, оживляют городское пространство.

Заменяться латиницей может не только отдельная буква кириллического алфавита, но и часть русской лексемы: салон красоты *БИГУДИНИ*, салон красоты *BESTuЯ*, салон красоты *ЭГОisТЫ*, салон красоты *uSPАния*. Эргоним *БИГУДИНИ*, с одной стороны, может трактоваться клиентами как лексема «бигуди» и ассоциироваться с деятельностью фирмы. С другой стороны, номинаторы выделяют красным цветом часть *Би*. Цветовое оформление рекламного имени рассматривается как мощный приём управления предпочтениями адресатов. С помощью цветовой гаммы адресанты обостряют эмоциональное восприятие посетителей, вызывают желание у носителей языка воспользоваться услугой. Так, красный оттенок ассоциируется у потребителей с лидерством, динамикой, властью. Благодаря использованию данного цвета носители языка воспринимают часть *Би* как транслитерированную английскую лексему *be* – ‘быть’. Поэтому у потенциальных клиентов название салона красоты может ассоциироваться с фразой «быть Гудини». Данное прецедентное имя связывается в сознании аудитории с таким видом искусства, как иллюзионизм, для которого характерна ловкость рук. Таким образом, эргоним, основанный на прецедентном имени, активизирует фоновые культурные знания потребителя, обладает прагматикой, вызывает интерес у клиентов, может указывать на специфику заведения. Не менее интересен эргоним *BESTuЯ*. На первый взгляд перед нами лексема «бестия», которая трактуется как ‘плут’. Однако при внимательном рассмотрении названия салона можно увидеть английское слово *BEST* – ‘лучший’. Таким образом, данный эргоним создаёт положительную репутацию заведению и может трактоваться как «я лучший». Название салона красоты *ЭГОisТЫ* ассоциируется у посетителей со словом «эгоисты». В эргониме обыгрывается лексема *is* (в пер. с англ. «быть, являться»). Поэтому при переводе иноязычного элемента название салона красоты трактуется как «эго – это ты». Эргоним *uSPАния* может пониматься посетителями как слово «Испания». Номинаторы выделяют часть *SPA* (в пер. с лат. «через воду к здоровью»), которая указывает на специфику заведения. Таким образом, *uSPАния* – это место, где можно улучшить своё здоровье с помощью водных процедур.

В социокультурном пространстве города нами были выявлены графиксаты-эргонимы с транслитерацией русской лексемы: салон красоты *Kukla*, салон красоты *PUDRA*, салон красоты *Zefir*, салон красоты *GnezDo*, студия красоты *BRILLIANT*, студия красоты *GRIMERKA*, студия ногтевого сервиса *KOZA*, барбершоп *BORODACH*. Присутствуют в эргонимической системе города Нижнего Новгорода и Нижегородской области нетранслитерированные иностранные названия. С точки зрения структуры, подобные наименования делятся на однословные нетранслитерированные эргонимы (салон красоты *FRIENDS*, салон красоты *HAPPY*, салон красоты *Sunday*, салон красоты *Glamour*, салон красоты *Robe*, салон красоты *birdie*, парикмахерская *Bell*, парикмахерская *Cherry*, барбершоп *KING*, студия маникюра *FOXY*) и неоднословные нетранслитерированные эргонимы (салон красоты *Nota Bene*, салон красоты *My secret*, салон красоты *White Clouds*, салон красоты *Hair Gold*, студия причёсок *Only You*, семейная парикмахерская *MyFamily*, мужская парикмахерская *BIG BRO*, барбершоп *OldBoy*).

Использование эргонимов, оформленных латинской графикой, связано с европеизацией жизни, прогрессом, модой, распространением информационных технологий. По мнению М.Н. Романкевич, «название на иностранном языке подсознательно вызывает у людей ассоциацию с иностранными брендами и качеством поставляемой продукции» [15; с. 114-115]. Подобные номинации обозначают сферу деятельности компании, содержат дополнительную информацию, повышают эрудированность адресатов, заставляют потенциальных клиентов остановить взгляд на вывеске и расшифровать рекламное имя. Таким образом, полиграфиксаты реализуют одновременно несколько функций: аттрактивную, информативную, декоративную. Как отмечают учёные, «включение английских языковых единиц в оформлении языка города можно охарактеризовать как активное, а введение иностранных графем становится распространённым средством выражения экспрессии» [16; с. 179]. Однако номинаторам необходимо помнить о том, что избыточное употребление латиницы может расшатывать литературную норму русского языка, создавать барьеры для понимания и приводить к коммуникатив-

ным неудачам. «Коммерческие наименования с использованием латиницы успешно выполняют маркетинговую и рекламную функции, но часто не соответствуют требованиям коммуникации» [17; с. 76].

В рамках полиграфикации можно выделить такой процесс, как кириллизация иноязычного слова, т.е. написание английской лексемы русскими буквами: парикмахерская *Стрижкофф*. Как видно из примера, иноязычный суффикс *-off* передан кириллицей. Он вносит несерьёзность и шутовскую в наименование. Необходимо отметить, что в эргониме представлен «хозяин» фирмы, который несёт ответственность за качество оказания услуг. Поэтому носители языка подсознательно начинают доверять данному заведению. Кроме того, подобные инновации с суффиксом *-off* указывают на род деятельности фирмы, привлекают внимание потребителей, а значит выполняют информативную и аттрактивную функции. Как справедливо отмечают исследователи, «названия такого типа соединяют в себе несколько современных тенденций в сфере номинации: с одной стороны, это тенденция к использованию иноязычных формантов в качестве экзотизмов, с другой – тенденция к «русскости» (чаще всего *-off* передается именно кириллицей как *-офф*) и к архаичности, и с третьей – к фонетическому принципу письма (оглушение согласной на конце слова)» [18; с. 137].

В оформлении культурного пространства города встречается такой тип графикации, как кодографикация. Под ней мы понимаем создание инноваций с помощью элементов разных кодовых систем. Частным случаем кодографикации является нумерографикация: ногтевая студия *4hands*, барбершоп *PRO100BARBER*. В первом случае цифра 4 (англ. four) звучит омонимично предлогу *for* (в пер. с англ. «для»), что позволяет перевести название как «для рук». Во втором эргониме цифра 100 произносится как заменяемый слог, поэтому рекламное имя расшифровывается как «просто барбер». Кроме того, в эргонимах может использоваться амперсанд (&) – графическое сокращение латинского союза *et* («и»): посольство красоты *Sebastian & Nikol'*, medical SPA *Europe & Asia*, студия красоты *RED&Black*, салон красоты *Girls&Boys*. Как отмечают лингвисты, амперсанд «выполняет определённую эстетическую функцию, а графически – разделительную. В этом состоит специфика употребления амперсанда: он скорее используется как красивый графический знак, а его синонимичность союзу “и” легко “декодируется” носителем языка» [19; с. 41]. Таким образом, кодографикаты реализуют аттрактивную и эстетическую функции.

В ходе исследования было выявлено, что частью языка города являются городские наименования. Коммерческие номинации не только привлекают внимание потребителей, но и определяют образ жизни горожан. «Публичное пространство города все чаще вторгается в личное пространство его обитателей, принимая за них решения, настаивая, убеждая» [20; с. 173].

Разновидностью рекламного имени являются эргонимы – собственные названия организаций. Наш материал показывает, что в городском пространстве продуктивны эргонимы, созданные с помощью графо-орфографической игры. В Нижнем Новгороде и Нижегородской области графикация представлена такими разновидностями, как монографикация, полиграфикация и кодографикация. Графикаты-эргонимы повышают эрудированность потребителей, вызывают положительные ассоциации, актуализируют специфику заведения. Таким образом, подобные номинации выполняют аттрактивную, эстетическую, информативную и декоративную функции. Для привлечения внимания большего числа потребителей имядатели стараются вложить сразу несколько функций в один эргоним.

Библиографический список

1. Кибрик А.А. Почему интересно изучать языки Москвы? // Родной язык: лингвистический журнал. 2017. № 2 (7). С. 8-23.
2. Пушкарёва Н.В. Вывески как свернутые тексты в городском пространстве XXI в. // Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл) / отв. ред. Т. С. Садова; Русская диалектология / отв. ред. О. В. Васильева; Когнитивная лингвистика / отв. ред. Л. Н. Донина: материалы секций XLV Международной филологической конференции, 14–21 марта 2016 г. Санкт-Петербург, ВВМ, 2016. С. 26-32.
3. Картавенко В.С. Языковые контакты в топонимии // Экология языка и речи: материалы VIII Международной научной конференции (21-23 ноября 2019 г.) / отв. ред. Т.В. Махрачёва. Тамбов, Издательский дом «Державинский», 2019. С. 285-289.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1978. 200 с.
5. Федотова Т.В. Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 85-90.

6. Крюкова И.В. Коннотативная эргонимия // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, «ТПК “Печатный двор”», 2019. С. 68-72.
7. Шмелева Т.В. Как называют парикмахерские в Великом Новгороде // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / отв. и науч. ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. Красноярск, Сибирский федер. ун-т, 2014. Вып. 5. С. 69–75.
8. Михайлюкова Н.В. Тексты городской среды в аспекте структурных и семантических особенностей: вывески г. Владивостока // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 249-253.
9. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 296 с.
10. Попова Т.В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удаchi и неудачи (на материале графикатов русского языка рубежа XX-XXI вв.) // Лингвистика креатива-2: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2012. С. 199-233.
11. Попова Т.В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 229-269.
12. Беданоква З.К. Графическая игра в современной российской рекламе с позиций прагматики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 64-69.
13. Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 120-131.
14. Нефляшева И.А. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 5-1. С. 91-99.
15. Романкевич М.Н. Особенности проявления языковой гибридации в названиях минских кафе и ресторанов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 112-120.
16. Пономаренко И.Н., Крыжановская В.А. Современный эргоним: основные тенденции в нейминге // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 176-186.
17. Бугаева И.В. «Свое» и «чужое» на городских вывесках: экспериментальное исследование // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 69-81.
18. Ремчукова Е.Н., Махиянова Л.Р. Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2. С. 132-141.
19. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. «Свое» и «чужое» в коммуникативном пространстве российского города // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 31-50.
20. Поплавская Т.В. Прагматика города: вывеска как реплика // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 28. С. 171-173.

References

1. Kibrik A. A. Why is it interesting to study the languages of Moscow? // Native language: a linguistic journal. 2017. Vol. 2 (7). P. 8-23.
2. Pushkareva N.V. Signage as collapsed texts in the urban space of the XXI century // Lexicology. Russian Russian lexicography: (Russian-Slavic cycle) / ed. by T.S. Sadova; Russian dialectology / ed. by O.V. Vasileva; Cognitive linguistics / ed. by L.N. Donina. St. Petersburg, 2016. P. 26-32.
3. Kartavenko V.S. Language contacts in toponymy // Ecology of language and speech / Resp. edited by T.V. Magracheva. Tambov, 2019. P. 285-289.
4. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / ed. A.V. Superanskaya; Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 1978, 200 p.
5. Fedotova T.V. Representation of regional identity in the ergonomic field of Kuban // Political linguistics. 2016. Vol. 6 (60). P. 85-90.
6. Kryukova I.V. Connotative ergonymy // Onomastics of the Volga region / Comp., ed. V.L. Vasiliev; Novgorod state University. Un-t im. Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2019. P. 68-72.
7. Shmeleva T.V. As barbershops are called in Veliky Novgorod // Man and language in the communicative space / ed. by Prof. B. Ya. Sharifullin. Krasnoyarsk, 2014. Vol. 5. P. 69-75.
8. Mikhailiyukova N.V. Texts of the urban environment in the aspect of structural and semantic features: signs of Vladivostok // Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects. 2011. Vol. 2. P. 249-253.

9. Ilyasova S.V., Amiri L.P. Language game in the communicative space of mass media and advertising. Moscow, 2015. 296 p.
10. Popova T.V. Modern graph-spelling games: communicative luck and failure (based on the material of the graphsats of the Russian language of the turn of the XX-XXI centuries) // Linguistics of creativity-2: collective monograph / edited by T.A. Gridina. Yekaterinburg, 2012. P. 199-233.
11. Popova T.V. New in the study of graphoderivation // Linguistics of creativity-4: collective monograph / ed. by T. A. Gridina. Yekaterinburg, 2018. P. 229-269.
12. Bedanokova Z.K. Graphic game in modern russian advertising from the position of pragmatics // Bulletin of the Pyatigorsk state linguistic University. 2009. Vol. 3. P. 64-69.
13. Kryukova I.V. Names of russian business objects from the point of view of language fashion // The ethnographic review. 2007. Vol. 1. P. 120-131.
14. Neflyasheva I.A. Foreign language graphic elements in the structure of an occasional word // Bulletin of Stavropol state University. 2011. Vol. 5-1. P. 91-99.
15. Romankevich M.N. Features of language hybridization in the names of Minsk cafes and restaurants // Bulletin of the Moscow state linguistic University. Humanities. 2019. Vol. 3 (819). P. 112-120.
16. Ponomarenko I.N., Kryzhanovskaya V.A. Modern ergonym: main trends in naming // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological science. 2019. Vol. 5 (71). № 3. P. 176-186.
17. Bugaeva I.V. "Your" and "someone else's" on city signs: an experimental study // Communication research. 2019. Vol. 6. № 1. P. 69-81.
18. Remchukova E.N., Makhyanova L.R. the Lexico-grammatical mechanisms of languageagnostic in the field of urban category // Bulletin of the peoples friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2015. Vol. 2. P. 132-141.
19. Remchukova E.N., Sokolova T.P. "Own" and "foreign" in the communicative space of the Russian city // Communication research. 2019. Vol. 6. № 1. P. 31-50.
20. Poplavskaya T.V. Pragmatics of the city: signage as a replica // Scientific notes of the UO VGU named after P.M. Masherova. 2018. Vol. 28. P. 171-173.

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.79.94.003

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

МУЖСКИЕ НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА ЖИТЕЛЕЙ ПОСЁЛКА ВЫСОКОГО ТАЛОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В исследовании внимание сосредоточено на речи жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области. Актуальность данной работы продиктована имеющимся интересом к живому народному слову как удивительному феномену современности. Цель статьи состоит в выявлении антропонимических единиц, называющих представителей мужского пола по особенностям внешности, речи, умственным способностям, чертам характера в высококовском говоре, определении их семантического значения, установлении имён-метафор, уточнении наиболее продуктивных подгрупп в каждой группе и указании их частеречной принадлежности. В качестве языкового материала использована речь коренных селян старшей возрастной группы (Л.Я. Гридневой, М.В. Бочарникова, М.М. Бочарниковой), записанная в ходе непосредственного общения с автором. Объектом наблюдений стали неофициальные наименования мужчин – прозвищ. Предметом исследования выступает местный говор. В ходе анализа описано толкование всех зафиксированных лексических единиц. В результате обобщено 4 группы прозвищ, представленные 12 подгруппами. У 78 некалендарных имён определены разные признаки, положенные в основу номинации. Это дало возможность выявить конкретные характеристики носителя того или иного антропонима. Указано, что многочисленной группой являются прозвища, отражающие особенности внешности человека. Малочисленной группой выступают прозвища, указывающие на умственные способности. Выявлено, что в большинстве своём некалендарные имена выражаются существительными (56 единиц), прозвища, представленные прилагательными, малочисленны (21 единица). Одно из прозвищ выступает в форме повелительного наклонения глагола. Среди зарегистрированных антропонимов найдено 19 имён-метафор, указаны их ассоциативные связи. Отмечено, что в основу всех представленных неофициальных именовании положены реальные качества, характеристики их обладателей или разовые события и факты, за которые люди их удостоились.

Ключевые слова: антропоним, прозвище, неофициальное именование; внешность, речь, черты характера, умственные способности; продуктивные и малочисленные группы; имена-метафоры, ассоциативные связи.

L.V. Nedostupova

MALE ANTHROPONYMS IN THE VORONEZH REGION (ON THE EXAMPLE OF DATA ON A PERSON'S APPEARANCE, SPEECH FEATURES, MENTAL ABILITIES AND CHARACTER TRAITS)

The study focuses on the speech of residents of the village of Vysoky Talovsky district of the Voronezh region. The relevance of this work is dictated by the existing interest in the living folk word as an amazing phenomenon of our time. The purpose of the article is to identify anthroponymic units that name males in appearance, speech characteristics, mental abilities, character traits in Vysokov's dialect, determining their semantic meaning, establishing metaphor names, clarifying the most productive subgroups in each group and indicating their part of speech affiliation. As a linguistic material, the speech of indigenous villagers of the older age group was used: Gridnevoy L.Ya., Bocharnikova M.V., Bocharnikova M.M., which was recorded in the course of direct communication with the author in the field. The unofficial names of men became the object of observation. The subject of research is the local dialect. In the course of the analysis, the interpretation of all lexical units recorded from the lips of the respondents is described. As a result, 4

groups of nicknames were summarized, displayed by 12 subgroups. 78 non-calendar names are defined according to different criteria. This made it possible to isolate the specific characteristics of the bearer of a particular anthroponym. It is indicated that a large group are nicknames based on a person's appearance, which were given quite easily. The most non-standard of them perfectly coexist with the official names. A small group are nicknames that reflect mental abilities. It was revealed that for the most part non-calendar names are expressed by nouns (56 units), less - by adjectives (21 units). One nickname appears in the form of the imperative mood of the verb. Among the registered anthroponyms, 19 metaphor names were found, their associative links were indicated. It is noted that all the presented unofficial names are based on real qualities, characteristics of their owners or one-time events and facts for which people have been awarded them.

Key words: anthroponym, nickname, unofficial name; appearance, speech, character traits, mental abilities; productive and small groups; names-metaphors, associative links.

Достаточно долго интерес для лингвистов представляют неофициальные именованья, функционирующие в языке жителей сельской местности. Однако до сих пор многие территории остаются неизученными в данном аспекте и открыты для исследователей народной речи.

Естественно, у людей большого города и маленькой деревни устанавливаются несколько разные отношения, складывающиеся внутри социума. Полагаем, что объясняется этот факт перенаселённостью и отсутствием активных языковых контактов друг с другом у первых и особой общностью, в которой соприкасаться с окружающими приходится постоянно у вторых.

Любопытные данные мы обнаружили в небольшом поселении Центрального Черноземья. Обратимся к его истории: «Посёлок Высокий был основан в 1922 году в шести километрах южнее Таловой...Его образование связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века. Стечение ряда обстоятельств: экспедиция Докучаева, возникновение станции Таловая, деятельность Огаркова, близость к тракту Бутурлиновка-Бобров – привели к освоению территории» [1; с.1, 4]. Отметим, что в настоящее время здесь имеются все необходимые для комфортного проживания условия и достаточно развитая инфраструктура. Укажем, что в следующем году люди готовятся отметить столетний юбилей своей деревни.

Итак, продолжая работу по тематической группе «Человек» в рамках антропоцентрической парадигмы, в настоящем исследовании мы акцентируем внимание на неофициальных мужских наименованиях. Для их обозначения в качестве синонимов используем термины: антропонимы, прозвища, некалендарные имена.

Антропонимом называется «любое собственное имя (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним), которое может иметь человек» [2]. Прозвище – кличка, добавочная к имени – прозвание, какое приложили кому в шутку или по какому случаю [3; т. 3, с. 318]. Добавим, что «прозвищное имя – личное некалендарное имя, возникавшее из прозвища и выполняющее функцию официального личного имени» [4].

Как утверждает И.А. Кюршунова, «после принятия христианства некалендарные личные имена и прозвища функционально сближаются, поскольку имеют «родственную» исконно славянскую или исконно русскую апеллятивную основу» [5; с. 104].

Целью данной статьи служит выявление антропонимических единиц, называющих представителей мужского пола по внешности, особенности речи, умственным способностям, чертам характера в высококовском говоре, определение их семантического значения, установление имён-метафор, уточнение наиболее продуктивных подгрупп в каждой группе и указание их частеречной принадлежности. В работе использовались методы опроса, наблюдения, сравнения и описания.

В качестве материала выступает речь коренных жителей старшей возрастной группы (Л.Я. Гридневой, В.Я. Бочарникова, М.В. Бочарникова, М.М. Бочарниковой, Р.Д. Ворониной), записанная в ходе непосредственного общения с автором статьи. Она позволила нам познакомиться с целой галереей уличных имён.

Обратим внимание, каждый человек настолько своеобразен, что эти индивидуальные качества зачастую становятся объектом фиксации в языке.

Рассмотрим подробнее, продемонстрировав примерами живого народного языка, 4 группы неофициальных именованья поселка Высоково Таловского района.

1). Антропонимы, данные по внешности человека:

Бáрин – `прозвище по телосложению и важности`: *Вон Бáрин паéхал на слабадé, тóта ягó так вилчáють, он бальшой и вáжней. Гваритъ нямнога, ну а вон какóй крéпкой.* **Бéлый** – `прозвище по

цвету волос: *Тóлик Жáбин падвóдникам служíл, а там, гваря́, дю́жа тру́дна бы́ла. За три го́да ма́лый пасяде́л. Вярну́лси, и маладе́жь нача́ли яго́ дражні́ть Бе́лый. Так и фсю́ жы́зню он Бе́лый. **Богаты́рь** – `прозвище по росту, красоте и статности`: *Алэ́ха тады́ был дю́жа краси́вай, приро́да яго́ адарі́ла фсем. Чэ́ паглядэ́ць, чэ́ пагварі́ць, чэ́ прайтíтца с ним. Прóзвишшу да́ли Богаты́рь. **Большо́й** – `прозвище человека высокого роста и спортивного телосложения`: *Мíшкы Лопасі́хина рябя́ты прадражні́ли Большо́й, он вить и впрямь а́грóмнай. Чэ́ высока́й, чэ́ крэ́пкай. А де́ти фсе в няго́ вдáриліся, фсе вы́сокай. **Борéц** – `прозвище человека спортивного телосложения`: *Мíшка Гріднев тады́ дю́жа краси́вай, ста́тнай был ма́лый. На няго́ заглядва́ліся. Крофь с малако́м. Зва́лі ту́та Борцо́м. Жáлка, ра́на по́мир. **Буга́й** – `прозвище крепкого и сильного по здоровью человека`: *Ві́тя тады́ раба́тал, ду́маешь, чэ́ нхто́ яго́ ни абéбня. Сильно́шышый был, прадражні́ли Буга́й. **Велика́н, Велика́нов** – `прозвище по очень высокому росту`: *Тóлика ра́ни ту́та был вы́ши фсех, тако́й высо́чэннай, чэ́ яго́ прадражні́ли Велика́н. Харóшай мужучо́к. Глядь, лю́ди расказва́ють, Велика́нов патóн на пруду́. У нас ту́та тако́й глубо́кай пруд был. **Вышихто́н, Вышій́нский** – `прозвище по высокому росту`: *Никада́ яго́ на і́мні ня зва́лі, фсяды́ ток так: Вышихто́н, а хто́ и Вышій́нский звал. Он дю́жа бальшо́га ро́сту был, вы́сокай, крэ́пкай, да́ и го́рдай мужучо́к. **Даймо́н** – `прозвище по маленькому росту и слабому здоровью`: *Бо́рик у Ча́кановых дю́жа сла́бентый радíлси, ничу́ть ня вы́рас. Бува́ла, у няго́ аты́мутъ рябя́ты мя́чик на у́льцы, он ни да́тыгвалси, а прóся «Дай, мой». Ані́ ни аддава́ють. Прадражні́ли Даймо́ном. **Кабáн** – `прозвище по большому весу`: *Во́фка Игна́тов так разжирел, чэ́ яго́ друзя́ ста́лі зва́ць Каба́н. Он ишио́ спако́ён дю́жа, нукуды́ ни спяшíть, ни таро́питца. **Казі́к** – `прозвище по особенности лица`: *Пагды́йте на Са́шкы, весь памóршаны́й, как кизя́к, какі́м ра́ни гру́пку тапі́лі. Лицо́ как в скла́дках. Казі́к дра́жнюць яго́. **Калáч** – `прозвище по особенности строения ног`: *Вéрсш двэ: ва-пéрвых, у няго́ но́ги калачо́м, а ва-фтары́х, ра́ни хадíл по́йист Варóнш-Калáч, а он притарго́вваць любíл: ну чэ́ мош лі́шншя астава́йтца, вазíл туды́ прадава́ць. И вот как выхадно́й захо́дя, так он гварíл: «Я паéду на Калáч». Лю́ди гляда́ць, он ф пятніцу с вéчара с наво́скай і́дя к по́йизду на Калач. Вот и прилі́пла к няму́ э́та «Калáч», а дитéй яго́вых Калачёвы заву́ць. **Кита́й** – `прозвище по разрезу глаз`: *У Тóлика Ворóнш глаза́, как у кита́йца. Он руский, ну узкогла́зый. Всю вре́мю яго́ зва́лі Кита́й. Он ро́стом бальшо́й и вы́сокай. **Колоко́льчыкі** – `прозвище братьев по внешней схожести и голосу`: *Рябя́та Колоко́льчыкі тудя́ги. Ані́ братя́, ну ни близняцы́. Чэ́ ни папрóсшш, фсе́ памагну́ць. Ані́ фсяды́ вмéсти, ані́ паго́дки, галаскі́ звóнкай у нх. Вот и Колоко́льчыкі паэ́таму. **Коро́ль** – `прозвище по красоте и статности`: *Тóлик Гріднев раскрасі́вай был, вы́сокай. Коро́лем яго́ празва́лі. Ра́на по́мир, то́жэ потóн вы́пвшш на пруду́. **Курё́нок, Курь** – `прозвище по росту, телосложению и волосу`: *Мíшка тады́ на даму́ стрых мужучо́ф. Раба́тал за магары́ч. Брал читвэ́рку самаго́ну за стры́шкы. На няго́ гляншш: ма́лентый, сбíтый, во́лас у самаго́ фсяды́ как мо́крый. Прадражні́ли Курё́нок, Курь. Ну луччы́ яго́ нхто́ ни пастры́га́л. **Ку́цый** – `прозвище по редкому волосу на голове`: *Я́шка с а́рмш димбі́лізава́лси, вискі́ ста́лі кой-где расті́, паиті́ лысы́й. Рябя́ты яго́ окрястíли Ку́цый. **Лобі́к** – `прозвище по большому лбу`: *Сярэ́гу тады́ ту́та клі́кали Лобі́к. У няго́ лоб бальшо́й. Ма́тря ра́на памярла́, ба́нка Дю́ня яго́ васпíтвала, тётка. Ана́ яго́ и зва́ла Лобі́к. **Лы́сый** – `прозвище по отсутствию волос на голове`: *Ю́рик кады́ с а́рмш вярну́лси, так у няго́ бо́ли во́ласы расті́ць ня ста́лі. Рябя́ты дра́жнюць Лы́сый, ну он ни абшжа́йтца. **Ма́ленький** – `прозвище по низкому росту`: *Бо́рик у Коровё́нш дю́жа ма́ленький, так и ня вы́рос. Ну он хучь и тудя́га, и крэ́пкай, растóчтим мал. Прадражні́ли Ма́ленький. **Мальш́ка** – `ироничное прозвище по росту, весу и телосложению`: *Яго́ Мальш́кай ста́лі зва́ць, он дю́жа бальшо́й да по́лнай. Хо́дя стипéнна, ни спяшíть. Он и па харáктру ня шустра́й, ё́дя патухóньтя на ла́шаттш сваё́й, па старана́м паглядва́я. Жана́ фсяды́ при нём, визьде́ ані́ па́рачтш, ря́душкам. **Мáсшк** – `прозвище по росту`: *Сярэ́га уж дю́жа мал, ну а так он ува́жштшльнай, стипéннай паря́нэ́к. Мáсшком клі́чуть. **Нана́ец** – `прозвище по росту и разрезу глаз`: *Фéдькы празва́лі Нана́йцем, он вить ншбальш́еншнтш, узкагла́зый да тёмный жу́ковой. **Неваля́шка, Неваля́шкшн** – `прозвище по телосложению и неповоротливости`: *Мíшка тады́ разпалнёл дю́жа, ни павéрнштца, фсе́ яму́ тудна́ ста́ла де́лаць. Лю́ди прадражні́ли Неваля́шка, Неваля́шкшн. **Пёс** – `прозвище по особенности лица и длинным волосам`: *Тóлика Жéгова ишио́ и дражні́ли Пёс. Он на кабя́ля был пахо́ж, чэ́ лицо́, чэ́ вискі́ да плшчéй атрастíл. А ишио́ он любíл сидéть на корто́чтях, ка́да курíл. **Полторáшка, Полторáшншков** – `прозвище по особенности роста`: *Он был дю́жа здра́ровай, дю́жа вы́сокай, бальшо́й. В нём бы́ла палтара́ чшлавéка, так и зва́лі Полтара́шка, Полторáшншков. **Ры́дван** – `прозвище по большой голове`: *Алэ́шка тады́ на лшсапéдш э́хал, а лю́ди гварíлі,**************************

паглядзі, какія галавешка у няго бальшўшыя. Рыдваном клікаць сталі. **Ры́жый, Краснопе́рый** – прозвище по цвету волос: Юрик в моладасці быў светлым, а тады парыжёл. Как лёта, галава выгоря, стана рыжым. Ашник залатой. Глядь, маладэжэ уж яго прадражнілі Рыжый, Краснопе́рый. **Рябо́й** – прозвище по особенности лица: Он вярну́лси с вайны, фся лицо́ у няго была́ патыкана. Лябо́ ат аско́лкаф аста́лася, хто яго зная. Так вот и ста́ли звать яго́ Рябо́й. **Ряби́на** – прозвище по цвету лица: Сашка Ма́ньтин любі́л выпыва́ть на моладасці да дура́чилси. У няго так лицо́ всю вре́мю краса́я, а как вы́пья, ишио́ красне́я стана́. Он, бува́лача, разу́мишсь ходо́я по у́льцы. Фсе́ жа́рка яму́. Вот и приля́пили Ряби́на. **Седо́й, Седы́рь** – прозвище по седине волос: Дани́л вярну́лси с фронта́ седы́м. Маладо́й, а седо́й. Ту́та клі́чку и полу́чил. Зва́ли Седо́й, Седы́рь. **Скорохо́д** – прозвище по темпу ходьбы: Он спако́йнай был, хаді́л э́ли-э́ли, ти́ха. Никуды́ ни спяши́л, ни тара́пилси. Лю́ди бягу́ть дамо́й, а э́тат э́ли і́дя. Сра́зам яму́ да́ли і́мю Скарахо́д. **Стёпа** – прозвище по высокому росту: Во́фка у Михе́довых тако́й худо́й, а ро́стом пад два ме́тра. Кли́кають Стёпа. **Телефо́н** – прозвище по высокому росту и сгорбленности: Ми́шка Шу́ркин тады́ как па́рнем стал, вы́соченны́й да горба́тый, спина́ крью́чком. А ряба́ты яму́ приля́пили клі́чку Телефо́н. Он гну́тый, как тру́бка у телефо́на. **Хорёк** – прозвище по сходству с хорьком: Сашка Хо́рэк мал да ишио́ и рот ни закрыва́я никада́. Нос кве́рху у няго́. Зу́бы тарча́ть, как у хоря́. **Цыга́н** – прозвище по внешнему сходству с представителем народа: То́лик Цы́ган в э́нтам гаду́ по́мир, инсу́льт и гато́ф мужы́к. Кре́пкай был, бальшо́й, чэ́рны́й жукаво́й, пахо́ж на цыга́ноф. Так и яго́ всю жы́зню зва́ли, и сы́на яго́ ца́с так дра́жнюць Цы́ган. **Шму́тик, Шмулё́к** – прозвище по маленькому росту: Бо́рик на зилу́ рабо́тал. Сиді́ть, бува́ла, за иту́рвала́м, а яго́ ни вида́ть. Дю́жа мал. Ну Шму́тиком прызвали́ и Шмулё́м. **Шну́рок** – прозвище по очень маленькому росту: Сашка у Нью́рки ня вы́рас сафсе́м, че́ж э́т тако́я, ф каго́ ж он пашёл. Как дитё́. Прадражні́ли Шну́рок. **Шокола́дный** – прозвище по тёмному цвету кожи: Сашку́ Краснои́танаго́ ряба́ты ф шко́ли прадражні́ли ишио́ и Шокола́дный, он те́мнай, как нигри́тос. **Шуси́т** – прозвище по небольшому росту: Ми́шка был тако́го ма́ленти́га расто́чка в де́цтве, ду́мали и ня вы́растя. Ряба́ты дражні́ли яго́ Шуси́т. А ца́с в нём па́шти́ два ме́тра, тако́й вы́сочи́шышый. Вот табе́ и Шуси́т.

2) **Антропонимы по особенностям речи, голоса:** **Бу́ба** – прозвище по своеобразию речи: У Ми́шки паня́т няльзя́ сра́зам, када́ гварі́ть, спяши́ть, да ишио́ и ти́ха. Дра́жнюць ту́та лю́ди Бу́ба. Ну жа́на́ уж принараві́лася к няму́. **Бурмы́ка, Бурмы́кин** – прозвище по своеобразию речи: То́лик с грэ́дера разгаварьва́л он ни пайме́шь: «бур-бур-бур...». Го́лас гра́мкай, бы́страй. Да и сам он был бальшўшы́шай, агро́мнай. Яго́ и прызва́ли Бурмы́ка, Бурмы́кин. **Голосо́к** – прозвище по приятному голосу: Ма́нькинага́ му́жа дра́жнюць Голосо́к. Он у няго́ и пра́вда харо́шы́й, не́жны́й, как у ба́би. **Гундо́сый** – прозвище по особенности голоса: с неприятным носовым призвуком: Нос у няго́ был пра́ломнай, кве́рху гляде́л. Он гунде́л че́риз нос, гварі́л нихарашо́. Вот и дражні́ли яго́ Гундо́сай. **Зайка́** – прозвище по патологии речи: Э́дик зайка́и́тца, а как вы́пья, так сафсе́м ничаго́ у няго́ ни пайме́шь. Типе́рь Зайко́й заву́ть праме́ж сабо́й. **Картавы́й** – прозвище по произношению звуков «р»: Во́фка Ка́рпёнок з де́цтва карта́вя, он ня так гварі́ть «р», как фсе, ту́та яго́ дра́жнюць Карта́вы́й. **Куро́мка, Куромба́с** – прозвище по особенности речи: Сашка гварі́ть нипаня́тна, как вси́ равно́ глатая́ слава́. Када́ спяши́ть, сафсе́м ниче́ ни пайме́шь. Прадражні́ли Куро́мка, Куромба́с. **Муры́с** – прозвище по особенности речи: Юрик кали́ гварі́ть, всю вре́мю че́ расказва́я, так вставля́я между́ слов «м-м». Яму́ и да́ли клі́чку Муры́с. **Мы́ка** – прозвище по особенности речи: Сашка мой́ гадо́к гварі́ть нипаня́тна, ну ряба́ты яго́ прдражні́ли Мы́ка. **Немо́й** – прозвище по отсутствию речи: Ге́ра с ражде́нья ни гварі́л, то́ка немова́л на сваё́м языку́. Вот яго́ и заву́ть Немо́й. **Ни тряци́цый** – прозвище по особенности речи: Был у няго́ како́й-та асо́биннай разгаво́р, писклява́й, ну вла́снай. Вот за э́та яму́ жа́на́ и да́ла такую́ прозвизи́шу «Ни тряци́цый». Само́ня был курале́сник. Да́ли яму́ но́вай тра́хтар, чи́б он рабо́тал на нём. И вот он пады́яжжа́я к сваму́ двару́, жа́на́ су́мку выно́ся с харча́ми, чи́б он мо́х на рабо́ти тирку́сiть. Ана́ к тра́хтару, а он ат ни́е, круг зде́лая и апе́ть пады́яжжа́я. «Ни тряци́цый, астана́ви́ся, че́ и ты де́лайи́шь?» А как астана́ви́тца ня зная, ня мо́жа. Так и кружи́л ско́лтыя́ разо́ф. Да тады́ сасе́т ийхний увидáл э́таю́ пате́ху, да кой-ка́к пада́л яму́ че́рис стья́кло су́мку с харча́ми, и он уеха́л. А прозвизи́ша так и аста́лася «Ни тряци́цый». **Сю́ня** – прозвище по особенности речи: Сяре́га фсе́ вре́мю ни расказва́я, а сюсю́кая. Тя́ня че́й-та. Ни мужы́к, а дитё́ како́й-та. Прадражні́ли Сю́ня. **Таханю́** – прозвище по дефекту речи: Ле́ник влюби́лси в моладасці́ в Нью́рку. Че́й-та ани́ бе́гали на лу́гу, а он ей кричи́ть: «Ца́с тохоню́ и паца́лу́ю». Ни выга́рва́л «д». Ту́та жа́ яго́ ста́ли дражні́ть Таханю́.

3) **Антропонимы по чертам характера, темпераменту:** **Бык** – прозвище по упорству, строгости: *Мишка Воронин тады и выпить любил, ну и работал за дваих. Он высокоай, строгай, жилистай, упретца, фсе в руках гарить. Дразнили Быком. Воробей* – прозвище по шустрости: *Лёник как варабей шустрый, да малинтий. А хадил как сталбочек ровна. Прадражнили Воробьем яго. Жидок* – прозвище по прижимистости, скупости: *Толик Жидок дюжа жадный был. Ии када в рябях хадил, никали ни с кем ничем ни дялилси. А тута долга ни задержитца. Маладэжь сразам приляпила к нямү Жидок. Кит* – прозвище самоуверенного человека: *Валик фсяды гварил, че калхоз держитца на прирсядатеде и на нем. Остальные калхозники – так сабе. А вот он за энтаю тактику и палучил кличку Кит. Лиса* – прозвище по хитрости, увертливости: *Володька самый хитрый на парядку мужучок. Че ни натварить, бувала, фсяды вывирнитца. Лисой звать стали. Лихой* – прозвище по жёсткому нраву: *Ну и лютый мужик, жану сваю ганял и бил, с дятями строга. Яго и людита баялись. Вот и дали яму юмю Лихой. Мурец* – прозвище по своенравному, строгому не в меру характеру отца семейства: *У Виньти Лихога отец был Мурец. Дюжа строгай мужик: тожа жану абижал, мясил часта, тяшка ей с ним прихадилася. Муцом стали звать яго. Ихний рот празвали Муцовы. Ремень* – прозвище по жёсткому характеру: *Лёник у Мани дюжа суровай, характер нипадатный. Вот и Ремень, за эт вот прадражнили. Рубанок* – прозвище по резкому характеру: *Толика Черныха дражняют Рубанком, он эжели сказал, как атрубил. Рассвирепея, ну са свяго ни уйдеть. Топор* – прозвище по взрывному характеру: *Гриднева в рябях стали дразнить Топором, он по два раза ни нафтарял, как спичка характерный. Чивиль* – прозвище по быстроте, юркости: *Ерёма сярва на адэй жанилси, да ана памярла. Взял другуя. Сам малинтий, увертливый, а ана бальшяя бабнишиша. Ну он хлапатун был, и на крышу залезя пакроя, и мастярить че нада. Глядь, уш на лисапеде едя с сумкай. Чивиль яго прадражнили. Чижик* – прозвище по быстроте, увертливости: *Яшка Чижик на месте ни сидить. Малинтий, шустрой, как птица. Тока был тута, уже стал тама. Вот табе и Чижик.*

4) **Антропонимы по умственным способностям:** **Баиковитый** – прозвище много знающего человека: *Мишку у Черныхов кличуть Баиковитый. Он и правда какой разумный, стока фсяго зная, нигде яго ни видали, чиб он ф какой канпани был. Тока училси, и училси. Граматный дюжа. Голова* – прозвище по способности думать и находить решение сложных задач: *Серёга Ларискин дюжа умный парняга, яго кличуть Голова. Ана у няго как гваря, как дом саветов. Пеньков* – прозвище по отсутствию интеллекта: *Борик Пеньков тады никудышни училси. Адни двойти да калы. Яго и на фтарой год скольтя раз аставляли. А че толку. Как ф школы прадражнили Пеньков, так и типерича завуть.*

Таким образом, нами выявлено 78 антропонимов, называющих лиц мужского пола в посёлке Высоком. В их основу положены разные признаки. 4 группы прозвищ представлены 12 подгруппами, что дало возможность выявления конкретных характеристик носителя того или иного уличного именования.

В связи с этим укажем, что первая группа представлена 48 лексическими единицами. Среди них мы выделили следующие подгруппы: 1) **антропонимы, в основе которых указание на рост и состояние здоровья:** *Богатырь, Большой, Великан, Великанов, Вышихтон, Вышинский, Даймон, Маленький, Масик, Нанаец, Полторашка, Полторашиков, Стёпа, Телефон, Шмутик, Шмулёк, Шнурок, Шусит;* 2) **антропонимы, указывающие на особенности строения человеческого тела и силу:** *Барин, Борец, Бугай, Кабан, Король, Курёнок, Курь, Малышка, Неваляшка, Неваляшкин;* 3) **антропонимы по особым выделяющим признакам:** *Казик, Калач, Китай, Колокольчики, Лобик, Рябой, Рябина, Рыдван, Скороход, Хорёк, Цыган, Шоколадный;* 4) **антропонимы, в основу которых положен признак «состояние и цвет волос»:** *Белый, Куцый, Лысый, Пёс, Рыжий, Красноперый, Седой, Седырь.* Многочисленность данной группы свидетельствует о том, что особенности внешности наиболее яркий признак, отмечаемый селянами при выборе прозвища.

Самую продуктивную подгруппу составляют прозвища по росту и состоянию здоровья – 18 единиц, прозвища по особым выделяющим признакам – 12 единиц, прозвища, указывающие на особенности строения человеческого тела и силу – 10 единиц, антропонимы, в основу которых положен признак «состояние и цвет волос» – 8 единиц. Естественно, в сельской местности людям приходилось и приходится много трудиться. От этого всегда зависело материальное положение и благосостояние каждой семьи, вследствие чего физические данные человека номинируются в качестве признака в некалендарных именах чаще других.

Вторая группа репрезентируется 15 уличными прозвищами. Они представлены 2 подгруппами: **1) антропонимы, отражающие особенности речи:** Буба, Бурмыка, Бурмыкин, Заика, Картавый, Куромка, Куромбас, Мурыс, Мыка, Немой, Ни трящици, Сюня, Таханю; **2) антропонимы, отражающие особенности голоса:** Гундосый, Голосок. Причём преобладают среди них именования по особенностям речи – 13 единиц. Непродуктивную подгруппу составляют данные по особенностям голоса – 2 единицы.

В третьей группе нами рассмотрено 12 некалендарных имён. Они выражены 4 подгруппами: **1) антропонимы, указывающие на упорный, строгий характер:** Бык, Жидок, Лихой, Мурец, Ремень; **2) антропонимы, в основу которых положен признак «резкий, взрывной характер»:** Рубанок, Топор; **3) антропонимы, отражающие ловкость и увёртливость:** Лиса, Чивиль, Чижик, Воробей; **4) антропонимы, указывающие на самоуверенность:** Кит. Каждая из названных подгрупп достаточно интересна. Отчётливо видно, что продуктивными среди перечисленных являются антропонимы, отражающие упорный, строгий характер и ловкость, увёртливость (соответственно 5 и 4 единицы). Непродуктивными выступают прозвища, указывающие на резкий, взрывной характер и самоуверенность (2 и 1 единица).

Важно, что четвёртая группа самая малочисленная, она реализуется 3 именованиями. Их можно условно отнести к 2 подгруппам: **1) антропонимы, указывающие на интеллектуальные способности:** Башковитый, Голова и **2) антропонимы, указывающие на отсутствие интеллекта:** Пеньков. Прозвища представлены соответственно 2 и 1 единицами. Видимо, для жителей сельской местности умственные способности не играют важной роли, поскольку номинации в группе единичные.

Примечательно, что в основу всех зафиксированных неофициальных имён положены реальные качества, характеристики их обладателей или единичные события и факты, за которые люди их удостоились.

Анализ позволил выявить, что рассмотренные прозвища преимущественно выражаются существительными: Барин, Богатырь, Борец, Бугай, Бурмыка, Буба, Бык, Великан, Воробей, Вышихтон, Голова, Голосок, Даймон, Жидок, Заика, Кабан, Казик, Калач, Кит, Китай, Колокольчики, Король, Курёнок, Курь, Куромка, Куромбас, Лиса, Лобик, Мальшика, Масик, Мурец, Мурыс, Мыка, Нанаец, Неваляшка, Пёс, Полтораика, Ремень, Рубанок, Рыдван, Рябина, Седырь, Скороход, Стёпа, Сюня, Таханю, Телефон, Топор, Хорёк, Цыган, Чивиль, Чижик, Шмутик, Шмулёк, Шнурок, Шусит. Таких антропонимов 56 единиц. Отмечены и прилагательные, в том числе притяжательные, которые выступают в роли имён собственных: Башковитый, Белый, Большой, Бурмыкин, Великанов, Вышинский, Гундосый, Картавый, Куцый, Лихой, Лысый, Маленький, Неваляшкин, Немой, Пеньков, Полтораишников, Рыжий, Краснопёрый, Рябой, Седой, Шоколадный. Данных прозвищ зафиксировано 21.

Вместе с тем зарегистрирован единичный антропоним в форме повелительного наклонения глагола: Ни трящици, что является, скорее, исключением, нежели правилом. В высоковском говоре среди исследованных прозвищ найдено 19 имён-метафор: Бугай, Бык, Воробей, Кабан, Кит, Курёнок, Курь, Лиса, Пёс, Ремень, Рубанок, Рыдван, Рябина, Телефон, Топор, Хорёк, Чижик, Шнурок, Шоколадный. Естественно, люди, давая то или иное уличное имя, иносказательно характеризовали своих земляков, ассоциируя их с домашними, дикими, морскими животными и зверями (Бугай, Бык, Кабан, Кит, Лиса, Хорёк), с питомцами (Пёс) и птицами (Курёнок, Курь, Чижик), с транспортными средствами (Рыдван) и средством связи (Телефон), аксессуарами (Ремень, Шнурок), деревьями (Рябина), с частью человеческого тела (Голова), инструментом для строгания и рубки (Рубанок, Топор), с лакомством (Шоколадный) и др. Они составляют четвертую часть от всех представленных в работе.

Отмечены и сложные именования: Краснопёрый, Куромбас. Они свидетельствуют о своеобразной связи с окружающим миром.

Таким образом, наше исследование свидетельствует о богатстве фантазии деревенского человека и способности реализовать свои наблюдения за односельчанами в говоре, остро подметив те или иные черты. По сути, они отражают внутренний мир, индивидуальные качества личности, реальные характеристики их носителя, причём, как положительные, так и отрицательные. На наш взгляд, существующие антропонимы облегчают общение в небольшом коллективе, проживающем десятилетиями на одной и той же территории, помогают избегать путаницы, например, когда люди имеют одинаковую фамилию или имя (а таких, как известно, даже среди родственников, достаточно много). Они созданы самими представителями сельского социума для удобства общения. В этом их уникальность.

Справедливы мнения исследователей о том, что «неофициальные личные имена и прозвища употребляются преимущественно в сфере повседневной коммуникации, которая предполагает свободу в выборе средств выражения» [6; с. 301], или «где, вследствие неофициальности общения, отсутствует забота о средствах выражения» [7; с. 30]. Заслуживающим внимание является и точка зрения профессора ВГУ Г.Ф. Ковалёва: «Ономастические единицы обладают особой ценностью для человека, ведь в отличие от всех других слов они напрямую связаны с самим конкретным человеком – его именем, именем места, где он живет» [8; с. 412]. Резюмируя сказанное, позволим прийти к заключению, что некалендарные именованные представители мужского пола раскрывают их оригинальный портрет, по-своему репрезентированный в диалектной картине мира сельского человека. Более того, уличные прозвища в народном языке до сих пор являют собой открытую, целостную, активно функционирующую систему.

Библиографический список

1. Гриднева Л.М. Высокий: время, события, люди. 1922-2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007. С.1-4.
2. Большой современный толковый словарь русского языка. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/4263.html> (дата обращения 15.03.2021).
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М.: «Терра», 1995. С. 318.
4. Неканонические (прозвищные/некалендарные) личные имена. И фамилии от них произошедшие [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.vgd.ru/29/26180/40.htm> (дата обращения 15.03.2021).
5. Куршунова И.А. Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестник СПбГУ. Серия 9, 2012. Вып.3. С. 103-108.
6. Москаленко Е.А. Неофициальные именованные лица как результат модификации официального имени // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: Общество с ограниченной ответственностью «Институт стратегических исследований», 2014 г. № 12-1. С. 300-302.
7. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. С. 30–31.
8. Ковалёв Г.Ф. Как литературоведы исследуют литературную ономастику, 2018. С. 412.

References

1. Gridneva L.M. High: time, events, people. 1922-2007. Talovaya: Talovskaya district edition, 2007. С.1-4.
2. A large modern explanatory dictionary of the Russian language. 2012 [Internet source]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/4263.html> (date of application: 15.03.2021).
3. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. T.3. M.: «Terra», 1995. P. 318.
4. Non-canonical (nickname / non-calendar) personal names. And the names of them originated [Internet source]. <https://forum.vgd.ru/29/26180/40.htm> (date of application: 15.03.2021).
5. Kurshunova I.A. Non-calendar personal names and their cognitive potential in the medieval regional onomasticon // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9, 2012. Issue 3. S. 103-108.
6. Moskalenko E.A. Unofficial naming of a person as a result of modification of the official name // Actual problems of the humanities and natural sciences: Limited Liability Company «Institute for Strategic Research», 2014, No. 12-1. S. 300-302.
7. Sirotnina O.B. Modern colloquial speech and its features. M.: Education, 1974. S. 30-31.
8. Kovalev G.F. How literary scholars investigate literary onomastics, 2018, p. 412.

УДК 81.23

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.35.57.004

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Канд. филол. наук, доцент кафедры

германских языков Матвеева Н.В.

Россия, Республика Башкортостан

г. Стерлитамак, тел. +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@strbsu.ru

Bashkir State University

Sterlitamak branch

The chair of the Germanic languages,

PhD, assistant professor Matveeva N.V.

Russia, Bashkortostan Republic, Sterlitamak tel.

+7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@strbsu.ru

Н.В. Матвеева

ДЕКОДИРОВАНИЕ ЗАМЫСЛА АВТОРА РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДИКИ ДЕНОТАТИВНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Данная статья посвящена описанию проведенного исследования, целью которого является изучение замысла или предмета речевой деятельности путем последовательного анализа каждого этапа порождения речевого высказывания от внешней формы текста до замысла автора по модели А.А. Леонтьева. Для проведения данного исследования были поставлены и решены задачи визуализации операции определения основных смысловых единиц предметного содержания речевого высказывания, визуализации операции определения «иерархии» смысловых единиц в «контексте» речевого сообщения и визуализации операции определения последовательности отображения смысловых элементов в речевом высказывании. Для анализа результатов, полученных на каждом этапе исследования, используются различные средства, такие как существующие программы семантического анализа текста и методика построения денотатного графа А.И. Новикова. Данная работа проведена для определения замысла автора на материале текстов англоязычных блогов, так как данные тексты могут быть рассмотрены как речевое высказывание, представленное в письменной форме, имеющее свою интенцию и направленное на адресата.

Ключевые слова: текст, речевое высказывание, замысел, интенция, мотив, смысловая единица, денотатный граф, семантический план, визуализация, блог.

N.V. Matveeva

DECODING THE AUTHOR'S IDEA OF A SPEECH UTTERANCE USING THE METHOD OF DENOTATIVE TEXT ANALYSIS

The present paper is devoted to the investigation of the intention of a speaker or decoding the author's idea of a speech utterance. The purpose of this research is to study the idea or subject of speech activity by analyzing each stage of speech utterance generation from the external form of the text to the author's idea according to the model of A.A. Leontiev. To conduct this study some tasks were set and solved such as the task of visualizing of the operation of determining the basic semantic units of the subject content of speech, rendering of the operation of the definition of "hierarchy" semantic units in the "context" of a voice message, and visualizing of the operation of determining the display order of semantic elements in speech utterance. To analyze the results obtained at each stage of the study, various tools are used, such as existing programs for semantic text analysis and the method of constructing a denotative graph by A.I. Novikov. This work is carried out to determine the author's intention based on the material of texts of English-language blogs, since these texts can be considered as speech utterances presented in writing, having its own intention and directed at the addressee.

Key words: text, speech utterance, idea, intention, motive, semantic unit, denotative graph, semantic plan, visualization, blog.

Вопросы, связанные с процессом порождения речевого высказывания, декодирования внутренней речи, развертывания высказывания во внешней речи остаются одними из основных, вызываемых интерес у ученых различных направлений лингвистики, в частности психолингвистики. Исследова-

ние вышеупомянутых проблем связано с определенной трудностью визуализации процесса внутренней речи, предшествующей фиксации во внешнем плане. Внутренняя речь, по мнению Н.И. Жинкина, является «предметным кодом, который представляет собой универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки». «Зарождение мысли», пишет Н.И. Жинкин, «осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний» [1; с. 26–27]. Результатом внутренней речи и отражение внутренней речи языковыми единицами является «текст» в любом его проявлении. Далее будем использовать этот термин в нашем исследовании для обозначения результата декодирования замысла языковыми единицами. Целью же нашего исследования является изучение замысла или предмета речевой деятельности путем поэтапного анализа каждого этапа порождения речевого высказывания от внешней формы текста до замысла автора. Для проведения данного исследования были поставлены следующие задачи:

1) визуализация процесса выделения смысловых единиц внутреннего содержания речевого высказывания во внешнем плане. Данные единицы соответствуют определенным элементам предметного содержания. Операция выбора актуальных единиц смыслового содержания определяется интенцией и мотивами автора речевой деятельности, представленной в устной либо письменной формах;

2) визуализация процесса выстраивания «иерархии» смысловых единиц в речевом сообщении, выделение «основного» и уточняющих моментов в содержании речевого высказывания;

3) визуализация процесса выстраивания иерархии отображения смысловых единиц в речевом высказывании при помощи денотатного графа.

Для выполнения поставленных задач используем модель порождения речевого высказывания А.А. Леонтьева, а именно, рассмотрим этапы порождения речевого высказывания в обратном порядке. Предположим, что моделирование этапов замысла и внутреннего программирования возможно путем последовательного изучения всех этапов речепорождения, начиная с этапа реализации во внешнем плане через этап лексико-грамматического развертывания высказывания, далее этап внутреннего программирования, который мы рассмотрим, применяя методику денотативного анализа текста А.И. Новикова к этапу замысла для определения мотива или интенции автора речевого высказывания.

Так как материалом исследования является речевое высказывание в письменной форме, этап реализации во внешнем плане в данном исследовании не будет подробно рассматриваться. Данный этап, согласно теории А.А. Леонтьева, предполагает ряд операций, обеспечивающих процесс фонации, звучания, мелодики, паузации и т.д. Безусловно, эти особенности речевого высказывания отражены на письме пунктуацией, стилистическими средствами, например, аллитерацией и другими приемами. Но в данном исследовании мы не ставили задачей подробно рассматривать внешние формы текста. Поэтому наибольший интерес будут представлять все последующие этапы, формирующие внутреннее содержание текста. Рассмотрим первый этап – внешнее развертывание высказывания с использованием лексических единиц и грамматических средств связности. Данный этап заключается в декодировании смысловой программы с индивидуального кода на объективный языковой код, в «приписывании» смысловым единицам функциональной роли с грамматическими характеристиками в основе. Основой данного этапа является отбор слов (либо словосочетаний) для декодирования замысла. А.А. Леонтьев определяет выбор слов в процессе порождения речи тремя группами факторов: семантическими характеристиками слов, их звуковой формой и «субъективной вероятностной характеристикой». Этап внутреннего кодирования замысла или «внутреннего программирования» по Н.И. Жинкину можно охарактеризовать как «непроизносимый, в котором отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, и где обозначаемое является вместе с тем и знаком» [2; с. 5]. Способом визуализации процессов данного этапа послужит методика денотативного анализа текста А.И. Новикова. На основе построенных графов мы перейдем к последнему этапу, в частности к этапу замысла для определения мотива или интенции автора речевого высказывания, т.е. к первому этапу с которого и начинается речевое высказывание.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию проведенного исследования, остановимся на вопросе выборе материала, задействованного в работе. Материалом исследования послужили тексты англоязычных блогов. Текст блога – это по сути монологическое речевое высказывание, имеющее речевую интенцию и направленное на своего адресата. Блог – это обычный веб-сайт, представляющий собой «журнал» определённых событий из жизни человека или компании. Текстовая информа-

ция блога называется записями или постами; иногда она дополняется фотографиями или видеороликами. Причины создания блогов могут быть различными:

1. Блоггинг является хорошим способом зарабатывать. Читатель, не видя рекламы на странице, порой не понимает, что является участником чужого заработка.
2. Блог может быть доступным инструментом для получения признания простым способом.
3. Блог может служить онлайн-дневником, где авторы размещают посты о своей жизни.
4. Сайты определенных компаний имеют возможность открывать блоги для связи между клиентами и компанией. Такой онлайн-ресурс может быть инструментом взаимодействия.
5. Блог нужен также тем, кто желает попробовать себя в роли автора статей либо веб-мастера.
6. Блог может быть создан с целью привлечения новых потенциальных посетителей, для предложения продукта или услуг.
7. При помощи такого ресурса, как блог, можно привлечь людей, с которыми можно обсудить свои работы и достижения, найти единомышленников.
8. Блог предоставляет возможность предъявить свою позицию миру. Автор может открыто высказаться в онлайн-дневнике. Для этой цели, как правило, выбираются популярные платформы.

Блоги классифицируются в зависимости от количества вовлеченных людей на:

авторские – пишутся одним лицом;

групповые – изначально ведутся группой заинтересованных лиц, с заранее обговоренными условиями и обязанностями;

коммерческие или корпоративные – создаются для привлечения органического трафика для крупных организаций.

По направлению тематики блоги могут быть очень разнообразными. Самыми популярными направлениями являются: маркетинг, строительство, семья, дети, медицина, кулинария, создание сайтов, политика, обучение, путешествия, ремонт, IT.

По типу содержимого контента блоги делятся на:

текстовый формат – самый популярный вариант, но требующий понимания копирайтинга и SEO;

видео – активно используются для обучения рисованию, языкам и т.д.;

картинки – для художников, студий, креативных агентств, фотографов;

музыкальные композиции – предназначены для музыкальных групп, звукорежиссеров, дикторов [3].

Таким образом, материалом нашего исследования являются авторские блоги текстового формата семейной тематики, в частности, блоги о детях. Первый текст для анализа взят с сайта «Having kids» [4]. Это блог известного американского бизнесмена, писателя, программиста, работающего на языке программирования Lisp. Представим фрагмент текста.

Текст 1.

“Before I had kids, I was afraid of having kids. Up to that point I felt about kids the way the young Augustine felt about living ~~virtuously~~. I'd have been sad to think I'd never have children. But did I want them now? No. If I had kids, I'd become a parent, and parents, as I'd known since I was a kid, were uncool. They were dull and responsible and had no fun. And while it's not surprising that kids would believe that, to be honest I ~~hadn't~~ seen much as an adult to change my mind. Whenever I'd noticed parents with kids, the kids seemed to be terrors, and the parents pathetic harried creatures, even when they prevailed...” [4].

Первым этапом нашего исследования является выделение словоформ текста для подсчета количества лексем, которые несут смысл. Таким способом мы определим основные смысловые элементы предметного содержания речевого высказывания и «иерархию» смысловых единиц в контексте речевого сообщения. Этот этап назовем этапом декодирования смысловой программы. На втором этапе определим последовательность отобранных смысловых единиц, наличие связующих элементов. Этот этап назовем этапом декодирования линейного развертывания речевого высказывания.

Для анализа лексем после выделения из текста словоформ воспользуемся специализированными сайтами [5]. Семантический анализ текста от Istio оценивает его насыщенность ключевыми словами, водность, заспамленность. Водность текста определяет процентное соотношение слов (словослов), не несущих смысловую нагрузку к словам, несущим полную смысловую нагрузку. Заспамленность текста показывает соотношение повторяющихся слов текста к его объему. Сайт Advego.com [6]

показывает семантическое ядро текста – все значимые и ключевые слова, стоп-слова и грамматические ошибки.

Эти системы помогут нам вычислить ключевые лексемы – носители смысла, показать «иерархию» смысловых единиц в контексте речевого высказывания и покажут связки, которые в данных системах носят название «стоп-слов». Стоп-слова – SEO-термин, обозначающий слова, не обладающие смысловой нагрузкой («шумовые слова»).

Представим семантический план текста 1, созданный при помощи сайтов.

Таблица 1

Частотные слова текста 1		
kid	45	2.94
that	32	2.09
when	18	1.17
time	15	0.98
there	13	0.85
about	12	0.78
parent	12	0.78
before	11	0.72
like	9	0.59
one	9	0.59
this	9	0.59
for	8	0.52
notice	8	0.52
will	8	0.52
because	7	0.46
can	7	0.46
child	7	0.46
feel	7	0.46
going	7	0.46
only	7	0.46
all	6	0.39
moment	6	0.39
once	6	0.39
other	6	0.39
thing	6	0.39
work	6	0.39

Таблица 2

Стоп-слова, или смысловые элементы связности текста 1

at	th	32	2.09
when		18	1.17
there		13	0.85
about		12	0.78
before		11	0.72
one		9	0.59
this		9	0.59
for		8	0.52
will		8	0.52

Продолжение табл. 2

because	7	0.46
can	7	0.46
going	7	0.46
only	7	0.46
all	6	0.39
once	6	0.39
other	6	0.39
thing	6	0.39

Таблица 3

Основные смысловые элементы текста 1

kid	45	2.94
time	15	0.98
parent	12	0.78
like	9	0.59
notice	8	0.52
child	7	0.46
feel	7	0.46
moment	6	0.39
work	6	0.39

Таким образом, лексические единицы, представленные в первой таблице, составят «каркас» денотатного графа, т.е. таблица 1 содержит как темы, подтемы, субподтемы и микротемы, так и связующие элементы, которые выстроят определенную иерархию вышеназванных элементов. Эти связующие элементы отдельно выделены в таблице 2. Как видим из компьютерного анализа, связующие элементы входят в состав наиболее употребимых слов. Исключив слова таблицы 2 из слов таблицы 1, получим лексемы, являющиеся смысловыми элементами. Из данных смысловых элементов сформируем ниже денотатный граф, выделив тему по ведущей лексеме, подтемы, субподтемы и микротемы.

Представим семантический план текста 2 [7].

Это авторский блог известного американского блоггера Хиттер Армстронг, известной под псевдонимом Доосе, на сегодняшний день наиболее известного “mommy”-блоггера.

Представим отрывок текста 2.

“So many things I want to say to you, so many sleepless nights I prayed for you”

By Heather B. Armstrong February 3, 2020

“April 16, 2019. I drove Leta to school because I had a very early appointment near that part of town. Giving her a break from having to get up so early for the bus is a luxury in life I can gift to her. She’d probably rather have front row seats to a Rainbow Kitten Surprise concert, this I know for certain, and SHH. I’m working on it. No one tell her. Leta, forget that you read that sentence.

Leta catches the bus at 6:40 AM every morning. And almost every afternoon she stays after school for her dance class or for swim practice. And then she takes public transit home. Because she works damn hard and is a rockstar.

I’d expressed the day before on twitter that I was heartbroken about Notre Dame, about the fire that threatened to take her down. I know many of us watched it unfold online as it happened and were paralyzed by the frame by frame account of the flames...” [7].

Представим лексический анализ текста, проведенный при помощи вышеупомянутых сайтов.

Таблица 4

Частотные слова текста 2

Слово	Количество	Частота, %
that	33	3.13
her	25	2.37

Продолжение табл. 4

because	9	0.85
for	9	0.85
how	9	0.85
when	9	0.85
can	8	0.76
leta	8	0.76
this	8	0.76
about	7	0.66
feel	6	0.57
want	6	0.57
will	6	0.57
all	5	0.47
ask	5	0.47
every	5	0.47
much	5	0.47
one	5	0.47
playlist	5	0.47
response	5	0.47
song	5	0.47
cry	4	0.38
happy	4	0.38
many	4	0.38
morning	4	0.38

*Таблица 5***Стоп-слова, или смысловые элементы связности текста 2**

Слово	Количество	Частота, %
i	68	6.45
to	43	4.08
be	38	3.60
that	33	3.13
and	29	2.75
she	29	2.75
her	25	2.37
the	23	2.18
you	22	2.09
a	21	1.99
of	19	1.80
it	16	1.52
in	13	1.23
have	12	1.14
my	12	1.14
know	10	0.95
so	9	0.85
because	9	0.85
for	9	0.85
how	9	0.85

Продолжение табл. 5

when	9	0.85
on	7	0.66
s	7	0.66
say	7	0.66

Таблица 6
Основные смысловые элементы текста 2

feel	6	0.57
want	6	0.57
playlist	5	0.47
song	5	0.47
cry	4	0.38
happy	4	0.38
morning	4	0.38
music	4	0.38
twitter	4	0.38
play	3	0.28
read	3	0.28
life	3	0.28

Используя данные, представленные в таблицах 4-6, полученные с помощью компьютерного анализа семантического плана данного текста, определим связующие и смысловые элементы. В данном тексте видим большое количество связующих элементов, количественное преимущество связок над смысловыми единицами. Но это не мешает построению денотатного графа.

На основе представленного семантического плана представляется возможным построение графа, используя методику денотативного анализа текста А.И. Новикова. А.И. Новиков утверждал, что «денотатный граф – это свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [8; с. 61]. Методика, разработанная А.И. Новиковым, определяет внутреннюю структуру содержания текста как совокупность денотатов. «Денотат – это динамическая единица речи, возникающая в мышлении, за которой стоит предметная действительность» [9; с. 106]. Денотаты выстраиваются в единую семантическую модель, которую можно графически представить в виде сети или графа. Денотаты представляют вершины сети (графа), а связи между денотатами характеризуют предметные отношения. Ниже представим общую модель структуры содержания анализируемых текстов, показывая иерархию тем, подтем, субподтем и микротем в денотатном графе, составленную с помощью методики денотативного анализа текста А.И. Новикова.

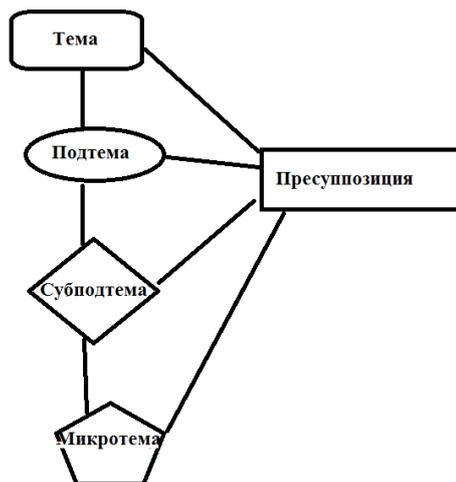

Рис. 1. Схема структуры содержания текста

Данный граф представляет модель кодирования информации при порождении речевого высказывания или этап внутреннего программирования. В терминологии А.А. Леонтьева данную модель логично рассматривать как процесс построения смысловой схемы, служащей основой для порождения речевого высказывания.

Далее кажется уместным рассмотреть, что мы понимаем под внутренней структурой текста или структурой внутреннего содержания речевого высказывания, которая укладывается в понятие смысловой схемы. Внутренняя форма текста – это динамическая модель определенной реальной ситуации, описываемая текстом и «подчиняющаяся логике предметных отношений, в отличие от внешней формы, организуемой по принципу лексико-грамматических и логико-композиционных закономерностей» [10; с. 28]. «То, что понимается, составляет внутреннюю форму текста. Это мыслительное образование, которое формируется в интеллекте партнёра по коммуникации и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств. Внутренняя форма имеет свою структуру, поскольку её элементы находятся в определённых отношениях между собой» [9; с. 23]. Таким образом, формальной структуре текста в терминологии А.И. Новикова, формируемой линейным выстраиванием материальных знаков, можно привести в соответствие структуру, отражающую глубинные процессы. Это структура содержания, представленная в виде системы денотатов, или «денотатная структура», которая может быть представлена схематично в виде графа. Графы, созданные для отражения структуры содержания, имеют различные варианты.

Для характеристики структуры содержания обратимся к исследованию Н.П. Пешковой. Структура содержания текста, по мнению ученого, представлена тремя основными типами с 11 подтипами (вариантами). Денотатные структуры выделяются на основании преобладания в текстах «базисных», либо «ситуативных» отношений. Денотатные графы текстов, соответственно, могут иметь вид «дерева» или «сети». Вершиной денотатного графа выступает тема текста, которая раскрывается через подтемы, субподтемы, микротемы. «Глубину развития темы указывает наличие подтем, субподтем и микротем в отдельно взятом отрезке, названном нами текстом» [11; с. 76].

Темой назовем «свёрнутую» структуру содержания текста, ограниченную подтемами. Подтемы определяют основные сюжетные линии развёртывания содержания. Подтемы ограничены субподтемами и микротемами, которые разворачивают структуру содержания вглубь. Эти элементы представляют собой «точки, очерчивающие определенный фрагмент действительности, <...> тем самым задают объём темы данного текста» [10; с. 62].

Рассмотрим денотатный граф текста.

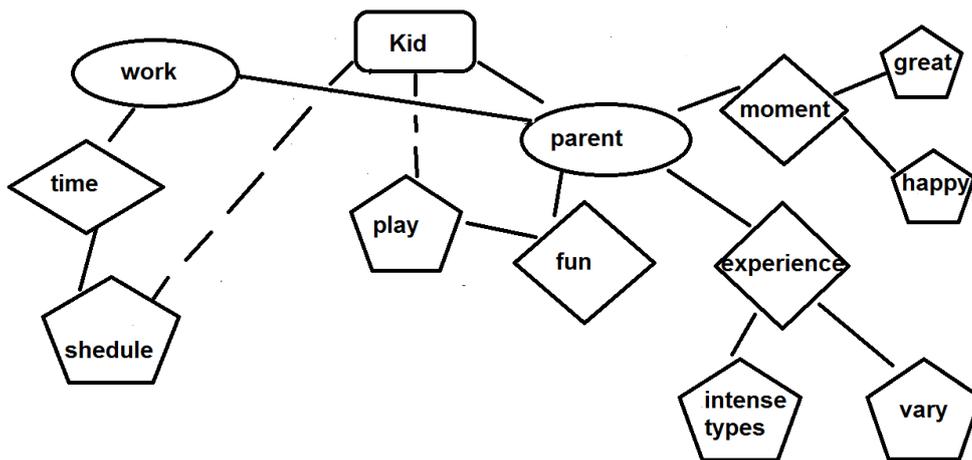

Рис. 2. Денотатный граф текста 1

Денотатный граф представляет структуру внутреннего содержания текста. Тема напрямую связана с подтемой *parent*, которая имеет связь со второй подтемой и далее развивается в субподтемах и микротемах. Подтема *work* связана с темой через микротему, имеет строгую иерархическую последовательность. В терминологии Н.П. Пешковой граф имеет вид «дерева». Денотатная структура основана на преобладании в тексте «базисных» отношений, основанные на связи элементов внутри целого.

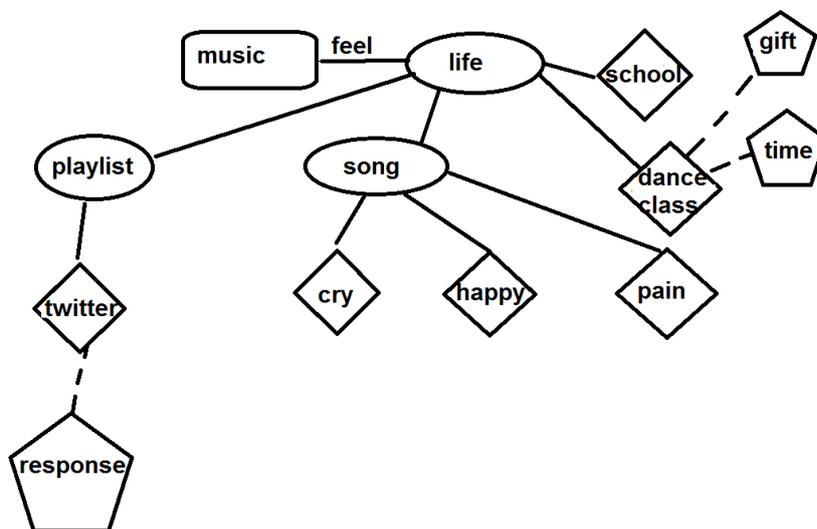

Рис. 3. Денотатный граф текста 2

Денотатный граф текста 2 представляет структуру внутреннего содержания текста. Тема *music* напрямую связана с подтемой *life*, связующим компонентом, с нашей точки зрения, является элемент *feel* (feeling life through music). Подтема *life* связана со второй подтемой *playlist* и третьей *song*, далее развиваются в субподтемах и микротемах. В терминологии Н.П. Пешковой граф имеет вид «сети». Денотатная структура основана на ситуативных отношениях.

На основе составленных графов сделаем выводы о мотиве речевого высказывания, возникающего на этапе замысла. Данный мотив представлен моделью семантического плана, которую мы показали в виде графа.

Графы демонстрируют темо-рематические отношения в речевом высказывании и позволяют определить мотив, порождающий речевую интенцию, который является исходным моментом высказывания.

Граф текста 1 представляет следующие отношения: тема – *kid*, рема – *work*, предполагающая размышления автора об изменении отношения к работе после появления ребенка и необходимости подчиняться определенному расписанию. Рема – *parent*, представляющая информацию о приобретении некоего нового опыта, отличающегося от ранее приобретенного, о моментах испытываемого счастья и удовольствия и о той радости, которую чувствует родитель, имея возможность играть с ребенком, радость воспоминания об играх, будучи самому ребенком.

Граф текста 1 представляет следующие отношения: тема – *music*, связанная с ремой *life* посредством связующего смыслового элемента *feel*, что создает образ «жизнь, которую можно прочувствовать через музыку». Далее эта ситуация имеет свое развитие через субподтемы *school*, *dance class* и микротемы *time*, *gift*. Подтемы *playlist*, *song* также имеют свое развитие через субподтемы *cry*, *happy*, *pain*, *twitter* и последняя субподтема имеет еще и микротему *response*.

Таким образом, используя предложенную А.А. Леонтьевым модель порождения речи, основанную на идее внутреннего программирования Н.И. Жинкина, методику денотативного анализа текста А.И. Новикова и теорию внутреннего содержания текста Н.П. Пешковой мы декодировали замысел автора речевого высказывания, представленного в авторском блоге, выполнив последовательно все этапы анализа внешней реализации смысловой программы и декодирования внутреннего программирования смыслового кода.

Библиографический список

1. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., Наука. 1982, 159 с.
3. 7bloggers.ru. URL: <https://7bloggers.ru/zachem-nuzhen-blog/> (дата обращения 24.04.2020).
4. Graham Paul. Having kids. URL: <http://paulgraham.com/kids.html> (дата обращения 22.04.2020).
5. Istio.com. URL: <https://istio.com/rus/text/analyz/> (дата обращения 22.04.2020).
6. Advego.com. URL: <https://advego.com/text/seo/> (дата обращения 20.04.2020).
7. Armstrong Heather B. So many things I want to say to you, so many sleepless nights I prayed for you. URL: <https://dooce.com/2020/02/03/so-many-things-i-want-to-say-to-you-so-many-sleepless-nights-i-prayed-for-you/> (дата обращения 25.04.2020).
8. Новиков А.И. Реферативный перевод научно-технических текстов / А.И. Новиков, Н.М. Нестерова. М.: Наука, 1991. 148с.
9. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. М., 1983-а. 213 с.
10. Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности её формализации (на материалах научно-технических текстов). Диссерт. ... докт. филол. наук. Москва, 1983-б.
11. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: Монография. Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун - т, 2002. 261 с.
12. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. М., 1976. Вып. 103. С. 60-70.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.

References

1. Zhinkin N.I. About the code transitions in internal speech // Issues of linguistics. 1964. Vol. 6. P. 26–38.
2. Zhinkin N.I. Speech as a guide to information. Moscow, 1982. 159 p.
3. 7bloggers.ru. URL: <https://7bloggers.ru/zachem-nuzhen-blog/> (date of application - 24.04.2020)
4. Graham Paul. Having kids. URL: <http://paulgraham.com/kids.html> (date of application - 22.04.2020)
5. Istio.com. URL: <https://istio.com/rus/text/analyz/> (date of application - 22.04.2020)
6. Advego.com. URL: <https://advego.com/text/seo/> (date of application - 20.04.2020)
7. Armstrong Heather B. So many things I want to say to you, so many sleepless nights I prayed for you. URL: <https://dooce.com/2020/02/03/so-many-things-i-want-to-say-to-you-so-many-sleepless-nights-i-prayed-for-you/> (date of application - 25.04.2020)
8. Novikov A.I. Referential translation of scientific and technical texts / A.I. Novikov, N.M. Nesterova. Moscow, 1991. 148 p.
9. Novikov A.I. Semantics of the text and its formalization. Moscow, 1983-a. 213 p.
10. Peshkova N.P. Typology of scientific text: psycholinguistic aspect. Ufa, 2002. 261 p.

11. Novikov A.I. Structure of text content and possibilities of its formalization (on materials of scientific and technical texts). Thesis ... Doctor of Philology. Moscow, 1983-b.
12. Leont'ev A.A. Signs of connectivity and integrity of the text // Linguistics of the text. Moscow, 1976. Vol. 103. P. 60-70.
13. Leontiev A.A. Basics of psycholinguistics. Moscow, 1999. 287 p.

УДК 8.81-11.114.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.12.85.005

*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева*

*канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка как иностранного и межкультурной
коммуникации*

Логачева А.А.

Россия, г. Орел, тел. 8-920-286-20-71

e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru

Oryol State University named after I.S. Turgenev

*PhD in Philology, Associate Professor of the De-
partment of the Russian Language as a Foreign
and Intercultural Communication*

Logacheva A.A.

Russia, Orel, tel. 8-920-286-20-71

e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru

А.А. Логачева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА)

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности предложений с однородными членами на примере поэтических произведений А.С. Пушкина. В исследуемом языковом материале однородные члены осложняют структуру не только самостоятельного простого предложения, но и простого предложения в составе сложного. Типичные дифференциальные свойства однородных компонентов, описанные в работе, указывают на грамматическую однотипность однородных членов предложения. Однако при выделении блока однородных членов учитывается не только данный морфологический признак, но и семантический критерий. В этой связи описываются различные отношения между компонентами однородного ряда: одновременности, последовательности действий, причинной зависимости и другие. Также устанавливается, что однородные члены предложения в лирическом тексте могут являться любым членом предложения, т.е. выполнять различные синтаксические функции. При этом однородный ряд образуют не только отдельные слова, но и целые словосочетания, находящиеся в сочинительных отношениях друг с другом.

Язык лирики, отличающийся строгой поэтической формой, стремлением к ритму, рифме, мелодике и т.д., способствует созданию некоторых особенностей функционирования предложений с однородными членами: разнообразная структура, богатая семантика, приём инверсии. Особая поэтическая форма и своеобразие синтаксических конструкций с однородными членами ведут к созданию экспрессии лирического произведения, информативности и передаче авторской субъективности.

Ключевые слова: язык художественной литературы; предложения с однородными членами; структурный и семантический критерий выделения однородных членов; приём инверсии.

A.A. Logacheva

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PROPOSALS WITH HOMOGENEOUS MEMBERS IN THE ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE POETIC WORK OF A.S. PUSHKIN)

The article discusses the structural and semantic features of sentences with homogeneous members on the example of the poetic works of A.S. Pushkin. In the studied linguistic material, homogeneous members complicate the structure of not only an independent simple sentence, but also a simple sentence within a complex one. Typical differential properties of homogeneous components described in the work indicate the grammatical uniformity of homogeneous members of the sentence. However, when selecting a block of homogeneous members, not only this morphological feature is taken into account, but also a semantic criterion. In this regard, various relationships between the components of a homogeneous series are described: simultaneity, sequence of actions, causal dependence, and others. It is also established that homogeneous members of a sentence in a lyric text can be any member of a sentence, i.e. perform various syntactic functions. At the same time, a homogeneous series is formed not only by individual words, but also by whole phrases that are in a compositional relationship with each other. The language of lyrics, characterized by a strict poetic form, striving for rhythm, rhyme, melody, etc., contributes to the creation of certain features of the functioning of sen-

tences with homogeneous members: a diverse structure, rich semantics, and the method of inversion. A special poetic form and originality of syntactic constructions with homogeneous members lead to the creation of an expression of a lyric work, information content and the transfer of the author's subjectivity.

Key words: language of fiction; proposals with homogeneous members; structural and semantic criterion for identifying homogeneous members; receiving inversion.

Основной единицей, служащей средством формирования и передачи мыслей говорящего, является предложение. В этой связи в предложении находят выражение коммуникативная, прагматическая (воздействие) и номинативная функции. Действительно, с помощью предложения возможно общение между субъектами или побуждение к действию. Кроме того, предложение может называть какие-либо явления и события, реализуя номинативную функцию. Такой подход к пониманию предложения позволяет квалифицировать его как единицу речи. Но это с одной стороны, а с другой - предложение является единицей языка, в частности, единицей синтаксиса, высшего уровня языковой системы. Предложение как синтаксическая единица имеет содержательную и формальную стороны. К содержательной стороне принято относить семантический аспект высказывания, грамматические значения словоформ, образующих предложение, а к формальным показателям - его структурную схему. В традиционной грамматической науке под формальными показателями принято понимать модель предложения, грамматические значения, расположение членов предложения и интонационное оформление [4; с. 348].

Описание структуры и семантики языковых единиц представляет собой реализацию структурно-семантического метода, который в современной синтаксической науке осознаётся как структурно-семантическое направление. В настоящее время структурно-семантическое направление – это особое направление в современной русистике и лингвометодике, опирающееся на основные постулаты классического языкознания, заложенные ещё В.В. Виноградовым. Основные идеи структурно-семантического направления сводятся к изучению и описанию многоаспектности языковых единиц, явлениям синхронной переходности, а также наличию синкретичных конструкций в системе языка.

В рамках структурно-семантического направления выполнена данная работа, основная цель которой – описать структуру и семантику предложений с однородными членами на примере поэтических текстов А.С. Пушкина.

Рассмотрим, как сегодня в русской синтаксической науке трактуют понятие «ОЧП» (далее – ОЧП).

Известно, что однородные члены выделяются в составе предложения как синтаксической единицы. Однородные члены осложняют структуру как самостоятельного предложения, так и простого предложения в составе сложного. ОЧП характеризуются следующими типичными признаками:

- 1) связь в предложении с одной и той же словоформой;
- 2) однотипность синтаксической функции;
- 3) отсутствие зависимых отношений между членами ряда [4; с. 334].

Наличие определённых дифференциальных свойств ОЧП позволяет сформулировать их наиболее полное определение, которое мы находим в работе В.Н. Перетрухина: «Однородные члены – сочиненный ряд морфологически однотипных или (реже) разнотипных словоформ, которые занимают в предложении одно синтаксическое место и выполняют единую, общую синтаксическую функцию» [6; с. 99].

Отметим, что здесь в основе понимания ОЧП лежит морфологический признак. Подобную точку зрения мы встречаем в работах Е.Н. Ширяева. Учёный подчёркивает, что «однородными могут быть любые члены предложения», они могут образовывать однородный (открытый или закрытый) ряд, связанный сочинительными союзами [8; с. 224]. Однако, характеризуя отношения между ОЧП, Е.Н. Ширяев не исключает и наличие «общей идеи» в них (Е.Н. Ширяев). А одним из средств, формирующих различные отношения в предложении, являются союзы [3; с. 17-22].

Следует отметить, что подобное понимание ОЧП широко распространено в современной синтаксической науке. В этом случае мы говорим о преобладании грамматического признака при квалификации однородных членов в предложении. Думается, что это не всегда так. Справедливой в этом отношении представляется точка зрения В.В. Бабайцевой, согласно которой морфологическая однородность – «не самый характерный для однородных членов признак», здесь также важна семантическая обусловленность [2; с. 388].

В данной работе мы придерживаемся точки зрения В.В. Бабайцевой и считаем, что при выделении однородных членов в составе предложения необходимо учитывать не только их грамматический признак, но и семантический аспект. В статье нами будут описаны различные примеры, иллюстрирующие особенности структуры и семантики ОЧП на материале лирических произведений А.С. Пушкина. Но прежде обратимся к языку лирики.

Известно, что язык лирики, в отличие от языка художественной прозы, характеризуется наличием строгой стихотворной формы, под влиянием которой предложение «ломается». Ритм, мелодика, стихотворный размер и рифма также оказывают влияние на структуру предложения. Таким образом, под влиянием законов стихосложения предложение подвергается модификации, но информативность поэтического текста значительно выше, чем прозаического произведения. Это обусловлено тем, что поэтический текст можно трактовать как некую «совокупность кодовых систем» [5; с. 77]. Лирическое произведение подобно сложному механизму, в котором задействованы структурные и смысловые элементы, предназначенные для хранения и передачи информации, а также для создания особого *поэтического шифра* (Ю.М. Лотман).

Отметим, что поэтический язык имеет свои синтаксические характеристики, приводящие к созданию некоторых особенностей структуры и семантики предложений, в частности, предложений с однородными членами.

Приведём примеры из поэтических произведений А.С. Пушкина, найденные нами методом сплошной выборки.

Отметим, что в исследуемом материале предложения с ОЧП, выраженными подлежащими, встречаются редко. Как правило, однородные подлежащие входят в простое предложение в составе сложного:

И ветвь затрещала –

Бед, **смерть** грозит! (А.С. Пушкин «Вишня») [7; с. 67].

Однородные подлежащие осложняют структуру простого предложения в составе сложного бессоюзного предложения. Между однородными подлежащими здесь можно усмотреть смысловую градацию: *беда*, хуже – *смерть*.

В лирическом произведении ОЧП могут быть соединены сочинительным союзом. Сочинительные союзы являются ярким грамматическим средством квалификации ОЧП наряду с другими, указанными нами выше, морфологическими средствами. Союз *и* создаёт цельность синтаксической конструкции [1; с. 177] и оформляет различные смысловые отношения в предложениях с однородными членами:

Под вечер, осенью ненастной,

В далёких дева **шла** местях

И тайный плод любви несчастной

Держала в трепетных руках (А.С. Пушкин «Романс»).

ОЧП в приведённом примере выражены глаголами, выполняющими одинаковую синтаксическую функцию сказуемого. Оба глагола относятся к подлежащему *дева*. Это типичные морфологические признаки ОЧП. Но наряду с этим, мы можем отметить отношения одновременности в составе ОЧП. Оба выделенных нами глагола актуализируют действие и указывают на его длительность.

В предложениях с однородными сказуемыми мы можем отметить семантику последовательности действия:

Склонилась, тихо **положила**

Младенца на порог чужой,

Со страхом очи **отвратила**

И **скрылась** в темноте ночной (А.С. Пушкин «Романс»).

На базе общей соединительной семантики создаются более конкретные отношения последовательности действий. В таких предложениях однородные члены нельзя поменять местами, поскольку события здесь передаются в определённой очерёдности. Союз *и* здесь закрывает ряд однородных сказуемых.

Отметим, что для подобных примеров, в которых типовая соединительная семантика осложняется конкретными смыслами, характерны закрытые ряды ОЧП:

От ревности печальный бог

Спокойно **подремать** не мог;

Всё **трусил** маленького брата,
 За ним **подсматривал** тайком
 И **караулил** супостата
 С своим докучным фонарём (А.С. Пушкин «Амур и Гименей»).

На фоне общей идеи соединения здесь создаются отношения причинной зависимости: «От ревности печальный бог // Спокойно подремать не мог, [потому что] // Всё трусил маленького брата, // За ним подсматривал тайком // И караулил супостата // С своим докучным фонарём». Вторая ситуация (после союза **потому что** – А.Л.) детерминируется действием первой, поэтому закреплённый порядок смысловых частей создаёт закрытый ряд ОЧП.

Мы рассмотрели ряды ОЧП, компонентами которых являются однородные подлежащие или однородные сказуемые, т.е. главные члены предложения. Они образуют семантику одного блока ОЧП, включающую различные сочинительные отношения. Однако анализ произведений А.С. Пушкина позволяет утверждать, что в поэтической строке может быть 2 блока однородных членов. Для языка лирики характерно такое строение ОЧП, поскольку лирический текст стремится к передаче различных смыслов, богатой семантике и экспрессии:

В его «Истории» **изящность, простота**
 Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
 И **прелести кнута** (А.С. Пушкин «Эпиграмма»).

В приведенном примере однородные подлежащие *изящность, простота* объединены лексико-грамматическими средствами и интонацией (в устной речи). Они относятся к одному сказуемому *доказывают*. Однако к данному сказуемому относятся и однородные дополнения *необходимость самовластья и прелести кнута*. Это позволяет говорить о том, что в одном предложении 2 блока однородных членов: однородные подлежащие и однородные дополнения. Внутри данных блоков выражены соединительные отношения.

В русской синтаксической науке общепризнанным является мнение о том, что ряды однородных членов предложения могут образовывать не только главные, но и второстепенные члены предложения. В изученном материале нами также отмечены ОЧП, выраженные второстепенными членами предложения, образующими самостоятельные блоки:

Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
 Умилно вслед за ним стремится усердный взгляд (А.С. Пушкин «Лицинию»).

Однородные дополнения подчинены существительному *ряд*, а между собой связаны сочинительной бессоюзной связью. Это открытый ряд, компоненты которого можно поменять местами без искажения смысла.

В исследуемом материале нами отмечены однородные дополнения, состав которых является распространённым:

Ты любишь **звон стаканов**
 И **трубки дым густой** (А.С. Пушкин «К Пущину»).

Однородными, на наш взгляд, необходимо считать не слова *звон* и *дым*, а целые словосочетания *звон стаканов* и *трубки дым густой*, иначе информация, передаваемая автором, будет неполной.

Одинаковое морфологическое выражение имеют ОЧП, выраженные определениями:
Закон неправедный, ужасный

К страданью присуждает нас (А.С. Пушкин «Романс»).

Однородные определения относятся к существительному *закон*. Связь в приведённом примере сочинительная бессоюзная. Это однотипные однородные члены с градационной семантикой.

В системе ОЧП интересными являются случаи, когда однородный ряд образуют компоненты, имеющие разное морфологическое выражение:

А я... **вдали громов, в сени твоей надежной...**

Я тихо расцветал, **беспечный, безмятежный** (А.С. Пушкин «Александрю»).

Распространённые однородные обстоятельства относятся к личному местоимению *я*. Для однородных компонентов здесь не характерна лексико-семантическая однотипность: «*вдали громов*» – явление природы, *в сени* – «покров, полог, укрытие, образуемые кронами деревьев, их ветвями, листвою» [9; с. 78]. При этом грамматически они однородны. Словосочетание «*в сени твоей надёжной*» построено на основе литературного приёма инверсии. Кроме того, в данном предложении можно вы-

делить блок однородных определений, зависимых от личного местоимения *я*. Это типичные атрибутивные отношения, для которых характерен свободный порядок слов.

Итак, на основе примеров, приведённых выше, можем заключить, что в системе членов предложения однородными могут быть любые члены предложения: как главные, так и второстепенные. В наших выборках отмечены случаи, когда однородные компоненты могут быть представлены инфинитивом:

Ещё хоть год один

Позволь мне **полениться**

И негой **насладиться**, –

Я, право, неги сын! (А.С. Пушкин «К Дельвигу»).

В данном предложении однородные компоненты, соединённые союзом *и*, находятся в первой части сложного бессоюзного предложения. Здесь ОЧП выражены инфинитивом и соединены сочинительной связью, в семантике которой можно подчеркнуть лексическое усиление: *полениться* и даже больше – *насладиться*.

Приведём ещё один пример.

Увы! нельзя мне вечным **жить** обманом

И счастья тень, забывшись, **обнимать** (А.С. Пушкин «Князю А.М. Горчакову»).

Здесь мы видим значение однотипности: однородные компоненты, выраженные инфинитивом, передают общую идею соединения. Соединительная семантика опирается на лексическое наполнение частей-компонентов предложения и грамматическое средство – союз *и*.

Приведённые примеры из произведений А.С. Пушкина дают основание говорить о том, что предложения с однородными членами являются частотными в художественном тексте, в частности, в лирическом произведении. В исследуемом материале ОЧП функционируют в составе простых и сложных предложений, осложняя их структуру. Занимая позиции разных членов предложения (главных или второстепенных), однородные члены могут образовывать один или два блока в составе синтаксических конструкций.

Изучение лингвистической литературы позволяет обозначить типичные дифференциальные признаки однородных членов: морфологическое выражение, синтаксическая роль, выражение однотипных понятий, наличие сочинительной связи между компонентами. Однако, как показывает изученный материал, грамматический критерий определения однородных членов не является достаточным для выделения однородных компонентов в составе осложнённого предложения. Здесь мы говорим о необходимости и значимости семантической характеристики. Описанные нами примеры показывают, что в основе синтаксической категории однородности могут быть различные отношения: одновременности, последовательности действий, причинной обусловленности и т.д. Семантика данных отношений устанавливается на основе лексического наполнения однородных компонентов и сочинительных союзов. Особенно ярко это проявляется в лирическом произведении, для которого характерна строгая поэтическая форма. Подчинение предложения как синтаксической единицы структуре стиха ведёт к тому, что информативность произведения значительно возрастает.

Подчеркнём, что в языке лирики встречаются предложения, в которых однородные компоненты занимают позицию любого члена предложения, как главного, так и второстепенного. Однородный ряд может состоять из отдельных слов или отдельных словосочетаний. При подобной однотипности компонентов, как правило, допустима инверсия членов предложения, что обусловлено особенностями языка лирики.

Язык художественной литературы, в частности, поэтический язык, является ярким примером, иллюстрирующим особенности функционирования различных синтаксических конструкций, в которых типичные свойства языковых единиц осложняются дополнительными грамматическими и семантическими характеристиками.

Библиографический список

1. Бабайцева В.В. Подчинительные и сочинительные словосочетания. Избранное. 2005-2010: Сб. научных и научно-методических статей. Под ред. К.Э. Штайн. М.; Ставрополь: СГУ, 2010. 400 с. С. 168-180.
2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Флинта: Наука, 2011. 496 с.

3. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е.Н. Ширяев. Отв. ред. Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1986. 221 с.
4. Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку. 3-е изд, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 407 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб, 1996. 848 с.
6. Перетрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 209 с.
7. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Панорама, 1995. 784 с.
8. Русский язык. Состав слова и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. Под ред. Л.Ю. Максимова. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
9. Словарь русского языка. Академия наук СССР. Институт русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. Т. 4. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 797 с.

References

1. Babaytseva V.V. Submissive and compositional phrases. Favorites. 2005-2010: Sat. scientific and scientific-methodical articles. Ed. K.E. Stein. M.; Stavropol: SSU, 2010. 400 p. S. 168-180.
2. Babaytseva V.V. The system of sentence members in modern Russian. M: Flinta: Nauka, 2011. 496 p.
3. Unionless complex sentence in modern Russian / E.N. Shiryayev. Resp. ed. D.N. Shmelev. M: Nauka, 1986. 221 p.
4. Kasatkin L.L. A short guide to the modern Russian language. 3rd ed., Rev. and add. M.: Higher school, 2006. 407 p.
5. Lotman Yu.M. About poets and poetry. St. Petersburg: Art - SPB, 1996. 848 p.
6. Peretruxhin V.N. Problems of the syntax of homogeneous members of a sentence in modern Russian. Voronezh: Voronezh Publishing House. University, 1979. 209 p.
7. Pushkin A.S. Poems. Poems. Prose. M: Panorama, 1995. 784 p.
8. Russian language. Word composition and word formation. Morphology. Syntax. Punctuation. Ed. L.Yu. Maximova. M: Education, 1989. 288 p.
9. Dictionary of the Russian language. USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian language. Ed. A.P. Evgenieva. In 4 v. T. 4. 3rd ed., Erased. M.: Rus. lang., 1988. 797 p.

УДК 811.161.1'282.2 (470.324)
DOI 10.36622/AQMPJ.2021.13.38.006

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета
Дьякова В.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +79050535726
e-mail: velmira1@yandex.ru
магистрант 2 курса филологического факультета*

*Гальцова Д.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +79623281967
e-mail: darij98@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic philology
PhD, associate professor*

*D'yakova V.I.
Russia, Voronezh, tel. +79050535726
e-mail: velmira1@yandex.ru
Master student of the 2nd year of the Faculty of
Philology
Galtsova D.N.
Russia, Voronezh, tel. +79623281967
e-mail: darij98@yandex.ru*

В.И. Дьякова, Д.Н. Гальцова

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ СИНОНИМИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА» (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ)

В статье рассматриваются принципы номинации синонимических соответствий в составе метеорологической лексики воронежских говоров. Данная тематическая группа на материале указанной диалектной макросистемы ранее не была изучена специально, что говорит о необходимости исследования этого пласта лексики. В работе анализируются собранные авторами лексические единицы, строятся пары и ряды синонимических соответствий, проводится их систематизация, выделяются лексико-семантические группы, выявляются мотивировочные признаки и принципы номинации каждого слова в синонимическом ряду. Методами исследования являются метод сплошной выборки, полевой метод, предполагающий непосредственное общение с носителями говора, метод моделирования фрагментов макросистемы, описательный метод, а также метод этимологического анализа. Авторами определяются частотные принципы номинации, объясняются основания такого наименования, рассматриваются особенности восприятия мира коллективом диалектоносителей. В статье описываются метафорические и метонимические переносы в метеорологической лексике, подтверждающие образное мышление информантов. В ходе исследования отмечаются затруднения, возникающие при определении мотивированности лексем вследствие древности выявленных корней. Выделяются самые многочисленные ряды синонимических соответствий, делается вывод о причинах большого количества лексических единиц в данных синонимических рядах. В заключение говорится об особенностях отражения в синонимических соответствиях детализации названий сходных объектов и явлений по каким-либо признакам, воспринимаемым диалектоносителям как важные, а также рассматриваются особенности функционирования выявленных лексем в воронежских говорах.

Ключевые слова: синонимические соответствия, метеорологическая лексика, принципы номинации, мотивировочные признаки, воронежские говоры.

V.I. D'yakova, D.N. Galtsova

PRINCIPLES OF NOMINATING SYNONYMOUS CORRESPONDENCES IN THE THEMATIC GROUP "METEOROLOGICAL VOCABULARY" (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH DIALECTS)

The article discusses the principles of the nomination of synonymous correspondences in the meteorological vocabulary of Voronezh dialects. This thematic group on the example of the material of the specified dialectal macrosystem has not been previously studied specifically. This fact indicates the necessity to study this segment of vocabulary. The work analyzes the lexical units collected by the authors, constructs pairs and series of synonymous correspondences.

es, organizes them, identifies lexical and semantic groups, identifies the motivational features and principles of the nomination of each word in the synonymous series. The research methods are the method of continuous sampling, “the field” method, involving direct communication with the speakers of the dialect, the method of modeling fragments of the macrosystem, the descriptive method, and the method of etymological analysis. The authors define the frequently used principles of the nomination, explain the grounds for such a nomination, and consider the peculiarities of the perception of the world by a group of dialect speakers. The article describes metaphorical and metonymic transferences in meteorological vocabulary, confirming the image thinking of the informants. In the course of the study, difficulties that arise in determining the motivation of lexemes due to the antiquity of the identified roots are noted. The most numerous series of synonymous correspondences are highlighted, a conclusion is made about the reasons for the large number of lexical units in these synonymous series. In conclusion, it is discussed the features of the reflection in synonymous correspondences of the detailisation of names of similar objects and phenomena by some signs that seem important to dialect speakers. Also it is considered the features of the functioning of the identified lexemes in the Voronezh dialects.

Key words: synonymous correspondences, meteorological vocabulary, principles of nomination, motivational signs, Voronezh dialects.

Метеорологическая лексика является одной из древнейших групп лексики в русских говорах. Она не только отражает особенности климата определённого региона, но и представляет обширный фрагмент диалектной картины мира. Погодные явления занимают важное место в осмыслении человеком окружающей действительности, поэтому их названия в диалектной речи предельно детализированы. При анализе метеорологической лексики часто на первый план выходит бытийный аспект, в центре оказываются народное мироощущение и образное мышление информантов.

В нашем исследовании мы обратились к метеорологической лексике воронежских говоров, так как данная тематическая группа на материале указанной диалектной макросистемы ранее не была изучена специально. В настоящей работе рассматриваются принципы номинации синонимических соответствий, поскольку различные особенности номинирования лексем являются основным источником пополнения любой тематической группы и диалектного языка в целом.

Синонимические соответствия – это наименования одних и тех же реалий, явлений, признаков, процессов, употребляющиеся в разных говорах одной макросистемы. О.И. Блинова отмечает, что «слова, обозначающие одну и ту же реалию и принадлежащие разным говорам, образуют ряд *синонимических соответствий (параллелей)*» [1; с. 168]. И.А. Оссовецкий называет такие наименования *междиалектными синонимами* и отмечает, что «это члены соответственного явления, замещающие друг друга в каждой конкретной частной диалектной системе примерно в сходных контекстах» [2; с. 57]. О *междиалектной синонимии* говорит также Е.А. Нефедова, когда ставит перед собой задачу охарактеризовать источники и типы обозначений одного и того же понятия, отмеченного в разных говорах [3; с. 3]. Г.А. Раков определяет данные слова как *разнодиалектные синонимы*, он считает, что это явление смешанной, то есть одновременно однодиалектной и разнодиалектной синонимии [4; с. 10]. Отметим, что не все исследователи признают возникновение синонимических отношений в словах такого типа. Например, Т.С. Коготкова различает синонимии и лексический параллелизм, указанные наименования она называет *лексическими параллелями* [5; с. 99-100]. Однако в нашей работе мы будем придерживаться точки зрения учёных о наличии синонимической связи между наименованиями одних и тех же реалий в разных говорах и возьмём за основу термин *синонимические соответствия*, использующийся в работах О.И. Блиновой.

Источниками нашего исследования служат: 1) картотека «Словаря воронежских говоров», содержащая материалы диалектологических экспедиций 1947-2019 гг.; 2) «Словарь воронежских говоров», вып. 1-3 [6]; 3) «Словарь географической лексики Воронежского края» В.И. Дьяковой, В.И. Хитровой [7]; 4) картотека «Словаря воронежской деловой письменности XVII-XVIII веков» В.И. Хитровой; 5) личные картотеки авторов.

В ходе исследования выявлено 172 лексические единицы, которые составили 11 пар и 38 рядов синонимических соответствий. Анализ синонимических рядов, объединённых в лексико-семантические группы, даёт представление о причинах появления диалектных лексем, а также отражает неодинаковое восприятие диалектоносителями объектов реального мира. Рассмотрим отдельные ряды синонимических соответствий с точки зрения особенностей номинации.

ЛСГ 1. Наименования атмосферных осадков

1. Наименования дождя

мжи'чка – мо'рось – плаку'н ‘мелкий морозящий дождь’

Слово *мжичка* имеет корень *-мж-*, который восходит к проформе **mъg-*. Данный корень выделялся в общеславянском слове **mъgla* ‘мгла, туман’, связан с индоевропейским корнем **meigh-* (**migh-*) [8; т. 1, с. 518]. Этимологически родственными словами являются древнеинд. *mih-* ‘дождь’, нидерландское *miggelen* ‘моросить’, древнеинд. *mēgha's* ‘облако’ [9; т. 2, с. 587]. Все значения данного слова в той или иной степени отражают наименование скопления мелких капель воды. Кроме того, можно выделить ещё один компонент значения: ‘жмуриться, закрывать глаза’, вероятно, развившийся позже, но ещё в общеславянскую эпоху. В подтверждение приведём слово *мъжити* в значении ‘зажмуривать’, зафиксированное в словаре И.И. Срезневского [10; т. 2, с. 225], *мжа* ‘дремота’, *мжить* ‘жмурить, щурить глаза’ [11; т. 2, с. 324]. П.Я. Черных отмечает, что новая форма слов этой группы с начальным *жм* (например, *жмурки*) возникла под влиянием слов группы *жать*, *жму* и установилась в русском языке не ранее XVII века; в этом случае особенно показателен пример со словом *жмурить*, которое восходит к форме *мъжурити* ‘закрывать глаза’ [8; т. 1, с. 304].

Слово *морось* образовано от *моросить*, которое восходит к **morg-s-* ‘моросить’ и **meregh* ‘увлажнять, окроплять’, связано также с **morhъ* ‘мелкий дождь’, родственно словенскому *mrše'ti* ‘чуть слышно идти (о дожде)’, чешскому *mrholiti* ‘моросить, струиться’, русскому диалектному *морозга* ‘изморозь’ [12; т. 19, с. 222]. В русских говорах также отмечаются слова с близкими значениями: *мороса* ‘мелкий, частый дождь’ (Костром.), *моросно* ‘пасмурно, туманно’ (Коми АССР, Ср. Урал), *моросный* ‘пасмурный, ненастный’ (Вят.), *морост* ‘изморозь’ (Яросл.), *моросуха* ‘мелкий, частый дождь’ (Олон.) [13; т.18, с. 274-275].

Таким образом, лексемы *мжичка* и *морось* получили наименование по свойству номинируемого явления (*моросящий* дождь), то есть отражают общий компонент значения «скопление мелких капель воды + процесс «лечь, идти»».

Лексема *плакун* является образным наименованием, связанным с представлением диалектоносителей о том, что явления природы одушевлены. Мелкие капли дождя метафорически воспринимаются как слёзы, отсюда небо *плачет* дождём или сам дождь *плачет*. Отметим, что в просмотренных нами словарях данное слово в приведённом значении не зафиксировано.

кури'ный дождь – сле'пень – слепо'й дождь ‘мелкий моросящий дождь сквозь солнце’

Лексемы *слепень* и *слепой дождь* номинированы по результату воздействия атмосферного явления на человека: дождь *слепит*. Во время мелкого дождя при солнце часто возникает эффект небольшого *ослепления*. В СРНГ зафиксировано сочетание *слепой снег* ‘мелкий снег в солнечный день’ (Амур.) [13; т. 38, с. 266], имеющее, вероятно, ту же мотивировку.

Сочетание *куриный дождь* не зафиксировано в использованных нами этимологических и диалектных словарях, поэтому вывести мотивировку наименования можно лишь из объяснения диалектоносителей, которые отмечают, что дождь сквозь солнце обычно настолько мелкий, что даже *куры* от него не прячутся: //дош, како'ј кур'и'ным завут', патаму' кур'и'ный-ть, как ку'ры јаму' ра'ды// СТ. ЧГЛ. Аннин.; //ф кур'и'ный до'ж'д'ик ку'ры н'и пр'а'ч'уць, он тако'ј л'о'у'н'кој, ан'и' хо'д'ут пад н'им, как и н'ет јиво'// Н. КУРЛ. Аннин.

2. Наименования снега

голелёдка – нари'ца – о'бморозь ‘мелкий снег с дождём; обледеневший снег’

Лексемы *голелёдка* и *обморозь* связаны со свойством обледенения осадков, о чём говорят корни *-лёд-* и *-мороз'*.

Мотивировочный признак лексемы *нарица* на данный момент не выявлен. Можно предположить связь со словами *наринуть* ‘набежать со всех сторон’ (Смол.), ‘наброситься на кого-либо, что-либо’ (Смол.), *наринуться* ‘наброситься на кого-либо, что-либо’ (Смол., Пск.) [13, т. 20, с. 125]. Родственными словами будут древнерусское *ринутьи* ‘бросить, толкнуть’, сербохорватское *ринутьи* ‘толкнуть’, украинское *ринутьи* ‘сильно течь’, чешское *řinouti se* ‘литься, струиться’, также отмечается связь с *реять* и *река* [9; т. 3, с. 484]. В таком случае наименование отражает процесс резкого интенсивного движения, падения снега и дождём.

лепня' – лепы'ш ‘мокрый снег’

Лексемы, входящие в данную пару синонимических соответствий, получили наименование по свойству снега (снег *лепящийся*, он *лепится*). Корень *-леп-* восходит к праславянскому **lěpiti* – каузатив к **lьrěti*, глагол представляет полную ступень корня **loip-* от индоевропейского **leip-* ‘мазать жиром, маслом; клеить’ [12; т. 14: 219]. В славянских языках произошло развитие семантики корня.

ЛСГ 2. Наименования льда и сугробов

гира' – гы'ря – икра' – икре'ниці – льди'на – кре'да – кре'йда – кря'нка – ледене'ц – ле'день – леди'на – леду'шка – ледяни'ка – ледя'нка – ле'дя 'льдина'

Лексемы *ледене'ц, ле'день, леди'на, леду'шка, ледяни'ка, ледя'нка, ле'дя* имеют корень *-лед-(-лед')*, номинация отражает свойство объекта (замерзание воды) вследствие воздействия холода.

Лексемы *гира, гы'ря* восходят к проформе **gvorъ* (*gor* 'груда навоза', *gvorъ* 'пузырь дождевой или вообще водяной', диалектное *говор* 'пузырь на воде'), которая соотносится с глаголом **gyrate* [12; т. 7, с. 184]. В СРНГ отмечено слово *гы'ря* в значениях 'глыба, ком' (Тул.), 'льдина очень больших размеров' (Урал.) [13; т. 6, с. 175]. Кроме того, данная лексема зафиксирована в «Словаре народных географических терминов» в значении 'льдина' [14; с. 122].

Лексемы *икра, икренци, крянка* 'льдина' возводятся Брюкнером к общему корню со значением 'ком, опухоль' (наряду с *икра* 'вымётываемые в воду яйца самок рыб' и *икра* 'задняя мышечная часть голенища в районе икроножной мышцы') [9; т. 2, с. 126]. Не разделяются данные значения и в ЭССЯ, где говорится о том, что все значения, включая индоевропейское 'печень', генетически едины, восходят к **jьkra*, причём 'печень' наиболее архаично, а остальные значения производны от него [12; т. 8, с. 218-219]. J. Kalima также отвергает изоляцию этих слов и приводит ряд семантических параллелей единства таких названий [15; с. 376-378]. В СРНГ фиксируются следующие слова с интересующим нас корнем в значении 'льдина': *икра* 'глыба льда; льдина во время ледохода' (Ряз., Ворон., Саратов., Моск., Влад., Тул.), *икрина* 'льдина' (Твер.) [13; т. 12, с. 182], *икрянина* 'льдина' (Твер.) [13; т. 12, с. 183].

Таким образом, можно предположить, что в основу номинации слов *гира, гы'ря, икра, икренци, крянка* лёг признак формы, однако реконструирующиеся мотивирующие основы различны: **gvorъ* 'груда', 'пузырь' и **jьkra* 'печень', 'ком, опухоль'.

Лексемы *креда, крейда* являются заимствованными через польское *kreida* из немецкого *Kreide* от латинского *crēta (terra)*, букв. 'просеянная земля', восходит к *cernere* 'просеивать' [9; т. 2, с. 369]. В словаре В.И. Даля и в СРНГ фиксируются лишь значения, связанные с мелом: *крейда* 'мел' (южн., зап.) [11; т. 2, с. 189], *крейда* 'мел' (Курск., Кубан., Новоросс., Краснодар., Брян., Смол., Орл., Калуж.), *крейда* 'твёрдый, кусковой мел (в отличие от мела в порошке)' (Дон.), *крейдянка* 'место, где добывают мел' (Курск.) [13; т. 15, с. 208]. Вероятно, значение 'льдина' развилось по принципу метафорического переноса по твёрдости и отделённости ('кусочек мела' → 'кусочек льда').

ка'ша – кро'шево – кро'шка – кру'пка – са'ло – ше'ре'ш – шуга' 'мелкий рыхлый лёд на реке'

Номинация по консистенции отмечена в следующих лексемах данного синонимического ряда:

- с мотивирующей основой -каш-: *каша*;
- с мотивирующей основой -крош-: *крошево, крошка*;
- с мотивирующей основой -круп-: *крупка*.

Лексема *сало* связана с *садить*, то есть «то, что *садится* на мясо», это же происхождение имеет и *сало* в значении 'рыхлый лёд', 'первая плёнка льда' [9; т. 3, с. 550]. Возможно, изначально при номинировании имелось в виду, что лёд *садится* на воду. В настоящее время прямая связь с семой *садиться* утеряна, однако в сознании диалектоносителей осталась связь с глаголом *салить* 'покрывать, мазать или мараить, пачкать салом, жиром' [11; т. 4, с. 131], который этимологически связан с *сало*: //а *je'жл'и на лотк'ъ je'd'ъш, в'асло' апу'с'т'иш, на н'е'j нъм'арза'йт' - эт'ъ са'ль, наса'л'ивъйт'*// СТП. Рамон. В других говорах фиксируется объяснение происхождения названия по признаку консистенции, вероятно, являющееся народной этимологией: //са'ла патаму' ить м'а'х'к'и'ј л'идо'к иш'о', как са'ла тако'ј// ГДВ. Семилук.

Лексема *шереш* связана с *шершавый, шероховатый*, происходит из **шьрьш* [9; т. 4, с. 430]. Наименование дано по свойству поверхности.

Этимология слова *шуга* затемнена. М. Фасмер не соглашается с точкой зрения А. Преображенского о том, что данное слово является заимствованным из турецкого *şuga* 'чесотка' [9; т. 4, с. 483]. J. Kalima объясняет, однако без уверенности, из финского *sohja, sohjo* 'ледяное крошево' [9; т. 4, с. 483].

блине'ц – блино'к – наблине'ц 'тонкий лёд на реке'

Данные наименования возникли в результате метафорического переноса по принципу малой толщины объекта: *блинец* 'тонкий блин' → *блинец* 'тонкий лёд'. М. Фасмер отмечает, что более древней формой корня является *млинь* (связано с *мелю, молоть*), звук *б* возникает как результат диссимиляции, *мелю* [9; т. 1, с. 175].

буру'н – за'меть – зано'с – перева'л – сумёт – чели'к 'сугроб'

Номинации по способу возникновения:

- с корнем -мет-(-мёт-): *заметь*, *сумёт*;

- с корнем -нос-(-нес-): *занос*;

- с корнем -вал-: *перевал*;

- с корнем -бурун-: *бурун*. Данная лексема номинирована по принципу метонимического переноса: *бурун* 'буря, метель ураган' → *бурун* 'сугроб' (то, что было нанесено вследствие бури).

Представляет интерес наименование *челик*, которое в приведённом значении не зафиксировано в южнорусских говорах, однако присутствует в современных вятских говорах в вариантах *челик* и *целик*, то есть 'целый нетронутый наметённый сугроб' [16], а также в словаре В.И. Даля с пометой вятское: «Вят. *целик*, снежный сугроб» [11; т. 4, с. 577].

переду'в – *переду'л* – *переду'т* – *перено'с* 'сугроб на открытом пространстве, который переносится ветром'

Принцип номинации данных лексем – воздействие природного явления на номинируемый объект, способ возникновения: сугроб *передувается*, *переносится* с одного места на другое при помощи горизонтального перемещения воздуха.

ЛСГ 3. Наименования ветра

1. Наименования сильного ветра

авраган – *бурело'м* – *бурага'н* – *буру'н* – *бу'рхало* – *бурь* – *бурья* – *буряк* 'буря, ураган, сильный ветер'

Лексема *авраган* является диалектной адаптацией заимствованного слова *ураган*, которое пришло из французского *ouragan* от испанского *huracan*, где было заимствовано из языка карибских индейцев [9; т. 4, с. 166].

Лексемы *бурелом*, *бурхало*, *бурь*, *бурья*, *буряк* связаны со словом *буря*, индоевропейскую базу которого П.Я. Черных восстанавливает как **bhaur* (**bhūr*) 'реветь' [8; т. 1, с. 126]. Родственно латышскому *baiņiūt* 'мычать', норвежскому *būra* 'реветь (о быке)', древнеисландскому *bu'riud* 'мычание', вероятно, также древнеисландскому *byrr* 'попутный ветер' [9; т. 1, 250]. Присутствует номинация по издаваемому звуку, однако в сознании диалектоносителей такой мотивировочный признак не является очевидным. Кроме того, носителями говоров отмечается связь со словами *борение*, *бороться*: //бу'р'... ана', как н'и то сказа'т', бо'р'ьць ана'// СР.КРЧ. Гриб.

Наименование *бураган* является контаминацией слов *бура* и *ураган*.

Происхождение лексемы *бурун* неясно. Маценауэр и Бернекер относят к слову *буря*, однако А. Преображенский связывает с *буркнуть*, *бурлить* [9; т. 1, 248]. Некоторые исследователи (Кипарский, Дмитриев) считают, что данное слово заимствовано из тюркских языков, допуская в таком случае у тюркского *бурун* 'нос', попавшего в русский язык, следующее семантическое развитие: «нос → мыс → подводный риф как продолжение мыса → волны, разбивающиеся об этот риф → буря» [17; т. 1, с. 235]. Однако появление данной лексемы в южнорусских говорах всё же позволяет предположить её связь в сознании диалектоносителей со словом *буря*.

2. Наименование ветра, сопровождающегося осадками

си'верка – *чи'чер* 'ветер с дождём (иногда и снегом)'

Наименование *сиверка* отражает номинацию по направлению и температуре ветра, связано со словом *сѣверъ*, в XVII в. частотно было прилагательное *си'верский* 'северный' [9; т. 3, с. 616].

Этимология наименования *чичер* затемнена. М. Фасмер отмечает, что оно родственно слову *чи'чега* 'иней, изморось, мокрый снегопад' [9; т. 4, с. 369]. У В.И. Даля *чичер* 'резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом' [11; т. 4, с. 609]. В «Словаре метеорологической лексики орловских говоров» фиксируется *чи'чер* и *чи'чера* 'ненастная погода, сопровождающаяся дождём со снегом' [18; с. 37-38].

ле'пень – *мокре'нь* 'ветер с мокрым снегом'

Наименования даны по свойству тех осадков, которые переносит ветер (снег *мокрый* и *лепящийся*).

3. Наименования ветра в зависимости от его направления и температуры

вою'чий ветер – *е'дкий ветер* – *северя'к* 'холодный, резкий, сильный ветер'

Двусоставные наименования *воючий ветер* и *едкий ветер* являются эмоционально-экспрессивными. Слова *едкий* 'вызывающий сильное физическое раздражение' и *воючий* 'плохо пахнущий' стали эмоциональным определением для холодного, резкого, неприятного ветра.

Наименование *северяк* отражает номинацию по направлению и температуре ветра.

зюйд – летник – та'лый ветер 'южный ветер'

Слово *зюйд* было заимствовано в XVIII веке из голландского языка, где *zuid* имело значение 'юг, южный ветер' [9; т. 2, с. 110]. На русской почве данное слово получило распространение в первую очередь в литературном языке и речи моряков, а уже оттуда пришло в диалектный язык.

Наименование *та'лый ветер* дано по свойству ветра (тёплый, от которого всё *таем*).

Слово *летник* отражает номинацию по времени года: ветер южный, тёплый, дующий *летом*.

4. Наименования сильного ветра, переносящего выпавший или падающий снег

буру'н – верховая – вихорь – вихр – кура' – забо'й – завертю'ха – завиру'ха – завирю'га – замету'ха – заметю'га – заметь – палюжня'ка – сапу'га – сипу'га – щелочни'ца 'метель'

Лексемы *вихорь*, *вихр* связаны с *вить*, родственно словенскому *vihār* 'завиток волос', чешскому *vich(e)r* 'стебли трав, которыми кормят скот', старославянскому *виѣлица* 'метель' и польскому *wija* 'метель' [9; т. 1, с. 324].

Наименования *завируха*, *завирюга* связаны со словом *вир*, которое зафиксировано у Фасмера в значении 'водоворот, омут в озере, реке', большинство славянских параллелей также имеют данное значение [9; т. 1, с. 318]. Кроме того, присутствуют слова с близкой семантикой, например, старославянское *вьръти* 'кипеть, клокотать' [9; т. 1, с. 318]. В белорусском языке *вiр* имеет значение 'глубокая месаца ў раце ці возеры, дзевяда завівае, закручваецца' [19; т. 2, с. 153], указывается, что «прасл. *virъ*; утворана ад дзяслова *вьрѣти* (як і жыр, мiр)» [19; т. 2, с. 153]. Корень *-вир-* несёт в себе значение кипения, вращения. Данные признаки послужили основой для обозначения метели.

В словах *заметуха*, *заметюга*, *заметь* выделяется корень *-мет-(-мет'-)*, являющийся общеславянским: от **metti* → *мести* в результате диссимиляции *tt* → *st*.

Лексема *кура* связана с *курить* 'производить дым при сжигании чего-либо' [9; т. 2, с. 425-426], восходит к **kuriti*, которое является производным от **kurъ* 'дым, чад, пыль столбом' [12; т. 13, с. 124]. Кроме того, можно отметить, что в воронежских говорах бытует глагол *куриться* 'выделять испарения, лёгкий туман, пар', например, //р'ика' кур'и'ць с'иво'дн'ь// КРВ. Рамон., значение которого совпадает со значением в литературном языке [20; с. 482]. Таким образом, в основе номинации *кура* лежит восприятие природного явления: метель похожа на дым, пар.

Наименование *щелочница* связано со словом *щель*: метель забивается *в щели*, особенно так происходит, если дом деревянный.

Наименования *сапуга*, *сипуга* связаны с *сыпать*, что подтверждают фиксации в СРНГ: *сыпуга* 'мелкий густой снег' (Том., Твер., Новг.), 'снежная выюга, метель, буран' (Казан., Влад., Калуж., Тамб.), *сипуга* 'песчаная буря' (Ворон.) [13; т. 43, с. 143], *сыпуха* 'сажа' (Ряз., Орл., Казан., Тул., Калуж., Моск., Ворон., казаки-некрасовцы), *сыпуха* 'мелкий густой снег' (Новг.), 'пороша, сыпуха, листопад' (Курск.) [13; т. 43, с. 144]. Все значения подтверждают наличие семы «сыпать что-либо мелкое».

Лексема *палюжняка* является экспрессивным производным от диалектного слова *пылюга* 'пыль' (Ворон.) [13; т. 33, с. 193]. Подтверждает это также значение в орловских говорах: *пылюга* 'снег' [13; т. 33, с. 193]. Номинация дана по сходству метели с пылью на основе мелких составляющих (пылинки, снежинки).

Зёмница – перено'сица 'метель с позёмкой'

Лексема *позёмка* отражает номинацию по месту возникновения: появляется *на земле*.

Лексема *переносица* номинирована по действию: снег *переносится* с одного места на другое.

апрель'я – нежда'нка – шальни'ца 'метель в апреле'

Слово *апрель'я* отражает номинацию по месяцу, в котором происходит данное явление.

Лексема *нежданка* номинирована по особенностям появления и восприятия: возникает *нежданно*, метель в апреле *не ждали*.

В наименовании *шальница* присутствует ассоциативный экспрессивный компонент: связывается с *шалить*, *шальной*.

Итак, в выводах отметим наиболее частотные принципы номинации выявленных синонимических соответствий:

1. Воздействие погодных условий (*ве'дренья – ве'дрие – ведри'ца; голелёдка – обморозь; сле'пень – слепо'й дождь*).

2. Способ возникновения (*заметь – занос – сумёт – перевал; передув – передул – передут – перенос*).

3. Место образования и функционирования (*позёмка; верховая*).
4. Форма (*гира – гыря – икра – икрениц – крянка*).
5. Свойство номинируемого явления (*мжичка – морось; лепня' – лепы'ш*).
6. Направление ветра (*северяк* 'холодный, резкий, сильный ветер'; *сиверка* 'ветер с дождём или снегом'; *всток* 'восточный ветер').
7. Время года или месяц (*летник; зазимок – зазимье; апрелья*).
8. Образные и эмоционально-экспрессивные номинации (*плакун; вонючий ветер – едкий ветер; шальница; палюжняка*).

Кроме того, присутствуют метафорические и метонимические переносы: *блинец* 'тонкий блин' → *блинец* 'тонкий лёд'; *бурун* 'буря, метель, ураган' → *бурун* 'сугроб'.

Необходимо отметить, что вследствие древности корней во многих случаях определить принцип номинации не представляется возможным. По этой же причине некоторые определяемые нами мотивировочные признаки на современном этапе состояния диалектного языка уже не осознаются носителями говоров, например, утрачена связь с формой в словах *гира, икра* и их производных; с процессом *сыпать* в слове *ситуга*; со словом *вир* в словах *завируха, завирюга*. Однако есть и осознаваемые принципы номинации, как правило, это номинации по воздействию погодных условий, способу возникновения, а также эмоционально-экспрессивные наименования.

Самыми многочисленными рядами синонимических соответствий являются ряды со значениями 'метель' – 16 синонимических соответствий, 'льдина' – 15, 'буря, ураган, сильный ветер' – 8, 'мелкий, рыхлый лёд на реке' – 7, 'сугроб' – 6. Такое распределение можно объяснить тем, что большую детализацию получают: 1) наименования явлений предметного плана (льдина, лёд, сугроб), так как конкретные видимые образы номинируемых явлений вызывают к жизни большое количество различных признаков, ассоциаций, метафор; 2) наименования природных явлений, ассоциирующихся с сильным разрушительным процессом (буря, метель), что связано с эмоциональным восприятием диалектоносителей.

Таким образом, собранные и проанализированные нами синонимические соответствия дают представление о функционировании метеорологической лексики в воронежских говорах, а также о причинах появления различных лексем для обозначения одного и того же явления. Самыми частотными принципами номинации в данной тематической группе являются номинации по воздействию погодных условий, по способу возникновения, по свойству, по направлению ветра, по времени года или месяцу. Кроме того, большую группу представляют эмоционально-экспрессивные наименования. В результате исследования выявлено, что наиболее устойчивыми в изучаемой тематической группе являются слова с прозрачной этимологией. Подчеркнём, что в некоторых случаях определить принцип номинации не представляется возможным вследствие древности корней, что отражается на восприятии данной лексики самими диалектоносителями, которые часто не осознают внутреннюю форму слова и склонны объяснять мотивировку ряда наименований ассоциативно, при помощи народной этимологии.

Библиографический список

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск: Издательство Томского университета, 1975. 258 с.
2. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.
3. Нефедова Е.А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта : автореферат дис. ... д. филол. наук. М., 2008. 48 с.
4. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск: Издательство Томского университета, 1988. 271 с.
5. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979. 335 с.
6. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1-3-. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2004-2019-.
7. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 344 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. М.: Русский язык, 1999.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. М.: Прогресс, 1964-1973.
10. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1895. 1802 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М.: Русский язык, 1978-1980.

12. Этимологический словарь славянских языков. / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-41. М.: Наука, 1974-.
13. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1-49-. М.-Л.: Наука, 1965-2016-.
14. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
15. Kalima J. Slav. ikra 'Rogen' und ikra 'Wade' // Zeitschrift für slavische Philologie. № 9. Universitätsverlag Winter, 1932. С. 376-378.
16. Кировские диалектизмы. Русский язык без проблем. URL: <https://grammatika-rus.ru/kirovskie-dialektizmy/> (дата обращения – 16.04.2021).
17. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. М.: Издательство Московского университета, 1965. 270 с.
18. Макушева О.А. Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орёл, 1997. 106 с.
19. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун, Р. М. Малько. 1-14 т. Менск: Акадэмія навук БССР; Беларуская навука, 1978-2010-.
20. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

References

1. Blinova O.I. An introduction to modern regional lexicology. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1975. 258 p.
2. Ossovetskiy I.A. Lexicon of modern Russian folk dialects. Moscow: Nauka, 1982, 198 p.
3. Nefedova E.A. Lexico-semantic variation in the space of the dialect: abstract dis. ... d. Filol. sciences. M., 2008. 48 p.
4. Rakov G.A. Dialectal lexical synonymy and problems of ideography. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1988. 271 p.
5. Kogotkova T.S. Russian dialect lexicology. Moscow: Nauka, 1979. 335 p.
6. Dictionary of Voronezh dialects / Ed. G.F. Kovalev. Issue 1-3-. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2004-2019-.
7. D'yakova V.I., Hitrova V.I. Dictionary of Geographical Vocabulary of the Voronezh Region (with historical commentaries). Voronezh: Voronezh State University, 2009. 344 p.
8. Chernyh P.Y. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 volumes. M.: Russian language, 1999.
9. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Moscow: Progress, 1964-1973.
10. Sreznevskiy I.I. Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments. T. 2. SPb: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1895. 1802 p.
11. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes. M.: Russian language, 1978-1980.
12. Etymological dictionary of Slavic languages / Ed. O.N. Trubachev. Issue 1-41-. Moscow: Nauka, 1974-.
13. Dictionary of Russian folk dialects / Ed. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova, S.A. Myznikova. Issue 1-49-. M.-L.: Science, 1965-2016-.
14. Murzaev E.M. Dictionary of folk geographic terms. Moscow: Mysl', 1984. 653 p.
15. Kalima J. Slav. ikra 'Rogen' and ikra 'Wade' // Journal of Slavic Philology. № 9. University Press Winter, 1932. P. 376-378.
16. Kirov dialectisms. Russian language without problems. URL: <https://grammatika-rus.ru/kirovskie-dialektizmy/> (date of access – 04/16/2021).
17. Shansky N.M. Etymological dictionary of the Russian language. T. I. Iss. 2. M.: Publishing house of Moscow University, 1965. 270 p.
18. Makusheva O.A. Dictionary of meteorological vocabulary of Oryol dialects. Oryol, 1997. 106 p.
19. Etymological Dictionary of the Belarusian Language / Ed. V.V. Martynov, G.A. Tsihun, R.M. Malko. 1-14 vols. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR; Belarusian Science, 1978-2010-.
20. Large explanatory dictionary of the Russian language / Ed. S.A. Kuznetsov. SPb: Norint, 2000. 1536 p.

УДК 81'42:004.738.5

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.67.40.007

*Кубанский государственный университет
аспирант кафедры английской филологии
факультета романо-германской филологии*

Вульфович Б.Г.

Россия, г. Краснодар, тел. 8-928-846-80-91

e-mail: justb8888@gmail.com

Kuban State University

Post-graduate student

Faculty of Romance and Germanic Philology

English Philology Department

Vulfovich B.G.

Russia, Krasnodar, 8-928-846-80-91

e-mail: justb8888@gmail.com

Б.Г. Вульфович

«БРЕКСИТ» КАК ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Задачей данной статьи является рассмотрение лингвопрагматических особенностей комментариев пользователей социальной сети «Твиттер» на выход Великобритании из ЕС. Анализ данных комментариев с лингвопрагматической точки зрения представляет интерес, так как показывает наиболее актуальную картину отношения пользователей социальных сетей к произошедшему событию. Приоритетными методами анализа лингвопрагматического потенциала Интернет-комментариев для нас являются: описательный метод, метод прагматического анализа, т.е. рассмотрение языкового материала в его непосредственном контексте в функциональном аспекте, метод частичной выборки, метод контекстологического описания. Контекстуальный метод был использован с целью установления особенностей комментариев в среде социальной сети «Твиттер»; описательный метод – для выявления непосредственного отношения пользователей социальных сетей к выходу Великобритании из ЕС; частичной выборки – для отбора наиболее эффективных и целостных комментариев с позиции прагматики и их реализации в данном контексте. Проведённое исследование позволило установить, что большинство людей удовлетворено результатами выхода Великобритании из ЕС и положительно отзываться об этом событии. Об этом свидетельствует как большое количество экспрессивов, использованных в интернет-комментариях в отношении данного события, так и активное употребление в них оценочной лексики. Результаты проведённого исследования могут быть применены в теоретических работах по описанию характеристик речевых актов, в курсе теоретической грамматики, стилистики, прагмалингвистики.

Ключевые слова: «Брексит», лингвопрагматика, теория речевых актов, социальные сети, Твиттер, пользователь социальных сетей, комментарии.

B.G. Vulfovich

BREXIT AS A LINGUOPRAGMATIC PHENOMENON

The purpose of this article is to review the linguo-pragmatic features of Brexit represented in the comments in Twitter. Their analysis from a linguistic-pragmatic point of view may be of interest, since it shows the most relevant picture of the relationship of social network users for the event. The priority methods for analyzing the linguo-pragmatic potential of Internet comments for us are: a descriptive method, a pragmatic analysis method, i.e. consideration of linguistic material in its immediate context in the functional aspect, partial sampling method, contextual description method. The contextual method was used to establish the characteristics of comments on the Twitter social network; descriptive method was used to identify the direct relationship of social network users to the UK exit from the EU; partial sampling was used to select the most effective and holistic comments from the position of pragmatics and their implementation in this context. The study found that most people are satisfied with the results of the UK exit from the EU and respond positively to this event. The results of the study can be applied in theoretical works on the description of the characteristics of speech acts, in the course of theoretical grammar, stylistics, pragmalinguistics.

Key words: “Brexit”, linguo-pragmatics, theory of speech acts, social networks, Twitter, user of social networks, comments.

«Брексит» – это процесс выхода Великобритании из Евросоюза, начавшийся после результатов

референдума 23 июня 2016 г. и закончившийся в полночь с 31 на 1 февраля 2020 г. полным выходом Великобритании из ЕС. «Brexit является главной темой всех британских газет на протяжении последних лет, а сам неологизм Brexit в течение двух лет (2016 и 2017 гг.) возглавлял списки самых популярных слов, перейдя в итоге в список самых ненавистных слов. За короткий период времени единица вошла в словарный состав английского языка, поставив своеобразный рекорд» [1, с. 105].

Сроки выхода из ЕС неоднократно переносились, а между тем в Интернет-пространстве разгорались дискуссии, включающие в себя десятки тысяч комментариев. Более того, вопрос о Брексит нередко поднимался и в лингвистических исследованиях. Так, в работе «Медийно-аксиологические особенности британского брексита» [2] данный аспект рассматривается с позиции аксиологической лингвистики, поскольку сам «брексит» является достаточно противоречивым по своей природе и порождает много разногласий. Т.В. Алиева использует материал аналитических статей британской прессы, посвящённых «брекситу», для выявления, анализа и систематизации средств языка (лексического, морфологического и синтаксического уровней), участвующих в актуализации оппозиции «свой – чужой», которая эксплицитно актуализирует оппозицию «правящая элита – народ» [3]. Рассмотрением «брексита» как источника неологизмов занимается О.В. Мозырева [4].

Изучение специфики интернет-дискурса является актуальным аспектом среди исследований современных учёных. Разные аспекты данного явления освещены в работах Г.Л. Акопова [5], Н.А. Ахреновой [6], Б.Г. Вульфвича и В.В. Катерминой [7], Е.И. Горошко, Т.Л. Поляковой [8], С.Ж. Ергалиевой [9], Н.Б. Руженцевой [10], В.Д. Савенкова [11], А.В. Чижика [12], Т.Ю. Тамерьян, М.Р. Желтухиной, И.Г. Сидоровой, Е.В. Шишкиной [13], Д.С. Шипиловой [14] и других.

Лингвопрагматические особенности интернет-дискурса вызывают особый интерес исследователей, поскольку являются независимыми и свободными от каких-либо ограничений высказываниями. Следовательно, их анализ даёт нам возможность получить наиболее достоверные сведения об отношении интернет-сообщества к тому или иному явлению.

На сегодняшний день официальный выход из ЕС состоялся, и данное событие стало одним из самым обсуждаемых в «Твиттере».

Данная социальная сеть на сегодняшний день является одной из самых популярных средств коммуникаций в политической сфере: «в современных Интернет-коммуникациях “Твиттер” играет главенствующую роль, что подтверждается наличием именно “Твиттер” аккаунта у глав государств, политических деятелей, публичных персон и др. Практически все СМИ планеты имеют странички в “Твиттере”, что говорит об уникальности данного сервиса как средства обмена оперативной информацией и общения» [14, с. 64].

Более того, формат «Твиттера» способствует точности, лаконичности и содержательности сообщений: «Одной из жанрообразующих особенностей Twitter является лаконичность сообщений, которые передаются с его помощью (не более 140 символов), и возможность мгновенного распространения информации по цепочке. По нашему мнению, эти свойства Twitter, среди которых на первое место выходят скорость и лаконичность, оказывают несомненное влияние на современную коммуникацию в целом, а при долгосрочном использовании могут привести существенным изменениям и в языке. Данные механизмы уже привлекли внимание исследователей, в том числе и на русскоязычном материале» [15].

Именно поэтому мы считаем данную социальную сеть основополагающей для проведения исследований в сфере лингвопрагматики.

Объектом являются комментарии пользователей «Твиттера» по случаю окончательного выхода Великобритании из Евросоюза. Реакция пользователей будет рассмотрена с позиции теории речевых актов, что позволит нам в итоге установить лингвопрагматическую значимость самих речевых актов и отношение пользователей к данному событию.

Прагмалингвистика изучает способы использования системы языка. Иными словами, она изучает язык в действии. На наш взгляд, наиболее ёмким является определение, приведённое в лингвистическом энциклопедическом словаре: «Прагматика – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [16]. Прагматика изучает возможности индивидов выражать собственные намерения и интерпретировать намерения собеседника, учитывая контекст всей речевой ситуации.

Сама прагматика является частью триады, предложенной американским исследователем Ч.У. Моррисом: «Вслед за американским исследователем Ч. У. Моррисом семиотику принято членить на

семантику, синтактику и прагматику» [17, с. 50]. Как известно, в семантике рассматриваются отношения между знаками и объектами, в синтактике формальная сторона их отношений, а в прагматике непосредственно само отношение знаков к интерпретаторам.

Идеи лингвистической прагматики были впервые отражены в работах В. Гумбольдта: «люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные символы» [18, с. 165-166].

Поскольку в прагмалингвистике происходит то или иное воздействие на слушающего или читающего, его можно разделить на прямое и скрытое. Под прямым подразумевается тот вид воздействия на читателя, когда автор осознанно выбрал те или иные средства в своей речи, а если выбор языковых средств никаким образом не интерпретируется ни читателем/слушателем, ни автором, то в таком случае мы говорим о скрытом воздействии. В свою очередь, оно порождает два направления современной прагмалингвистики: функциональное (изучает стандартные средства выражения и их воздействие на адресата) и скрытое (изучает средства выражения без целевого воздействия на адресата) [17, с. 50-51]. В нашем случае, взаимодействуя с интернет-комментариями, мы можем предположить, что имеем дело со скрытым видом воздействия на адресата, поскольку авторы комментариев не являются профессиональными актерами и не ставят перед собой цель оказать непосредственно прямое влияние на тех, кто прочитает или услышит их комментарий (учитывая тот факт, что комментарий рассчитан на массовую аудиторию, а не на конкретного человека).

В нашей работе анализируются комментарии, оставленные к посту Бориса Джонсона по случаю выхода Англии из ЕС: *“Tonight we have left the EU – an extraordinary turning point in the life of this country. Let us come together now to make the most of all the opportunities Brexit will bring – and let’s unleash the potential of the whole UK”*. Пост был опубликован 1 февраля; на момент обращения к нему (2 февраля) он набрал 10,6 тысяч комментариев.

Рассмотрим некоторые наиболее яркие фрагменты комментариев с точки зрения их лингвопрагматических особенностей (авторская орфография и пунктуация сохранены). Самыми многочисленными оказались речевые акты, принадлежащие к классам ассертивов (репрезентативов), директивов и экспрессивов.

Категория экспрессивов является самой многочисленной и положительной, так как большинство комментаторов довольны выходом Великобритании из ЕС и оставляет лишь слова благодарности и поддержки: *“You got it done! Top man!”*, *“Congratulations Prime Minister! I trust you will lead your people well”*, *“Thankyou!!!! so much for getting brexit done”*, *“Thank-You, Boris!”*, *“Congratulations”*, *“THANK YOU, BORIS!”*, *“Thank you, thank you. Congratulations”*, *“We love you all! Well DONE Boris BRILLIANT”*, *“OUR PRIME MINISTER!”*, *“Well done Boris”*, *“So happy to leave the anti democratic EU, huge thank you to everyone that has made it happen”*, *“Congratulations on taking your liberty back...Britain is the British people”*, *“Awesome”*, *“Happy Britindependence Day!”*, *“We did it! Words cannot express how happy i am at the moment”*, *“Congratulations!! You now have to and deserve to be great. Because a once proud nation that literally controlled the planet has been reduced to a colony itself, with all its citizens living on an island the size of Michigan. The EU has NOT helped. Glad you tossed them”*, *“Excellent work PM”*, *“Congratulations!”*, *“So so happy for the British people reasserting self rule!”*, *“God bless the UK”*. Некоторые пользователи отмечают восстановление доверия к Борису Джонсону, следовательно, переход из его критиков в приверженцев: *“Trust has now been fully restored”*. Более того, среди экспрессивов также присутствуют отсылки к известным политикам: *“Churchill would be proud of you !!!!”*. Отмечаются комментарии из других стран, которые также выражают одобрение по случаю выхода Великобритании из ЕС: *“Congratulations to You and Great Britain. You are a Great and Brave People. Great Britain is finally free. I want my country to follow the example from Great Britain”*, *“Congratulations UK! America is with you. You are our sister and we only want you to rise back to the wonderful country my wife and I love so much”*. Некоторые авторы с юмором выражают свою радость по случаю данного события или же просто восторженно отзываются о Борисе Джонсоне как политике: *“I feel different already. My bunions have stopped aching and the wife says my hairline looks more full already. Thank you for this, Ba-*

ris!!!”, “*I absolutely adore him. There’s a really optimistic buzz in The City that has been absent for over ten years*”.

В рассмотренных нами комментариях ассертивы (репрезентативы) чаще всего носят отрицательный характер. Например, некоторые авторы комментариев ожидают выполнения обещаний в сфере здравоохранения: “*So tomorrow will the NHS receive the £350 million you promised*”. Другие авторы очень ярко отреагировали на призыв «объединиться»: “*I’ll come together when you start telling the truth So never*”, “*Come together? I won’t put money on that. Toss pot*”, “*Never. Ever. Ever. Will I ever come together behind the likes of you*”, Шотландцы также негативно отреагировали на данное событие, утверждая, что их страна голосовала за противоположное: “*My country is Scotland. My country voted to remain in the EU*”, “*Tonight the journey for Scotland towards independence & the EU begins. Scotland did not vote for Brexit and has not voted for the Tories since the middle of the last century. I will neither support nor unite behind Brexit nor the Tories*”. В других случаях авторы использовали сопоставления с бывшими политическими деятелями Великобритании, при этом негативная линия также была продолжена: “*I hate you more than I hated Thatcher. And that’s saying something*”. Некоторые комментарии имели непосредственно расистский характер: “*mate nothing’s changed i’ve just seen a polish person walking down the street why isn’t he gone*”. Отдельно интересны комментарии, в которых Россия выступает «виновником всех бед»: “*It’s because Russia hacked the vote. They did it in America too. Russia is destroying our countries from the inside*”, “*I can’t decide which putin puppet is worse - you or trump*” и др.

Такого рода комментарии являются отрицательными по своей коннотации и выражают недовольство авторов выходом Великобритании из ЕС.

В отношении директивов отметим, что они уже встречаются реже и в основном носят нейтральный оценочный характер. Например, ряд авторов комментариев отмечает подходящий момент для Великобритании, чтобы показать свою силу: “*Time for Britain to both Roar and for Britain to Bite Back*”, “*All yours Boris, well done. Don’t let down the fishermen please. Let’s put the Great back into Britain*”, “*Let’s take this opportunity for a thorough social, political & cultural Great British Reformation*”, “*Right BooBoo. Time to invest in the NHS, tackle gang violence and knife crime, reduce the number of people using food banks and invest in our education to teach children about life skills instead of Pythagorus theorem*”. Некоторые пользователи в целом положительно восприняли данное событие, однако предложили решить некоторые проблемы или же дали обыденные советы, чтобы не потерять недавно обретенную независимость: “*Well done Boris, now deal with the broadcast media 4 main channels, all remain biased. Unacceptable on today of all days. Where the balance?*”, “*Lets hope you do not forget us up north do not just look after the south there is other places outside London*”, “*At bloody last- now don’t screw it up*”. У небольшой части людей остался ряд вопросов к политик: “*Will you please detail the opportunities... just that up til now, nobody has said what they are other than taking back control... whatever that means...*”, “*When will you admit you’ve removed the rights of 60m UK citizens to live, work, study, retire in 30 countries?*”, “*What opportunities? We were able to trade across the globe already, we could travel freely across Europe, work, study, live across the EU. Seamless trade, travel. Now what do we have? Stop the bluff & bluster & be honest, remember your formerly pro EU stance now you’re PM*”. Также наблюдаются призывы покинуть Великобританию к Ирландии, Шотландии и даже Лондону. Отметим, что в группе ассертивов интернет-пользователи со стороны Шотландии указывали на их несогласие с выходом Великобритании из ЕС. Логично предположить, что выход из состава Великобритании также не был бы для них выгодным решением: “*Time for Ireland and Scotland, and possibly London, to leave the United Kingdom behind, because too many in England think they are still living in Victorian England. It’s 2020, not 1840*”. Некоторые пользователи социальных сетей, пользуясь новым сложившимся положением, стали выдвигать свои требования в отношении разных аспектов жизни: “*Now that you(#UK/#Britain) have exited the #EU union, we(#Biafrans) are saying you MUST ALLOW us exit from the fraudulently conceived and forcefully amalgamated contraption called #Nigeria your forefathers created to as a cage to enslave #Biafra & others!*”. Пользователи американской стороны одобрительно отнеслись к событию, отметив, что желают сотрудничества двух стран: “*Real Americans look forward to our countries working together. Forget the anarchists who took over our democrat party. Conservatives are winning out. Together we can make America AND the UK great again. Congratulations. Don’t be worried about naysayers*”.

В данных комментариях мы можем отметить разного рода призывы к Борису Джонсону по изменению или улучшению его политики, а также рекомендации и советы в отношении дальнейшего управления страной. В целом данные комментарии нейтральны по коннотативному признаку, хотя

также присутствуют высказывания с отрицательной коннотацией. Положительных комментариев среди директивов нет.

Таким образом, нами было установлено, что преобладают комментарии с положительным отношением к выходу Великобритании из ЕС. Как правило, такие комментарии лаконичны и зачастую содержат в себе слова благодарности. Отметим, что благодарность рассматривается с нескольких перспектив: люди благодарят Бориса Джонсона, хвалят Великобританию, и, более того, поздравления поступают в том числе и с других стран. Комментарии с негативной коннотацией также присутствуют, однако их немного. В них авторы выражают своё недовольство принятыми решениями, к примеру, шотландцы, которые утверждают, что не голосовали за выход из ЕС или же люди, ожидающие выполнения обещаний Бориса Джонсона.

Данное исследование позволило установить, что отношение британской общественности к выходу из ЕС в целом было воспринято положительно. С позиции прагмалингвистики основными речевыми актами выступали ассертивы, директивы и экспрессивы, в то время как комиссивы и декларативы использованы не были. Это обусловлено стилем составления комментариев, которые, как правило, либо утверждают позицию автора, независимо от того, положительная она или отрицательная, либо содержат какое-то указание или вопрос, либо эмфатически выражают мнение автора о комментируемом явлении или событии.

Библиографический список

1. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103-111.
2. Желтухина М.Р. Медийно-аксиологические особенности британского брексита // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы междунард. науч. конф., Тяньцзинь, 16 ноября 2018 г. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. С. 246-252.
3. Алиева Т.В. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой – чужой» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 8–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-8-13.
4. Мозырева О.В. Брексит, тиндер и другие источники появления новых слов // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы X юбилейной междунард. науч. конф. к 75-летию Валерия Степановича Борисова, Москва-Коломна, 13-14 апреля 2017 г. Изд-во Московского педагогического государственного университета, государственного социально-гуманитарного университета, 2017 г. С. 117-120.
5. Акопов Г.Л. Политика и Интернет: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 202 с.
6. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 22-26.
7. Катермина В.В., Вульфвич Б.Г. Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 19-26. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-2-19-26.
8. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления Интернет-лингвистики – виртуального жанроведения // Жанры и типы текста в научном медийном дискурсе: межвузовский сб. науч. трудов. Орел, 2014. С. 238–249.
9. Ергалиева С.Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2018. 274 с.
10. Руженцева Н.Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. 208 с.
11. Савенков В.Д. Место и роль блогосферы в системе массовой коммуникации (на примере России и США): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 237 с.
12. Чижик А.В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2015. № 18. С. 523-532.
13. Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Sidorova I.G., Shishkina E.V. Stereotype Component in the Structure of Ethnocultural Archetype (on Internet-blogs) // the European Proceedings of Social & Behavioural Sciences epsbs: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, 2018. Grozny, 01-03 November, 2018. Published by the Future Academy. PP. 1716-1722.
14. Шипилова Д.С. Лингвистические средства реализации коммуникативных стратегий в формировании виртуального имиджа американского политика (на материале предвыборного дискурса в социальной сети «Твиттер»): дис. ... канд. наук. Ростов Н/д, 2018. 186 с.

15. Атягина А.П. Языковая компрессия в Twitter // Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 2012. №3. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/401> (Дата обращения: 17.03.20).
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
17. Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селиверстова Л.Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: 12. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С.50-57.
18. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

References

1. Katermina V.V., Solovyova N.S. Axiology of Brexit neologism in the English-language mass media discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2019. No 3. PP. 103-111.
2. Zheltukhina M.R. Media-axiological features of British Brexit. Linguistic and cultural values in linguistic consciousness and communicative practice: materials international. scientific Conf. Tianjin, November 16, 2018. Volgograd: PrinTerra-Design, 2019. PP. 246-252.
3. Alieva T.V. The Brexit referendum: linguistic means of actualizing the opposition "friend or foe". Series: Linguistics. 2017. No. 3. PP. 8–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-8-13.
4. Mozyreva O.V. Brexit, Tinder, and other sources of the emergence of new words. Language: categories, functions, speech action: materials of the X anniversary international. scientific conf. on the occasion of the 75th anniversary of Valery Stepanovich Borisov, Moscow-Kolomna, April 13-14, 2017. Publishing House of Moscow State Pedagogical University, State Social and Humanitarian University, 2017. PP. 117-120.
5. Akopov G.L. Politics and the Internet: a monograph. М.: INFRA-M, 2014. 202 p.
6. Akhrenova N.A. Theoretical Foundations of Internet Linguistics. Philological Sciences. Questions of theory and practice: scientific journal. 2013. No. 10 (28). PP. 22-26.
7. Katermina V.V., Vulfovich B.G. Linguo-pragmatic potential of political Internet discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics: scientific journal. 2019. No 2. PP. 19-26. DOI: 10.29025 / 2079-6021-2019-2-19-26.
8. Goroshko E.I., Polyakova T.L. The Internet genre of twitting as a subject of research in a new direction of Internet linguistics – virtual genre studies. Genres and types of text in scientific media discourse: interuniversity collection. scientific labor. Orel, 2014. PP. 238–249.
9. Ergalieva S.Zh. Political Discourse in the Text Derivatological Aspect (Based on the Material of Russian and Kazakh Internet Sites): Dis. ... cand. filol. sciences. Kemerovo, 2018. 274 p.
10. Ruzhentseva N.B. Methodology and Methods of Analysis of a Mass Media Political Text: Monograph. Ekaterinburg: FSBEI HE "Ural. state ped un-t", 2018. 208 p.
11. Savenkov V.D. The place and role of the blogosphere in the system of mass communication (for example, Russia and the United States): dis. ... cand. filol. sciences. М., 2019. 23 p.
12. Chizhik A.V. Political discourse in the Russian-language Twitter and the image of a politician through the prism of Internet discourse. New Information Technologies in Automated Systems: scientific journal. 2015. No. 18. PP. 523-532.
13. Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Sidorova I.G., Shishkina E.V. Stereotype Component in the Structure of Ethnocultural Archetype (on Internet-blogs) // the European Proceedings of Social & Behavioural Sciences epsbs: SCTCGM 2018 - Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, 2018. Grozny, 01-03 November, 2018 Published by the Future Academy. PP 1716-1722.
14. Shipilova D.S. Linguistic tools for the implementation of communicative strategies in the formation of a virtual image of an American politician (based on the material of the electoral discourse on the Twitter social network: diss. ... candidate of sciences. Rostov-on-Don, 2018. 186 p.
15. Атягина А.П. Language compression on Twitter. Electronic scientific journal of the Faculty of Journalism of Moscow State University Lomonosov: scientific journal. 2012. No.3. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/401> (Date of Inquiry: 17.03.20).
16. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva, Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.
17. Matveeva G.G., Samarina I.V., Seliverstova L.N. Two directions in modern pragmalinguistics. Bulletin of St. Petersburg University: scientific journal. Series: 12. 2009. Issue. 1. Part 2. PP. 50-57.
18. Humboldt V. Selected works on linguistics. Moscow, Progress, 1984. 400 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 372.881.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.27.19.008

Гилянский университет

*кандидат филологических наук, ассистент
профессора*

старший преподаватель

Набати Ш.

*Исламская республика Иран, г. Реум, тел.
+981333690274*

e-mail: shnabati@guilan.ac.ir

University of Guilan

PHD, Assistant professor

Senior lecturer

Nabati Sh.

*Islamic Republic of Iran, Rasht,
tel. +981333690274*

e-mail: shnabati@guilan.ac.ir

*кандидат филологических наук, ассистент
профессора*

старший преподаватель

Мехтиханлы С.

*Исламская республика Иран, г. Реум, тел.
+981333690274*

e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

PHD, Assistant professor

Senior lecturer

Mehdikhanli S.

*Islamic Republic of Iran, Rasht,
tel. +981333690274*

e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

Ш. Набати, С. Мехтиханлы

К ВОПРОСУ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ИРАНСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются семантические признаки глаголов движения в русском языке и особенности преподавания этих языковых единиц в персоговорящей аудитории на основе написанного авторами статьи учебника, перечисляются некоторые типичные ошибки, допускаемые иранскими студентами при изучении данной темы. Написанный учебник предназначен для иранских студентов, изучающих русский язык как иностранный (РКИ) на среднем и продвинутом уровне. Материалы учебника составлены с целью изучения и правильного употребления глаголов движения. Учебник предлагает новый подход к изучению глаголов движения в русском языке и адресован в основном персоязычным студентам, изучающим русский язык на уровне бакалавриата. Иллюстрации и тщательное рассмотрение глаголов движения в прямом и переносном значениях помогают учащимся лучше понимать и правильно применять глаголы движения, а также облегчают процесс обучения. Учебник может быть использован как основной ресурс в высших учебных заведениях в исламской республике Иран. Целью настоящей статьи является представление лучшего метода при преподавании глаголов движения в персоговорящей аудитории при помощи функциональной грамматики и коммуникативной организации учебного процесса. Для достижения поставленной цели следует решить следующие задачи: установить семантические характеристики глаголов движения в русском языке; описать необходимые этапы в процессе преподавания глаголов движения в персоговорящей аудитории, опираясь на структуру написанного учебника; проанализировать ошибки, допускаемые иранскими студентами при изучении данной темы.

Ключевые слова: глаголы движения, семантические характеристики, персоговорящая аудитория, русский язык, персидский язык

Sh. Nabati, S. Mehdikhanli

ON THE ISSUE OF THE PECULIARITIES OF TEACHING RUSSIAN VERBS OF MOVEMENT IN AN IRANIAN AUDIENCE

The article examines the semantic features of the verbs of movement in Russian and the peculiarities of teaching these language units in a Persian-speaking audience based on a textbook written by the authors of the article, lists some typical mistakes made by Iranian students when studying this topic. The written textbook is intended for Iranian students studying Russian as a foreign language (RFL) at an intermediate and advanced level. The materials of the textbook were compiled for the purpose of studying and using the verbs of movement correctly. The textbook offers a new approach to the study of verbs of movement in Russian and is addressed mainly to Persian-speaking students studying Russian at the undergraduate level. The illustrations and careful consideration of the verbs of movement in both direct and figurative meanings help students to better understand and correctly apply the verbs of movement, and also facilitate the learning process. The textbook can be used as the main resource in higher education institutions in the Islamic Republic of Iran. The purpose of this article is to present the best method for teaching verbs of movement to a Persian-speaking audience using functional grammar and communicative organization of the educational process. This goal has led to the solution of the following tasks: to establish the semantic characteristics of the verbs of movement in the Russian language; describe the necessary stages in the process of teaching verbs of movement in a Persian-speaking audience, based on the structure of the written textbook; analyze the mistakes made by Iranian students in the study of this topic.

Key words: verbs of movement, semantic characteristics, Persian-speaking audience, Russian language, Persian language

Особенности функционирования глаголов движения исследовались в разных языках мира: русском [1]; английском [2]; украинском [3]; французском [4], азербайджанском [5]; немецком [6], персидском [7] и др. Важнейшим результатом этого анализа является выявление их главных семантических признаков, к которым можно отнести направленность /ненаправленность движения, способ глагольного действия, зависимость и независимость движения, и ряд других.

А. В. Исаченко разделяет глаголы движения по признаку направленности на две группы: однонаправленные (направленные) (*идти, лететь, нести*) и ненаправленные глаголы (*ходить, летать, носить*). По его мнению, глаголы типа *идти* обозначают движение в одном направлении, поэтому их можно назвать однонаправленными глаголами, а глаголы типа *ходить* в отличие от глаголов типа *идти* могут обозначать как движение в одном направлении, так и движение в разных направлениях, поэтому их можно назвать ненаправленными [8, с. 311]. По мнению В. Г. Гака способ движения, «образует многослойный ряд аспектов и субкатегорий, характеризующих движение в зависимости от среды, в которой оно происходит, природы субъекта, степени его участия в движении, прерывности и непрерывности процесса движения, естественных особенностей движения субъекта и т.д.» [9, с. 152].

Глаголы движения с семантическим признаком среда движения можно разделять на три группы: глаголы, обозначающие движение по земле (*идти – ходить* и т.д.); глаголы, обозначающие движение в воде (глаголы *плыть – плавать*); глаголы, обозначающие движение по воздуху (*лететь – летать*) [10] (см. также 11; 12; 13).

Семантический признак средство передвижения указывает на наличие средств движения (*автобус, метро, машина* и т.п.), глаголы *ехать, везти* ясно отражают признак средство передвижения.

Следующим признаком глаголов движения является зависимость / независимость движения. Под независимостью движения понимается самостоятельное движение субъекта. Для непереходных глаголов движения характерна независимость движения [14, с. 517].

Таким образом, в результате семантических исследований глаголов движения в русском языке выявлены ведущие семантические признаки глаголов движения как направленность/ненаправленность, способ, среда, средство и зависимость/независимость движения. Эти семантические признаки не указаны в таких толковых словарях русского языка, как «Словарь русского языка в 4 томах» под ред. А. П. Евгеньевой [15], «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [16], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [17], «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [18], «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [19], «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [20].

В программу обучения РКИ в Иране входит курс по глаголам движения. В течение многих лет преподавания РКИ в иранской аудитории наблюдались трудности и ошибки при употреблении иранскими студентами глаголов движения.

Глаголы движения в персидском языке не выделены в отдельную лексико-семантическую группу. Наиболее существенным семантическим отличием глаголов движения в персидском языке является направленность движения на говорящего: приближение к нему или удаление от него. В персидском языке глаголы *آمدن* *амадан*, *رفتن* *рафтан*, *آوردن* *авардан* и *بردن* *бордан* обозначают движение относительно ориенти-

ра, при этом значение ориентированного движения в семантике самого глагола больше никак не специфицируется. Они обозначают движение, как без использования средств передвижения, так и с использованием этих средств по земле, воздуху и по воде. Направленность движения относительно ориентира выступает дифференцирующим семантическим признаком для этих персидских глаголов, в то время как ориентир в семантике русских бесприставочных глаголов движения отсутствует [7, л. 127]. Но трудности иранских студентов, изучающих русский язык как иностранный, вытекают из того, что в персидском языке не существует грамматической системы парных глаголов движения. Грамматические сведения о системе глаголов движения необходимы иранским студентам, так как без знания этих правил невозможно активно овладеть русским языком ни в письменной, ни в устной формах этого языка.

К типичным ошибкам иранских студентов при употреблении глаголов движения можно отнести следующие: неправильный перевод персидского эквивалента русского глагола движения; неправильное спряжение русских глаголов движения; пренебрежение к среде движения, присутствие или отсутствие средства передвижения, наличие субъекта или объекта действия, переходность или непереходность глаголов движения и т.д.

Как мы знаем, учебник играет немаловажную роль в процессе обучения, и если учитывать, что этот процесс ведётся вне языковой среды, и, что тема глаголов движения является одной из непростых тем, то можем сказать, что хороший учебник является стимулом, мотивирует и повышает интерес студентов к изучению данной темы на занятиях РКИ.

До сих пор написано много книг, диссертаций, статей и научных работ по глаголам движения и их употреблению на русском и персидском языках, но они не решили проблемы студентов в иранской аудитории. Поэтому мы еще видим их ошибки при изучении и употреблении этих глаголов в речи и письме. По этой причине преподаватели кафедры русского языка Гилянского университета решили написать учебник «*رویکرد نوین در آموزش افعال حرکتی زبان روسی*» «Новый подход к обучению глаголам движения в русском языке» [21]. Данный учебник предназначен для иранских студентов, изучающих русский язык как иностранный (РКИ) на среднем и продвинутом этапах. Материалы учебника составлены с целью изучения и правильного употребления глаголов движения. Учебник предлагает новый подход к изучению глаголов движения в русском языке и адресован в основном персоязычным студентам, изучающим русский язык как иностранный. Учебник может быть использован как основной ресурс в высших учебных заведениях.

В учебнике «Новый подход к обучению глаголам движения в русском языке» наряду с расширением словарного запаса и введением разговорных конструкций, даются сведения о грамматической системе глаголов движения и примеры употребления данных глаголов в различных ситуациях. Основной лингвометодической целью данного учебника является обучение иранских студентов бесприставочным и приставочным глаголам движения, их значению и правильному употреблению в актуальных для них ситуациях общения.

Изложение грамматического материала, а также язык данного учебника является доступным для всех студентов, независимо от их уровня подготовки, что является одним из главных факторов при составлении учебных пособий для РКИ. В статье предпринята попытка описать особенности учебника, который будет способствовать усвоению этих языковых единиц иранскими студентами.

Учебник состоит из двух глав, списка литературы и словаря. В первой главе рассматриваются бесприставочные глаголы движения в русском языке и их эквиваленты в персидском языке, а во второй – приставочные глаголы движения и их эквиваленты в персидском языке. Для того чтобы точнее представить семантические характеристики бесприставочных и приставочных глаголов движения в русском языке и их эквиваленты в персидском, а также облегчить процесс обучения, мы используем одинаковую схему анализа для бесприставочных и приставочных глаголов движения.

В первой главе учебника говорится о семантических характеристиках глаголов движения в русском языке, об употреблении глаголов движения в русском языке и их эквивалентах в настоящем, будущем и прошедшем времени в персидском языке. Данная информация оказывает студентам огромную помощь при переводе с русского на персидский язык.

В учебнике представлены грамматические комментарии на персидском языке, также каждый рассматриваемый глагол употребляется в разных грамматических формах в предложениях и перевод этих предложений на родной язык студентов. Грамматическим терминам русского языка дается эквивалент или толкование на персидском языке, что облегчает усвоение грамматического материала.

В данном учебном издании вместе с глаголами указаны падежи и предлоги, с которыми употребляется тот или иной глагол движения, а также есть примеры в виде предложений и их перевод на персидский язык. Приведем примеры:

в + В.п. на + В.п.	из + Р.п. с + Р.п. от + Р.п.	к + Д.п. по + Д.п.	в + П.п. на + П.п.
-----------------------	------------------------------------	-----------------------	-----------------------

Мы идём в школу.	ما داریم به مدرسه می‌رویم.
Мы каждый день ходим в школу.	ما هر روز به مدرسه می‌رویم.
Она идёт на концерт.	او دارد به کنسرت می‌رود.
Она каждый день ходит на концерт.	او هر روز به کنسرت می‌رود.
Я иду из школы домой.	من دارم از مدرسه به خانه می‌روم.
Я каждый день хожу из школы домой.	من هر روز از مدرسه به خانه می‌روم.
Он идёт с работы домой.	او دارد از سترِ کار به خانه می‌رود.
Он каждый день ходит с работы домой.	او هر روز از سترِ کار به خانه می‌رود.
Лодка идёт от одного берега реки к другому.	می‌رود. قایق دارد از یک طرف رودخانه به طرف دیگر
Лодка ходит от одного берега реки к другому.	قایق بین دو طرف رودخانه تردد می‌کند.
Антон часто ходит к другу.	آنتون اغلب پیش دوستش می‌رود.
Он идёт по улице.	او دارد در خیابان می‌رود.
Он ходит по улице.	او دارد در خیابان راه می‌رود.
Он идёт в парке к фонтану.	او دارد در پارک به سمت فواره می‌رود.
Каждое утро он ходит в парке.	او هر صبح در پارک قدم می‌زند.
После аварии он ходит на костылях.	بعد از تصادف او با چوب زیر بغل راه می‌رود.

Ввиду того, что иранские студенты часто испытывают трудности в правильной постановке ударения в словах в процессе изучения русского языка, в учебнике соблюдается и постановка ударений.

Учебник содержит много иллюстраций. Иллюстрации помогают учащимся лучше понимать и правильно применять глаголы движения, а также облегчают процесс обучения. В начале каждого урока и для каждого глагола движения дается иллюстрация. Эти изображения объясняют и дополняют текст с помощью наглядных образов. Как известно, иллюстрации - одно из самых распространенных средств применения наглядности в процессе обучения. Иллюстрации визуализируют грамматический материал во время занятий, способствуют более прочному усвоению и запоминанию.

Также иллюстрации способствуют повышению интереса студентов к содержанию учебника.

Пример иллюстраций:

<i>идти</i> →	<i>ходить</i> ↔	<i>ходить</i> ↔ ↑ ↓ ↙ ↘
		
Она идёт в парк. او دارد به پارک می‌رود.	Она часто ходит в парк. او اغلب به پارک می‌رود.	Он ходит по улице. او دارد در خیابان قدم می‌زند.

Так как таблицы облегчают работу над той или иной темой и помогают при изучении грамматических сведений, в учебнике представлены таблицы, направленные на усвоение особенностей грамматических форм глаголов движения и последующее самостоятельное их изучение иранскими студентами.

В конце учебника приведен словарь, включающий глаголы и глагольные словосочетания. Он способствует расширению словарного запаса у студентов и быстрому доступу к персидским эквивалентам русских глаголов.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что при составлении учебника по изучению глаголов движения для персоговорящих студентов, необходимо учитывать отсутствие данной лексико-семантической группы в персидском языке, что предполагает необходимость грамматического комментария на персидском языке, перевода всех предложений, приведенных в учебнике в качестве примеров, и всех грамматических терминов на родной язык студентов, потребность в большом количестве иллюстраций в качестве наглядного средства обучения, изучение и усвоение глаголов движения в контексте. Лучшим средством обучения студентов правильному употреблению русских глаголов движения является, по нашему мнению, является учебник, включающий перевод на персидский язык русских предложений, содержащих глаголы движения с разными предлогами. Весьма полезны таблицы спряжения глаголов движения, а также таблицы, поясняющие значение русских глаголов с приставками. В учебнике представлены и упражнения на семантику приставочных глаголов движения совершенного и несовершенного вида. Авторы выражают надежду, что более глубокое сопоставительное исследование двух языков, а также опыт педагогической работы смогут дополнить и систематизировать существующие учебные пособия и методические материалы по русскому языку для иранских учащихся. По мнению авторов, написанный учебник облегчит процесс усвоения глаголов движения иранскими студентами в персоговорящей аудитории, так как он написан по простой и ясной схеме, с помощью которой иранский студент без особых затруднений может изучить и употреблять эти языковые единицы в речи и письме.

Библиографический список

1. Блягоз З.У. Глаголы движения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 25 с.
2. Соколова В.М. Глаголы движения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. 14 с.
3. Усатенко Т.Ф. Глаголы движения современного украинского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1970. 25 с.
4. Коваленко Н.В. Группа глаголов движения в современном французском языке // Учен. зап. Пенз. гос. пед. ин-т. Саратов, 1967. Вып. 20: Серия филологическая. С. 27–40.
5. Мамедов Н. Синонимия глаголов движения в современном азербайджанском языке / Н. Мамедов // Изв. Акад. наук Азерб. ССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1989. № 2. С. 100–102.
6. Монахов П. Ф. Способы обозначения направленного движения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
7. Набати Ш. Семантика глаголов движения в русском языке в сопоставлении с их персидскими коррелятами: дис... канд. филол. наук: 10.02.20. Минск, 2015. 166 с.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: морфология : ч. 1-2. М. : Яз. слав. культуры : Кошелев, 2003. 570 с.
9. Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1966. 334 с.
10. Переход О. Б. Глаголы движения и перемещения в белорусском и русском языках: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. Минск, 1989. 217 с.
11. Мехтиханлы С.Г. Обучение бесприставочным глаголам движения иранских студентов на начальном этапе РКИ. / С.Г. Мехтиханлы // Язык. Словесность. Культура. Ногинск, 2015. № 2. С. 32–46.
12. Набати Ш. Семантика русских базовых непереходных глаголов движения в сопоставлении с персидскими коррелятами. // Вест. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2013. № 5 (66). С. 27–40.
13. Набати Ш. Семантика русских базовых переходных глаголов движения в сопоставлении с их персидскими коррелятами // Вест. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2014. № 2 (69). С. 42–50.
14. Книга о грамматике: русский язык как иностранный / А.В. Величко [и др.]; под ред. А.В. Величко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 644 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. 4 т.
16. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Технологии, 2003. 939 с.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. Медиа, 2003. 4 т.

19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
20. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2006. 3 т.
21. 251. نیباتی، شهرام؛ مهدیکانلی، سوینج؛ امیری ویرتق، منیژه (1399)، رویکرد نوین در آموزش افعال حرکتی زبان روسی، رشت، انتشارات دانشگاه گیلان، ص. 251
22. Набати Ш., Мехтиханлы С., Амири В. М. Новый подход к обучению глаголам движения в русском языке. Рашт: издательство Гилянского университета, 2020. 251 с.

References

1. Blagoz Z.U. Verbs of movement in modern Russian literary language: author. dis. ... Cand. philol. Sciences / Z.U. Blyagoz; Bitter. state un-t. M., 1964. 25 p.
2. Sokolova V.M. Verbs of motion in modern English: author. dis. ... Cand. philol. Sciences / V.M. Sokolova; Leningrad. state ped. in-t. L., 1967. 14 p.
3. Usatenko T.F. Verbs of the movement of the modern Ukrainian literary language: author. dis. ... Cand. philol. Sciences: 661 / T.F. Usatenko; Lev. state un-t. Lviv, 1970. 25 p.
4. Kovalenko N.V. Group of verbs of movement in modern French / N.V. Kovalenko // Uchen. app. / Penz. state ped. in-t. Saratov, 1967. Issue. 20: Philological series. pp. 27-40.
5. Mamedov N. Synonymy of verbs of motion in the modern Azerbaijani language / N. Mamedov // Izv. Acad. Sciences Azerb. SSR. Ser. lit., lang. and art. 1989. No. 2. P. 100–102.
6. Monakhov P.F. Ways of designating directional movement in the modern German language: author. dis. ... Cand. philol. Sciences / P.F. Monakhov; 1st Moscow state ped. in-t foreign. lang. M., 1961. 19 p.
7. Nabati Sh. Semantics of verbs of motion in Russian in comparison with their Persian correlates: dis ... cand. philol. Sciences: 10.02.20 / Sh. Nabati. Minsk, 2015. 166 p.
8. Isachenko A. V. The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language: morphology: parts 1-2 / A.V. Isachenko. 2nd ed. M.: Yaz. glory. culture: Koshelev, 2003. 570 p.
9. Gak V.G. Conversations about the French word: from the comparative lexicology of the French and Russian languages / V.G. Gak. M.: Mezhdunar. relations, 1966. 334 p.
10. Perekhod O.B. Verbs of movement and movement in the Belarusian and Russian languages: dis ... cand. philol. Sciences: 10.02.02 / O.B. Transition. Minsk, 1989. 217 p.
11. Mehtikhanli S.G. Teaching non-prefixed verbs of movement to Iranian students at the initial stage of RFL. / S.G. Mekhtikhanly // Language. Literature. Culture / Limited Liability Company Analytics Rodis. Noginsk, 2015. No. 2. P. 32–46.
12. Nabati Sh. Semantics of Russian basic intransitive verbs of movement in comparison with Persian correlates. / Sh. Nabati // West. MSLU. Ser. 1, Philology. 2013. No. 5 (66). P. 27-40.
13. Nabati Sh. Semantics of Russian basic transitive verbs of movement in comparison with their Persian correlates. / Sh. Nabati // West. MSLU. Ser. 1, Philology. 2014. No. 2 (69). P. 42-50.
14. A book about grammar: Russian as a foreign language / A.V. Velichko [and others]; ed. A.V. Velichko. 3rd ed., Rev. and add. M.: Publishing house of Moscow. University, 2009. 644 p.
15. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Rus. lang.; ch. ed. A.P. Evgenieva. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Rus. yaz., 1981-1984. - 4 t.
16. Large explanatory dictionary of the Russian language / Ros. acad. Sciences, Institute of linguist. issled.; comp. and ch. ed. S. A. Kuznetsov. - SPb.: Norint, 1998. -- 1536 p.
17. Ozhegov SI Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseology. expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. 4th ed., Add. M.: Technologies, 2003. -- 939 p.
18. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / V. I. Dal. M.: Rus.yaz. Media, 2003. 4 t.
19. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / editorial board: D.N. Ushakov (chief editor) [and others]. M.: State. publishing house foreign. and nat. dictionaries, 1935-1940.
20. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes / T. F. Efremova. M.: AST: Astrel: Harvest, 2006. 3 t.
21. نیباتی، شهرام؛ مهدیکانلی، سوینج؛ امیری ویرتق، منیژه (1399)، رویکرد نوین در آموزش افعال حرکتی زبان روسی، رشت، انتشارات دانشگاه گیلان، ص. 251
22. Nabati Shahram; Mehdikhanli Sevinj; Amiri Virsagh, Manijeh (2020). A New Approach in Teaching Russian Verbs, Rasht, Guilan University Press, 251p.

УДК 372.881.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.63.75.009

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации

Дмитренко Н.П.

Россия, г. Нижний Новгород,

тел. +79200200340

e-mail: nat-dm@yandex.ru

Linguistics University of Nizhny Novgorod

The chair of Russian philology, foreign literature and intercultural communication

PhD, associate professor

Dmitrenko N.P.

Russia, Nizhny Novgorod,

tel. +79200200340

e-mail: nat-dm@yandex.ru

Канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации

Колчина О.Н.

Россия, г. Нижний Новгород,

тел. +79506123286

e-mail: on-kolchina@yandex.ru

The chair of Russian philology, foreign literature and intercultural communication

PhD, associate professor

Kolchina O.N.

Russia, Nizhny Novgorod,

tel. +79506123286

e-mail: on-kolchina@yandex.ru

Канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации

Мосова Д.В.

Россия, г. Нижний Новгород,

тел. +79040670795

e-mail: diana.mosova@mail.ru

The chair of Russian philology, foreign literature and intercultural communication

PhD, senior lecturer

Mosova D.V.

Russia, Nizhny Novgorod,

tel. +79040670795

e-mail: diana.mosova@mail.ru

Н.П. Дмитренко, О.Н. Колчина, Д.В. Мосова

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

XXI век – век электронного образования. Разработчики учебных курсов иностранных языков, авторы учебников иностранных языков отчетливо осознают, что переход образовательного процесса в онлайн неизбежен и будущее за электронными образовательными ресурсами. Востребованность электронных учебных материалов высока и среди учащихся, и среди преподавателей. В данной статье излагаются общие принципы онлайн-обучения русскому языку как иностранному. Вопросы, встающие перед авторами электронных образовательных материалов, касаются как инструментов, позволяющих сделать онлайн-обучение привлекательным для учащихся, так и алгоритма разработки онлайн-урока. Реализация принципов онлайн-обучения демонстрируется в статье на примере компонентов онлайн-урока, разработанного для уровня В1: показаны фрагменты аутентичных текстов и их лингво-методическая обработка, фрагмент словаря урока, некоторые стандартизированные задания и инструкции к ним, приведены примеры творческих заданий. Акцент делается на стандартизированных заданиях, поскольку цель онлайн-обучения – самостоятельное овладение учащимся предлагаемыми материалами. Стандартизированные задания представляют собой тестовые задания, направленные на освоение ритмики русского слова, слитного произношения слов в синтагмах, освоение русской интонации, лексики и грамматики актуальных тем, понимание смысла предложения и целого текста. Такие задания не требуют вмешательства преподавателя, тем важнее дать к ним исчерпывающую, развернутую инструкцию на русском языке и языке-посреднике. В статье обосновывается выбор уровня В1 как наиболее релевантного для онлайн-обучения, что, безусловно, не отменяет создание онлайн-курсов по русскому языку как иностранному и для других уровней. Придется лишь учитывать, что принцип выбора аутентичных текстов в качестве единицы обучения может со-

блюдаются нестрого на уровнях А1 и А2, в то время как на уровнях В2, С1, С2 аутентичные аудиовидеоматериалы и тексты для чтения будут единственно возможными единицами обучения.

Ключевые слова: онлайн-обучение, онлайн-курс, русский язык как иностранный, электронные образовательные ресурсы.

N.P. Dmitrenko, O.N. Kolchina, D.V. Mosova

GENERAL PRINCIPLES OF ONLINE TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The 21st century is the century of electronic education (e-education). Developers of foreign language training courses, authors of foreign language textbooks are aware that the transition of the educational process to online is inevitable and the future belongs to electronic educational resources. The demand for e-training materials is high both among students and among teachers. This article presents the general principles of online teaching Russian as a foreign language. The questions the authors of electronic educational materials dwell upon relate both to the tools that make online learning attractive for students and the algorithm for developing an online lesson. The implementation of the principles of online teaching is demonstrated in the article with the components of an online lesson developed for level B1: fragments of authentic texts and their linguo-methodological processing are shown, a fragment of the lesson vocabulary, some standardized tasks and instructions for them, examples of creative tasks are given. The emphasis is put on standardized assignments, since the goal of online learning is for students to master the proposed materials independently. Standardized tasks are tests which aim at mastering the rhythm of Russian words, joint pronunciation of words in syntagmas, mastering Russian intonation, vocabulary and grammar of relevant topics, understanding the meaning of a sentence and a whole text. Such tasks do not require the interference of the teacher, it becomes more important to provide comprehensive, detailed instructions in Russian and the auxiliary language. The article justifies the choice of the B1 level as the most relevant for online education, which certainly does not negate the creation of online courses in Russian as a foreign language for other levels as well. We just have to take into account that the principle of choosing authentic texts can be observed less strictly at levels A1 and A2, while at levels B2, C1, C2 authentic audio and video materials and texts for reading will be the only possible units for studying.

Key words: online teaching, online course, Russian as a foreign language, electronic educational resources.

В наступившей реальности не нужно никого убеждать в необычайной популярности, востребованности, значимости онлайн-обучения, онлайн-курсов. Подобные курсы создаются с различными целями и для различных аудиторий; они удобны и сравнительно недороги. Привлекательность электронных образовательных ресурсов – это фактор, с которым должны считаться разработчики учебных материалов.

Цель настоящей статьи – изложить положения, или принципы, онлайн-обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ), руководствуясь которыми можно было бы разработать алгоритм создания онлайн-курсов, онлайн-уроков, удовлетворяющих потребности иноязычной студенческой аудитории.

В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова создание *массовых открытых онлайн-курсов* (МООК) рассматривается как стратегически важное направление деятельности. В настоящее время разрабатывается несколько онлайн-курсов русского языка как иностранного, рассчитанных на тех, кто владеет русским языком на уровне В1-В1+ (Первый сертификационный уровень в Российской государственной системе тестирования ТРКИ). Ориентация на уровень В1 не случайна. Причин несколько.

1. Освоение уровней А1, А2 (элементарный и базовый уровни в Российской государственной системе тестирования ТРКИ) требует участия преподавателя/тьютора в процессе обучения (формирование фонетических навыков, коррекция произносительных ошибок, введение лексического и грамматического материала, формирование навыков диалогической речи и т.д.). Возможности дистанционного обучения на этих уровнях ограничены.

2. Освоение уровней В2, С1, С2 (второй, третий, четвертый сертификационные уровни в Российской государственной системе тестирования ТРКИ) требует включения учащихся в языковую среду, общения с носителями языка в разных коммуникативных сферах и ситуациях. Электронный учебник не может в полной мере удовлетворить эти потребности.

3. Работа с электронным учебником предполагает большую степень самостоятельности, функции преподавателя могут сводиться к контролю и коррекции, использование языка-посредника на этом уровне ограничено. Это возможно, если сформированы базовые фонетические, лексические и грамматические навыки (т.е. освоен уровень А2).

4. Конечная цель освоения русского языка в зарубежных школах/гимназиях – достижение уровня В1. Выпускники школ сдают экзамен на владение русским языком в пределах уровня В1. Таким образом, онлайн-курс оказывается востребованным.

Существующие рекомендации по созданию онлайн-курсов, онлайн-уроков касаются в основном вопросов внедрения онлайн-обучения в образовательном учреждении, возможностей использования MOOC в образовательном процессе, оценки образовательных онлайн-платформ, обсуждения инструментов, повышающих привлекательность онлайн-курсов, или носят откровенно рекламный характер.

Положения, или принципы, относящиеся к содержанию онлайн-курса, до сих пор не нашли отражения в научной литературе.

Опыт создания онлайн-курсов по русскому языку как иностранному позволяет сформулировать одновременно основные положения онлайн-обучения РКИ и общие принципы разработки онлайн-курса РКИ для иностранных учащихся, владеющих русским языком на уровне В1.

1. Общее положение о коммуникативной направленности обучения коррелируется с использованием аутентичных и частично аутентичных материалов в онлайн-курсе. Принципиально важно при этом, чтобы аутентичные аудиовидеоматериалы и тексты для чтения, использовались в форме, не противоречащей закону об авторском праве РФ.

2. Общее положение о функциональном подходе к отбору и подаче языкового материала сопряжено с обязательным предварительным анализом обучающих текстов с точки зрения лексических и грамматических трудностей. Принципиально важно, чтобы весь значимый лексико-грамматический материал включался в задания.

3. В каждом онлайн-уроке должен содержаться словарь, включающий семантизацию слов или выражений, необходимый грамматический комментарий и контекст употребления. Все слова и выражения должны быть озвучены. Для семантизации используются наиболее эффективные способы, их может быть несколько.

4. Система заданий должна быть представлена стандартизованными (тренировочные упражнения) и творческими (речевые упражнения).

5. Значительное место в содержании онлайн-урока отводится стандартизованным заданиям, охватывающим весь лексический и грамматический материал текстов.

6. Стандартизованные задания выполняются без участия преподавателя и оцениваются программой. Преподаватель может быть консультантом, но после того как студент освоит материал урока.

7. При выполнении стандартизованных заданий должен формироваться комплекс необходимых навыков и умений: освоение ритмических и интонационных моделей, освоение семантики слова, освоение грамматических форм и конструкций, формирование умений понимать смысл предложения и смысл целого текста.

8. Каждое стандартизованное задание сопровождается инструкцией на русском и английском языках. Инструкция на языке-посреднике снимает напряжение, обеспечивает адекватное понимание задания.

9. При выполнении стандартизованных заданий количество попыток ответа на один вопрос может быть ограничено, но количество обращений к каждому заданию не ограничено.

10. Творческие задания направлены на развитие умений говорения и письменной речи, выполняются самостоятельно, не носят тестового характера, оцениваются преподавателем.

Далее выдвинутые положения комментируются и иллюстрируются настолько, насколько позволяют рамки письменного текста.

Использование аутентичных и частично аутентичных материалов

Отбор обучающих материалов – аудио- и видеофрагментов, текстов для чтения – сложный и ответственный этап работы по созданию онлайн-курса. Аутентичные материалы, с одной стороны, должны быть посильными, соответствовать уровню знаний и умений учащегося, с другой стороны, должна решаться задача расширения лексико-грамматического запаса, в предлагаемых текстах, аудио- и видеоматериалах должен содержаться потенциал для качественного роста, прогресса, совершенствования навыков и умений.

Фрагмент аутентичного текста для чтения к уроку «Отношения в трудовом коллективе»:

Новая работа – новые коллеги. Все мы хоть раз попадали в новый коллектив. И знаем, как порой тяжело влиться в сложившуюся компанию сотрудников. В этой статье мы дадим несколько советов, которые помогут вам наладить отношения в новом коллективе. Кстати, не только в трудовом. Соблюдая их, вы избежите досадных неприятностей на работе и зарекомендуете себя с положительной стороны... [1].

Фрагмент скрипта видеосюжета к уроку «Отношения в трудовом коллективе»:

- ... я немного беспокоюсь. Дайте, пожалуйста, совет – как грамотно влиться в новый коллектив. Как сделать так, чтобы коллегам и начальству было комфортно со мной, а мне с ними?
- Я вливалась в своей жизни в огромное количество абсолютно чужеродных коллективов [2].

Предварительный анализ обучающих текстов с точки зрения лексических и грамматических трудностей

Аутентичные тексты не могут не содержать лексических единиц, выходящих за пределы лексического минимума Первого сертификационного уровня [3]. Аутентичные тексты изобилуют единицами разговорного стиля речи и идиоматическими единицами. Синтаксис устной речи часто далек от синтаксиса текстов, включаемых в учебные пособия по РКИ. Эти и другие особенности осложняют понимание аутентичных текстов, но не должны снижать мотивацию учащихся. С этой целью проводится лингво-методический анализ аутентичного текста, выявляются незнакомые учащимся слова, выражения и грамматические конструкции. Новые лексические единицы будут включены в словарь урока, новые грамматические конструкции будут объяснены в грамматическом комментарии к уроку.

В приведенных ниже текстовых фрагментах выделены новые для учащихся лексические единицы, которые необходимо включить в словарь урока.

*Новая работа – новые коллеги. Все мы хоть раз **попадали** в новый коллектив. И знаем, как **порой** тяжело **вливаться** в сложившуюся компанию **сотрудников**. В этой статье мы дадим несколько советов, которые помогут вам **наладить** отношения в новом коллективе. Кстати, не только в трудовом. Соблюдая их, вы избежите **досадных** неприятностей на работе и **зарекомендуете** себя с положительной стороны.*

- ... я немного беспокоюсь. Дайте, пожалуйста, совет – как **грамотно влиться** в новый коллектив. Как сделать так, чтобы коллегам и **начальству** было комфортно со мной, а мне с ними?
- Я **вливалась** в своей жизни в огромное количество абсолютно **чужеродных** коллективов.

Словарь урока

Словарь урока должен включать лексические единицы, не входящие в лексический минимум заявленного уровня. Однако, если о значении незнакомого слова легко догадаться по контексту и оно не является частотным и (или) актуальным для данной темы, включать это слово или выражение в словарь урока не кажется целесообразным. Нужно дать учащимся возможность формировать навыки языковой догадки и развивать механизм вероятностного прогнозирования.

В качестве способов семантизации используются изобразительная наглядность (картинки, фотографии, схемы), в том числе анимация (гифки); толкование с помощью простого или сложного словосочетания, синонимы, сильный семантизирующий контекст, словообразовательный анализ. Возможности интернет-формата позволяют без труда совмещать несколько способов семантизации, значительно облегчая понимание новых слов и выражений.

Словарная статья может выглядеть следующим образом.

Вливаться / влиться

Здесь: входить / войти, стать членом чего-либо.

Грамматика: вливаться/влиться *во что* (Асс).

Контекст: Вам трудно вливаться в новый коллектив?

Грамотно

Здесь: правильно.

Грамматика: грамотно – наречие от прилагательного *грамотный*.

Контекст: Как грамотно выстроить отношения в новом коллективе?

Досадный

Синонимы: обидный, неприятный, такой, о котором сожалеем.

Грамматика: досадный, ая, ое, ые – прилагательное от существительного *досада*.

Контекст: Извините, пожалуйста. Я не хотел вас обидеть. Это просто досадная ошибка.

Зарекомендовать себя

Здесь: зарекомендовать себя с положительной стороны = считаться хорошим человеком, хорошим сотрудником, хорошим специалистом.

Грамматика: Кто зарекомендовал себя *как* (хорошо / плохо / с положительной стороны / как хороший специалист).

Контекст: Он новый сотрудник в нашей фирме, но уже зарекомендовал себя как компетентный специалист.

Налаживать/наладить

Здесь: налаживать/наладить отношения = делать/сделать отношения хорошими.

Грамматика: налаживать/наладить *что* (Асс).

Контекст: как наладить отношения в новом коллективе?

Начальство

Синонимы: начальники, руководители.

Грамматика: начальство – собирательное существительное, только ед. число.

Контекст: Критиковать начальство опасно для карьеры.

Попадать/попасть

Здесь: становиться/стать членом чего-либо.

Грамматика: попадать/попасть *во что* (Асс).

Контекст: все мы хоть раз попадали в новый коллектив.

Порой

Синоним: иногда.

Грамматика: порой – наречие.

Контекст: все мы знаем, как порой тяжело влиться в новый коллектив.

Сложившийся

Здесь: сложившийся коллектив – коллектив, в котором люди давно и хорошо знают и понимают друг друга.

Грамматика: сложившийся, ая, ое, ие – причастие от глагола *сложиться*.

Контекст: все мы знаем, как порой тяжело влиться в сложившуюся компанию сотрудников.

Сотрудник

Синонимы: член трудового коллектива, человек, который работает в какой-либо компании, организации.

Грамматика: сотрудник/сотрудники, сотрудников.

Контекст: все мы знаем, как порой тяжело влиться в сложившуюся компанию сотрудников.

Чужеродный

Синонимы: чужой, неродной.

Грамматика: чужеродный, ая, ое, ые.

Контекст: трудно работать в чужеродном коллективе.

Инструкции к заданиям

Инструкции к заданиям даются на русском и английском языках. Стоит вначале объяснить цель задания, чтобы повысить мотивацию к выполнению его. Инструкции к заданиям могут быть развернутыми. Возможно включение примеров, грамматического комментария. Важно дать информацию, которая облегчит понимание и выполнение задания.

Ниже представлены инструкции к некоторым заданиям урока «Отношения в трудовом коллективе».

Инструкция к заданию 2

Это упражнение помогает различать и запоминать ударение в словах. Если вы выполнили задание с ошибками, стоит вернуться к началу и попробовать выполнить ещё раз. Попытки можно повторять многократно, до тех пор пока вы не запомните ритмические модели слов.

The Task Guide

This exercise helps to distinguish and memorize the word stresses. If you made mistakes it's better to start the task from the beginning once again. You can repeat as many times as necessary until you remember all the words' rhythmic models.

Инструкция к заданию 3

Это упражнение помогает сформировать навыки настоящей русской разговорной речи.

В задании 10 блоков. В каждом блоке звучит фрагмент видеоподкаста, в котором может быть одна или несколько фраз.

Фразы, которые нужно слушать и повторять, соответствуют разным интонационным моделям. Интонация может меняться в одной фразе несколько раз. Обратите на это внимание!

Очень важно, чтобы темп вашей речи был быстрым. Именно так говорят русские.

The Task Guide

This exercise helps to form the skill of real spoken Russian.

There are 16 blocks in the task. In each block you will listen to a part of the Interview, which consists of one or several phrases.

There is a separate intonation model for each phrase that you will listen to and repeat. The intonation can change within one phrase several times. Pay attention to this!

It's very important to speak at a quick rate. This is the way the Russians speak.

Инструкция к заданию 5

Это упражнение помогает увеличить ваш лексический запас, развивает вашу языковую догадку, а значит, вам будет легче понимать текст, когда вы его читаете или слушаете.

Что такое корень слова?

Русское слово обычно состоит из нескольких частей. Корень слова – это главная часть слова.

Корень слова передаёт основное значение слова.

Например: **школьник** – корень **школ**,

учитель – корень **уч**,

приходить, уходить, входить – корень **ход**.

Что такое однокоренные слова?

Слова с одинаковым корнем называются однокоренными.

Например: в слове **школьник** корень **школ**, как в слове **школа**.

Слова **школьник** и **школа** – однокоренные. **Школьник** – это тот, кто ходит в **школу**.

Слова **учитель, ученик, учёба, учить, учиться** – однокоренные. Корень – **уч**.

Слова **уходить, приходить, входить, выходить, подходить, ходить, ходьба** – однокоренные.

Корень – **ход**.

Почему важно видеть однокоренные слова?

Когда вы читаете или слушаете текст на русском языке, вам встречаются новые слова. Не спешите смотреть словарь. Найдите корень незнакомого слова. Если вы знаете значение корня слова, то сможете догадаться о том, что значит это слово и однокоренные слова.

Обратите внимание!

У одного слова может быть несколько однокоренных слов. Постарайтесь найти все.

The Task Guide

This exercise helps to enlarge your vocabulary, develops your ability for contextual guess. This means that it will be easier for you to understand text when reading or listening.

What is a word root?

A Russian word usually consists of several parts. The word root is the main part. The root contains the central meaning of the word.

*Example: **школьник** – root **школ**,*

***учитель** – root **уч**,*

***приходить, уходить, входить** – root **ход**.*

What are cognate words?

The words with the same root are called cognate.

*Example: the root of the word **школьник** is **школ**, the same for **школа**.*

*The words **школьник** and **школа** are cognate. **Школьник** is the person who goes to school (**школа**).*

*The words **учитель, ученик, учёба, учить, учиться** are cognate. The root is **уч**.*

*The words **уходить, приходить, входить, выходить, подходить, ходить, ходьба** are cognate.*

*The root is **ход**.*

Why it is important to recognize cognate words?

You find new words when you read or listen to a text in Russian. Don't hurry and don't search the unknown word in the dictionary. Find the word's root. If you know the meaning of the root you may guess the meaning of this word and as well as cognate words.

Pay attention!

One word can have several cognate words. Try to find all of them.

Инструкция к заданию 10

Цель этого задания – повторение вида глагола.

Ваша задача – выбрать глагол совершенного (СВ) или несовершенного вида (НСВ) и написать его в правильной грамматической форме.

При выборе вида вам может быть полезна информация об основных значениях НСВ и СВ, данная в таблице.

НСВ	СВ
Процесс Дом строили 3 года.	Результат Дом построили за 3 года.
Повторяемость Мы вставали рано каждый день.	Единичность Мы встали рано сегодня.
Одновременность Мы шли и разговаривали. Родители вернулись, когда дети спали.	Последовательность Он вошёл и поздоровался. Родители ушли, когда дети заснули.
Общефактическое значение Ты завтракал сегодня? Вы читали Льва Толстого?	Конкретно-фактическое значение Ты позавтракал? Тогда вымой посуду за собой. Ты прочитал рассказ, который нам задали?

Обратите внимание!

Там, где возможны варианты при выборе форм времени, указано, что выбранный глагол нужно употребить в форме прошедшего времени.

The Task Guide

The goal of the task is to revise the verb aspect.

You should choose either a perfective aspect (СВ) or an imperfective aspect (НСВ) of the verb and write it in a correct grammatical form.

The information about the basic meanings of verb aspects will help you to choose the right variant.

НСВ	СВ
Process Дом строили 3 года.	Result Дом построили за 3 года.
Repeated action Мы вставали рано каждый день.	Single action Мы встали рано сегодня.
Simultaneity Мы шли и разговаривали. Родители вернулись, когда дети спали.	Sequence Он вошёл и поздоровался. Родители ушли, когда дети заснули.
Indication of a fact in general Ты завтракал сегодня? Вы читали Льва Толстого?	Indication of a specific fact Ты позавтракал? Тогда вымой посуду за собой. Ты прочитал рассказ, который нам задали?

Pay attention!

When it is possible to use different tenses you should use the past tense as indicated.

Инструкция к заданию 13

Цель этого задания – развитие речи.

Это упражнение учит понимать смысл целого предложения и передавать один и тот же смысл разными способами.

Обратите внимание!

Синонимичным может быть не один, а два и больше вариантов.

The Task Guide

The goal of the task is development of speaking skills.

This exercise teaches to understand the meaning of a complete sentence and express the meaning in different ways.

Pay attention!

There can be more than one synonymous variants.

Система стандартизованных заданий

Главное требование к стандартизованным заданиям – возможность выполнять и проверять выполнение самостоятельно, не прибегая к помощи преподавателя. Данная часть онлайн-курса является своего рода самоучителем. Возможны задания имитативные, задания закрытой формы (тесты множественного выбора), задания открытой формы (восстановление формы, текста), задания на установление соответствия, задания на установление правильной последовательности. Таким образом, в онлайн-курсе находят отражение все формы заданий, представленные в системе государственного тестирования по РКИ [4]. Время выполнения заданий не ограничивается. Количество попыток ответа на один вопрос может быть ограничено (по желанию разработчика курса), но количество обращений к каждому заданию не ограничено.

Представим некоторые стандартизованные задания урока «Отношения в трудовом коллективе». Инструкции к этим заданиям даны выше.

Задание 2. Слушайте слова. Отметьте букву, на которую падает ударение.

Образец: воспитание – воспитание

Творец, творческий, чиновник, правительство, депутат, депутатский, натолкнуться, обаятельно, скулы, расслабить, челюсть, флиртовать, флиртуете, айкидо, обзывать, морщины, эго, натиск, сканировать, шикарно.

Задание 3 (фрагмент). Слушайте и повторяйте предложения. Следите за интонацией. Сохраняйте темп.

1.

Я бы хотела задать вам вопрос.

Я бы хотела задать вам скорее не вопрос.

Я бы хотела задать вам скорее не вопрос, а попросить совета.

2.

Может, мне придётся вливаться в новый коллектив.

Может так случиться, что мне придётся вливаться в новый коллектив.

Может так случиться, что мне придётся вливаться в новый трудовой коллектив.

3.

Как сделать так, чтобы коллегам было комфортно со мной?

Как сделать так, чтобы коллегам и начальству было комфортно со мной?

Как сделать так, чтобы коллегам и начальству было комфортно со мной, а мне с ними?

4.

Меня кидала жизнь.

А меня кидала жизнь, например, я была очень долго депутатом.

А меня кидала жизнь таким образом, что, например, я была очень долго депутатом.

А меня кидала жизнь таким образом, что, например, я была очень долго депутатом – это одна история.

Задание 5. Найдите однокоренные слова.

Творец	депутат	шум	здравие	чужой
Пиар	чужерод- ный	пиарить	натолк- нуться	называть
Началь- ство	высказы- ваться	начальник	творческий	здравствуй- те
Здоровье	творить	толкать	шумный	рассказ
Шуметь	сказать	депутат- ский	обзывать	пиарщик

Задание 10. Раскройте скобки (выберите глагол).

1. Я бы хотела (задавать/задать) вам, скорее, не вопрос, а попросить совета.

2. Жизнь (кидала/кинула) меня в разные стороны: я была депутатом, преподавателем, министром.

3. Если вы депутат, вы всё время (высказываетесь/выскажетесь), вы спорите, вы дискутируете.

4. Я очень долго была депутатом, а потом меня (приглашали/пригласили) работать в правительстве, и мне пришлось приспособливаться к закрытому миру чиновников.

5. После работы в правительстве я (извлекала/извлекла) очень много уроков. Главный урок – «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

6. Не надо (улыбаться/улыбнуться) по-американски – мы этого не умеем.

7. Не (позволяйте/позвольте) переходить с вами на «ты». У вас должны быть только деловые отношения с коллегами.

8. Он говорит: «Ну, вы что, идиотка? Что вы мне сегодня (писали/написали)?».

9. «Иван Петрович, ну что вы так разволновались? Я каждый день эту фигню (пишу/напишу)».

10. Все мы хоть раз (попадали/попали) в новый коллектив.

Задание 13 (фрагмент). Отметьте слова и выражения, синонимичные выделенным словам и выражениям.

1. Пожалуйста, подумайте. **Не говорите сразу «нет».**

Не отвечайте отказом

Не молчите

Не отвечайте сразу

2. Лесть и лизоблюдство **отталкивают людей.**

пугают людей

производят плохое впечатление на людей

неприятны людям

3. Не стоит **переходить с этим человеком на «ты».**

устанавливать неформальные отношения

дружить с этим человеком

шутить с этим человеком

4. Все мы хоть раз **попадали в новый коллектив.**

меняли работу

руководили новым коллективом

становились членом нового коллектива

5. **Порой** трудно влиться в новый коллектив.

иногда

обычно

всегда

Система творческих заданий

Творческие задания направлены на развитие умений говорения и письменной речи. Учащиеся самостоятельно выполняют задания по рекомендации преподавателя или по желанию. Не обязательно выполнение всех заданий, но желательно, чтобы студенты не ограничивались только устной или только письменной формой общения, только монологической или только диалогической формами речи. Важно комплексное развитие всех видов речевой деятельности. В условиях онлайн-обучения возможна индивидуальная работа учащегося с преподавателем или работа в парах, в группе. Тогда онлайн-обучение принимает форму дистанционного обучения, при котором результаты работы студента оценивает преподаватель.

Приведем примеры некоторых творческих заданий к уроку «Отношения в трудовом коллективе».

1. *Напишите/расскажите о своём опыте работы в новом коллективе* (монологическая речь).

2. *Ответьте на вопросы о своих отношениях с коллегами* (устно/письменно).

3. *У вашего друга не складываются отношения в новом коллективе. Дайте несколько советов* (диалогическая речь).

4. *У вас не складываются отношения в новом коллективе. Обратитесь за помощью к психологу* (диалогическая речь).

Объем монологического высказывания (устного или письменного) задает преподаватель, однако стоит ориентироваться на требования, заложенные в субтестах «Говорение» и «Письмо» теста Первого

сертификационного уровня: не менее 20 фраз в устном монологическом высказывании, не менее 20 предложений в письменном монологическом высказывании. Владение диалогической речью также должно соответствовать требованиям, предъявляемым системой государственного тестирования ТРКИ и Образовательной программой по русскому языку как иностранному [5].

На платформе Moodle НГЛУ им. Н.А. Добролюбова с 2018 года разрабатывается и успешно реализуется курс «Русский язык как иностранный» [6]. Создание этого курса относится к одному из направлений проектной деятельности магистрантов, осваивающих программу «Технологии обучения русскому языку как иностранному». Курс «живой», постоянно пополняемый, доступ к нему свободный, предоставление логина и пароля осуществляется по запросу. Содержание курса модульное – включены все темы, рекомендованные Образовательной программой по русскому языку как иностранному [5]. Каждый модуль содержит минимум три темы. В теме может быть один или несколько уроков. Лексика и грамматика этих уроков и тем пересекается, многократно повторяется и, таким образом, усваивается. При создании уроков данного онлайн-курса в значительной мере используются принципы обучения, изложенные в настоящей статье.

В заключение отметим еще одно несомненное преимущество онлайн-обучения – возможность постоянной коррекции электронных учебных материалов, пополнения, обновления и обеспечение, в силу этого, актуальности контента и повышения мотивации учащихся.

Библиографический список

1. Как наладить отношения в трудовом коллективе // RB7-РАБОТА [Электронный ресурс] URL: <https://rb7.ru/job/magazine/5884> (дата обращения - 08.08.2020).
2. Хакамада И. Как общаться на работе с коллегами и начальством. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nUKqO_LF3GU (дата обращения - 08.08.2020).
3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрушина и др. (электронное издание). СПб.: Златоуст, 2015. 200 с. [Электронный ресурс] URL: https://rfl.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15595/lexicheskiy_minimum_3.pdf (дата обращения – 08.08.2020).
4. Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). М.: Русский язык. Курсы, 2006. 240 с.
5. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М., 2001. [Электронный ресурс] URL: <https://portal.tpu.ru/SHARED/k/KLN/Studywork/studywork/pr.pdf> (дата обращения – 08.08.2020).
6. Онлайн-курс «Русский язык как иностранный» на платформе Moodle НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. URL: <https://tests-ozo.lunn.ru/course/view.php?id=599#section-9>

References

1. How to improve relationships in the work community // RB7- RABOTA [electronic resource] URL: <https://rb7.ru/job/magazine/5884> (date of application - 08.08.2020).
2. Hakamada I. How to communicate with colleagues and bosses at work. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nUKqO_LF3GU (date of reference - 08.08.2020).
3. Lexical minimum in Russian as a foreign language. First certification level. Common language proficiency. St.-Petersburg, 2015. 200 p. [electronic resource] URL: https://rfl.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15595/lexicheskiy_minimum_3.pdf (date of application - 08.08.2020).
4. Balykhina T.M. Basis of test theory and testing practice (in the aspect of Russian as a foreign language). Moscow, 2006. 240 p.
5. Educational program on Russian as a foreign language. Elementary level. Basic level. First certification level. Moscow, 2001. [electronic resource] URL: <https://portal.tpu.ru/SHARED/k/KLN/Studywork/studywork/pr.pdf> (date of reference - 08.08.2020).
6. Online course “Russian as a foreign language” on the platform Moodle of Linguistics University of Nizhny Novgorod. URL: <https://tests-ozo.lunn.ru/course/view.php?id=599#section-9>

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.511:142

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.77.32.010

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

Югорский государственный университет

доктор филологических наук

заместитель директора по научной работе

профессор кафедры русского языка и литературы

Косинцева Е.В.

Россия, г. Ханты-Мансийск, мел. +7(3467)335435

e-mail: Kosintseva_elen@mail.ru

Ob-Ugric Institute of applied research and development

Yugra state University

doctor of philological Sciences

Deputy Director on scientific work

Professor of the Department of Russian Language and Literature

Kosintseva E. V.

Russian Federation, Khanty-Mansiysk, tel. +7(3467)335435

e-mail: Kosintseva_elen@mail.ru

Е.В. Косинцева

ЖАНР ПОСЛАНИЯ В ЛИРИКЕ М.И. НОВЬЮХОВА

В истории хантыйской литературы к жанру послания обратился только Матвей Иванович Новьюхов. В данной статье анализу подвергаются послания, вошедшие в книгу М.И. Новьюхова «С надеждой на счастье» (2012). Хантыйским поэтом представлены дружеские, любовные послания и послания-письма родным. Диалогическая природа жанра сильнее всего проявилась в дружеских и любовных посланиях хантыйского стихотворца. Диалог с мансийским поэтом Юваном Шесталовым позволил автору размышлять о месте и роли поэта в обществе. М.И. Новьюхов подчеркивает высокое предназначение поэта в жизни общества, не случайно в одном из посланий к основоположнику мансийской литературы он ставит рядом два понятия «поэт» и «гражданин». Частная жизнь и биографические реалии ярче представлены в любовных посланиях и посланиях-письмах к родным. Послания к членам семьи (брату, дочери) носят характер личной беседы. Образцы любовного послания содержат трогательные признания, адресованные возлюбленной.

Ключевые слова: жанр послания, хантыйская поэзия, творчество М.И. Новьюхова, дружеское послание.

E. V. Kosintseva

GENRE OF THE EPISTLE IN THE LYRICS BY M. I. NOVJUKHOV

In the history of Khanty literature, only Matvey Ivanovich Novluchov addressed to the genre of the epistle. The article analyzes the epistles included in the book of M. I. Novjuchov "With Hope For Happiness" (2012). The Khanty poet presents the friendly, love epistles and letters to relatives. The dialogic nature of the genre was most strongly manifested in the friendly and love epistles. The dialogue with the Mansi poet Yuvan Shestalov allowed the author to reflect on the place and role of a poet in society. Novjuchov emphasizes the high purpose of a poet in the life of society. It is no coincidence that in one of the epistles to the founder of Mansi literature, he puts the two concepts of "poet" and "citizen" side by side. Private life and biographical realities are more vividly represented in love epistles and letters to relatives. The epistles to family members (brother, daughter) are in the nature of a personal conversation. Samples of love epistles contain heartwarming declarations of love addressed to his beloved.

Keywords: genre of the epistle, Khanty poetry, creativity of M. I. Novjuchov, friendly epistle.

Хантыйская литература, приближающаяся к первому вековому юбилею (история ее начинается с 30-х годов XX века), сформировала свои жанровые предпочтения, как в эпосе, так и в лирике (жанры драмы в хантыйской литературе не получили развития). Вместе с тем отметим, что жанровая си-

стема хантыйской литературы не попадала в фокус внимания литературоведов. В данной работе мы остановимся только на одном жанре лирики – послании. Анализ корпуса хантыйских художественных текстов позволил выявить, что к жанру послания обратился в своем творчестве только Матвей Иванович Новьюхов (1928–1992).

Материалом исследования в данной работе послужили произведения М.И. Новьюхова, вошедшие в книгу «С надеждой на счастье» (2012), в ходе осмысления которых опирались на историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к литературоведческому анализу художественного текста.

Среди творческого наследия хантыйского поэта выделяются произведения, созданные в жанре послания, хотя их не наберется и десятка. Словарь литературоведческих терминов разъясняет, что послание «<...> поэтический жанр: стихотворное письмо, произведение, написанное в форме обращения к кому-либо, содержащее призывы, просьбы, пожелания и т.п. <...> Различают лирические, дружеские, сатирические, публицистические и т.д. послания» [1]. Литературная энциклопедия указывает, что послание – это «Стихотворное письмо или обращение философско-теоретического, дидактико-публицистического, любовного или дружеского характера <...>» [2]. Как видим, для жанра характерно стремление вступить в диалог с адресатом. Жанр послания слабо канонизирован, позволяет вести беседу на равных, узнать мнение единомышленника. Общие закономерности жанра послания и его специфические черты активно изучались учеными, которые рассматривали его в творчестве отдельных авторов [3, 4], в литературе того или иного временного периода [5, 6, 7, 8], раскрывали тематику посланий [9, 10] и т.д.

Среди произведений М.И. Новьюхова есть поэтические послания мансийскому поэту Ювану Шесталову, другу, родным (брату, дочери, жене). В общем корпусе поэтического наследия хантыйского поэта выделяются два послания Ю.Шесталову. Первое, «Поэту Ю.Шесталову», вошедшее в цикл «Привет тебе, мой край лесной...», – это приветствие-приглашение к диалогу земляка и собрата по писательскому цеху. Не случайно эпиграфом взяты слова «Прими земляк, прими поэт / чистосердечный мой привет!» [11; с. 14]. В произведении указывается и причина, которая способствовала рождению поэтического послания – это выход нового сборника стихотворений мансийского поэта и оценка его в статьях Чудновой (вероятно, автор поэтических строк имеет в виду статью Л.Чудновой «Взволнованный голос», опубликованную в одиннадцатом номере «Урала» за 1962 год). Здесь же создается образ поэта, звучат приветствия в его адрес и пожелания дальнейших успехов на творческой стезе. Послание состоит из двух строф: первая – 24 стиха, вторая – катрен. Поэт использует все виды рифмовки (парную, перекрестную, кольцевую), чередование мужской и женской рифмы, четырехстопный ямб с пиррихием.

В послании М.И. Новьюхов подчеркивает высокое предназначение поэта в жизни общества, не случайно в обращении он ставит рядом два понятия «поэт» и «гражданин». Усиливая гражданско-патриотические мотивы в произведении, М.И. Новьюхов в поэтических строках о поэтах цитирует первый стих известного произведения молодого А.Н. Плещеева «Вперед! Без страха и сомненья...», называемого еще «Гимном петрашевцев»:

Но для отважных путь один –
«Вперед, без страха и сомненья...».
Прими, поэт и гражданин,
с началом добрым поздравленье.
Пусть крепнет звонкий голос твой,
неповторимый, молодой!
Пусть не остынет жар таланта
в твоей душе сто с лишним лет! [11; с. 14]

В произведении поэт напоминает о себе, сообщая некоторые биографические факты и устанавливая родство по языковой и этнической принадлежности: «Теперь скажи, ты помнишь ханта – / меня, я близкий твой сосед... / Зовут меня Матвей Новьюхов. / Я из Тутлейма. <...>» [11; с. 14]. Этим напоминаем и приглашением к диалогу («Я напишу, пожалуй, лучше, / Когда увижу твой ответ») завершается первое послание к Ю.Шесталову.

Второе послание мансийскому поэту вошло в цикл «Пока еще тропинкой узкой никем не ведомый иду...» под названием «Поэту Ю. Шесталову». Произведение, состоящее из четырех катренов, имеет кольцевую композицию, перекрестную рифмовку, чередование мужской и женской рифмы.

Ритмическую организацию текста поддерживает трехстопный анапест. Повторяющиеся два стиха в первой и четвертой строфе определяют стремление автора послания к творческому диалогу с другом, как именует он мансийского поэта: «Неужели, мой друг, неужели / в нашем крае тебя не найду?!» [11; с. 38]. Отметим, что это обращение повторяется в трех строфах из четырех, свидетельствуя о страстном желании лично встретиться в основоположником мансийской литературы. Здесь же хантыйский стихотворец создает образ Ю.Шесталова, сравнив его с великаном, говоря о величии и силе стиха мансийского поэта, определяя в целом роль поэта в жизни общества:

Злу назло ты поэзии пламя
по холодной Оби разжигай.
Гордой песней, как Родины знамя,
Окрыли притаежный наш край.

Будь в поэзии, друг, великаном,
сердцем в сердце народа войди.
Пусть народу зарею румяной
твоя песня горит впереди <...>. [11; с. 38]

Как видим, оба послания мансийскому поэту тематически принадлежат к дружеским посланиям. В эту группу входит еще одно стихотворение М.И. Новьихова – «Другу». Дважды повторяющееся пожелание другу не сетовать на то, что «в жизни много / волнений было и тревог» в первой и четвертой строфе позволяет автору показать трудный путь поэта. Здесь же явно просматриваются отсылки к фактам личной биографии М.И. Новьихова. Последние два катрена определяют движущую силу поэтического мастерства, путь поэта, который выбирает свою стезю и сохраняет верность выбранной дороге: «Идя вперед, за счастье споря, / Мы были к трудностям глухи. / Все наши радости. всё горе / мы переплавили в стихи. / Пусть нелегка была дорога. / Ты б жить иначе и не смог. / ...Спасибо, жизнь, что было много / Костров, метелей и тревог!» [11; с. 79].

Есть в мастерской хантыгского поэта и любовное послание «Смешно, пожалуй, в возрасте моем...». Поэт признается, что адресат послания позволил увидеть мир совсем иным, «пленительным и сказочно прекрасным», что именно ему он обязан «сердечною строфою». Такие трогательные признания адресованы жене, об этом четко сказано во втором стихе произведения: «Смешно, пожалуй, в возрасте моем / писать жене любовное посланье» [11; с. 127]. Жена стала музой поэта, в которой черпает вдохновение влюбленный стихотворец, поэтому и жену он именует «моя хорошая», «мой добрый человек», ее лаской образ видится «среди голубых долин, лесов и рек», а «сердце полнится пожаром нежно-алым». Это не единственный образец любовного послания в творчестве М.И. Новьихова,

К любовным посланиям относится и еще одно произведение поэта «Лети письмо приветное...». Три октавы с чередованием дактилической и мужской рифмы, написанные четырехстопным ямбом с пиррихием, последовательно знакомят с адресатом, с которым будет установлен эпистолярный диалог. Поэт открыто в первом же стихе произведения обозначает жанр, к которому он обращается – письмо. Следуя традиции написания писем, автор в первой октаве словно указывает адрес: «Лети, письмо приветное, / на улицу заветную, / в станицу прикубанскую, где милая живет» [11; с. 114]. Последующие две строфы раскрывают содержание послания. Поэт дает характеристику возлюбленной: «простая и хорошая, / с заманчивыми косами», светлыми очами, хранит девичье слово в разлуке с милым. Поэтическое послание обозначает сомнения и волнения влюбленного, находящегося в разлуке, отсюда и печаль в отсутствии ответа, и тревожность мыслей, и вопросы:

Спроси, не разлюбила ли
она в разлуке милого
и слово свое девичье
все так ли бережет?
И если все по-прежнему,
то расцелует нежная
тебя, письмо приветное <...> [11; с. 114].

Два произведения М.И. Новьихова составляют всю коллекцию любовных посланий в хантыгской поэзии. Незрелость жанра любовного послания в хантыгской лирике можно объяснить, во-первых, особенностями хантыгского языка, в котором нет глагола с семантикой «любить». Как пра-

вило, это состояние описывается другими пограничными переживаниями. Во-вторых, в традициях этноса нет практики открыто выражать свои чувства, поэтому и образ возлюбленной скуп в любовной лирике, как и сама любовная лирика недостаточно развита.

Также отметим, что среди произведений М.И. Новьихова есть два послания, адресованных брату Петру («Занесло мои окна пургой...», «Сегодня день в знаменах алых...»), и одно послание к дочери («Из далекой тайги приуральской...»). В них мы видим нового автора, который раскрывается в кругу близких, теплые семейные отношения, царящие между родными людьми. Поэтому в них закономерны поздравления с днем рождения, с праздниками, теплые слова, крепкие объятия, светлые пожелания. При этом отметим, что в послании, адресованном дочери, поэт упоминает письмо, как базовую форму своего послания и это второе произведение в его копилке поэтических посланий, которое имеет четко обозначенную эпистолярную основу (также как в произведении «Лети письмо приветное...»). Это послание небольшое по объему (три катрена) написано чередованием женской и мужской рифмы в первых двух катренах и только мужской рифмой в третьем катрене, перекрестной рифмовкой, трехстопным анапестом. И только этот текст сопровождает словесное изображение картинки с персонажами из детских произведений: «<...> шлю, дочурка, тебе первомайский / Я привет на страницах письма. / Посылаю тебе на картинке / Буратино с медведем лесным. / Деревянный мальчишка – в ботинках, / а медведю не страшно босым. / Они в праздничном радостном сне / тихим шагом к тебе подойдут» [11; 23-24]. Как видим, хантыйский поэт обновляет жанровую форму послания, создавая «письма родным» как новый жанровый формат в художественной словесности ханты, в котором показана частная жизнь, отражены биографические реалии автора.

Таким образом, делаем вывод, что в поэтическом наследии М.И. Новьихова представлены дружеские, любовные послания и послания-письма родным. Диалогическая природа жанра сильнее всего проявилась в дружеских посланиях поэта. Приглашение к диалогу мансийского поэта Ювана Шесталова позволило автору размышлять о месте и роли поэта в обществе, надеяться на скорую личную встречу. Частная жизнь и биографические реалии ярче представлены в любовном послании и посланиях к родным. Послания к членам семьи носят характер личной беседы, содержат те компоненты обыденного общения, который приняты между родными людьми. Образцы любовного послания, столь редкого жанра в хантыйской литературе, содержат трогательные признания, адресованные возлюбленной.

Библиографический список

1. Словарь литературоведческих терминов. URL: [https://literary_criticism.academic.ru/271/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_\(дата_обращения:_20.10.2020\)](https://literary_criticism.academic.ru/271/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(дата_обращения:_20.10.2020))
2. Литературная энциклопедия. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3769/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_\(дата_обращения:_20.10.2020\)](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3769/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(дата_обращения:_20.10.2020))
3. Протасова Н.В. Жанр послания в творчестве Валерия Брюсова: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000. 224 с.
4. Петрова М.А. Жанр послания в творчестве С. Есенина ученического периода // Современное Есениноведение. 2012. № 21. С. 49-55.
5. Кузнецов П.В. Жанр послания в русской лирике 1800-х - 1810-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 180 с.
6. Пастушенко Л.М. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2(20). С. 78-86.
7. Артёмова С.Ю. Лирическое послание в литературе XX века (Поэтика жанра): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 175 с.
8. Богданович Е.В. Дружеское послание и элегия в 1810-1820-х годах: к вопросу о взаимовлиянии жанров // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). Филология. Искусствоведение. Вып. 56. С. 38-40.
9. Нилова А.Ю. Топика поэтических посланий и война 1812 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4(2). С. 115-118.
10. Gemma Argüello Manresa, Vlad Petre Glăveanu. Poetry in and for Society: Poetic Messages, Creativity, and Social Change // Poetry And Imagined Worlds: Palgrave Macmillan, Cham. 2017. Pp. 43-62.
11. Новьихов М.И. С надеждой на счастье. Лирика. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 192 с.

References

1. Dictionary of literary terms. URL: https://literary_criticism.academic.ru/271/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (accessed: 20.10. 2020)
2. Literary Encyclopedia. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3769/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (accessed: 20.10. 2020)
3. Protasova N. V. The genre of the message in the work of Valery Bryusov: dis. ... candidate of philology. Stavropol, 2000. 224 p.
4. Petrova M. A. The genre of the message in the work of S. Esenina of the student period // Modern Esenovedenie. 2012. No. 21. pp. 49-55.
5. Kuznetsov P. V. Genre of the message in the Russian lyrics of the 1800s-1810s: dis. ... candidate of Philological Sciences, Moscow, 2001, 180 p.
6. Pastushenko L. M. The formation of the genre of friendly messages in Russian poetry of the late XVIII century (M. N. Muravyov, N. M. Karamzin) // Herald of KRAUNZ. Humanities. 2012. No. 2 (20). pp. 78-86.
7. Artemova S. Yu. Lyric message in the literature of the XX century (Poetics of the genre): dis. ... kand. philol. nauk. Tver, 2004. 175 p.
8. Bogdanovich E. V. Druzhdanskoe poslenie i elegiya v 1810-1820-x gody: k voprosu o vzaimovliyanii zhanrov [Friendly message and elegy in the 1810-1820-ies: on the question of the mutual influence of genres]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 20 (235). Philology. Art history. Issue 56. pp. 38-40.
9. Nilova A. Yu. Topic of poetic messages and the war of 1812 // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2013. No. 4(2). pp. 115-118.
10. Gemma Argüello Manresa, Vlad Petre Glăveanu. Poetry in and for Society: Poetic Messages, Creativity, and Social Change // Poetry And Imagined Worlds: Palgrave Macmillan, Cham. 2017. Pp. 43-62.
11. Novyukhov M. I. With hope for happiness. Lyrics. Shadrinsk: Shadrinsky House of Press, 2012. 192 p.

УДК 820: 821.161: 821.51: 82-1/-9
DOI 10.36622/AQMPJ.2021.80.98.011

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
старший преподаватель
Шамсутдинова Р.Г.
Россия, г. Казань, тел. +7 (903) 313-13-31
e-mail: gerina37@mail.ru

Kazan institute (branch) of the all-russian state university of justice (RPA of the ministry of justice of Russia)
senior lecturer
Shamsutdinova R.G.
Russia, Kazan. tel. +7 (903) 313-13-31
e-mail: gerina37@mail.ru

Р.Г. Шамсутдинова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ К. БАЛЬМОНТА «Я В ЭТОТ МИР ПРИШЕЛ...» И С. РАМИЕВА «МИН» («Я»)

В литературоведении устанавливаются структурно-семантические соответствия между автором и читателем как элементами эстетической реальности. Произведение, созданное автором и воспринимающийся им как один текст, в сознании читателя трансформируется, соотносится со своей системой ценностей и знаний, читатель может привносить свои мысли, идеи в произведение. В результате перед нами появляется другой текст, отличный от исходного. При каждом новом прочтении будет возникать новая редакция текста. В связи с этим важным становится вопрос об определении субъективных и объективных факторов процесса рецепции. Поставленные задачи определили необходимость обращения к сопоставительному анализу стихотворений русского и татарского поэтов, в ходе которого рассматриваются закономерности функционирования рождающихся в межлитературных диалогах новых смыслов.

Ключевые слова: татарская поэзия, русская поэзия, читатель-билингв, понимание, сопоставление, восприятие, «родное», «чужое», интерпретация.

R.G. Shamsutdinova

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POEMS OF K. BALMONT “I CAME TO THIS WORLD ...” AND S. RAMIEV “MIN” (“I”)

In literary criticism, structural-semantic correspondences are established between the author and the reader as elements of aesthetic reality. A work created by the author and perceived by him as one text is transformed in the reader's mind, correlated with his system of values and knowledge, the reader can bring his thoughts, ideas into the work. As a result, another text appears before us, different from the original one. With each new reading, a new edition of the text will appear. In this regard, the issue of determining the subjective and objective factors of the reception process becomes important. The tasks set out determined the need for a comparative analysis of the poems of Russian and Tatar poets, during which the patterns of functioning of new meanings that are born in inter-literary dialogues are examined.

Key words: Tatar poetry, Russian poetry, bilingual reader, understanding, juxtaposition, perception, “native”, “alien”, interpretation.

В наше время актуальным является изучение особенностей восприятия читателем-билингвом художественных текстов, написанных на не родном для него языке. На пути к пониманию смысла текста немало препятствия, в первую очередь – это языковой барьер. Только при высоком уровне владения неродным языком читатели-билингвы могут понять инокультурное пространство, выявлять ценностные и смысловые ориентиры, заложенные автором. Возможны разные формы понимания: повседневно-практическая, философско-теоретическая, диалогическая, религиозно-мистическая, мифо-символическая и др. В деятельности читателя-билингва актуализируется диалогическая форма понимания. Результатом «включения текста в чужеродное смысловое окружение, т.е. в контекст, ко-

торый устанавливается самим интерпретатором», является субъективное прочтение литературного памятника [1; 186].

Но именно в процессе восприятия читателем-билингвом произведений, принадлежащих разным национальным литературам формируется онтологический статус межлитературного диалога. «Художественное восприятие - это взаимоотношение произведения искусства и реципиента, которое зависит от субъективных особенностей последнего и объективных качеств художественного текста, от художественной традиции, а также от общественного мнения и языково-семиотической условности, равно исповедуемой автором и воспринимающим субъектом. Все эти факторы исторически обусловлены эпохой, средой, воспитанием. Субъективные аспекты восприятия определяются индивидуальными особенностями, присущими данному человеку: дарованием, фантазией, памятью, личным опытом, запасом жизненных и художественных впечатлений, культурной подготовкой ума и чувств. Подготовленность реципиента к художественному восприятию зависит и от того, что он пережил лично и что узнал из книг или почерпнул из других областей искусства» [2; 32].

Для характеристики интерпретационной деятельности читателя-билингва значим экзистенциально-онтологический аспект трактовки категории понимания. «Хайдеггер описывает круг так, что предвосхищающее движение предпонимания постоянно определяет понимание текста. Круг целого и части находит в законченном понимании не свое разрешение, но, напротив, свое подлиннейшее осуществление, воплощение» [3: 348]. С этой точки зрения герменевтический круг – это взаимодействие традиции и истолкования. Антиципация смысла определяется при этом из связи с преданием. Круг описывает онтологический структурный момент понимания.

По Г.-Г.Гадамеру, понимание выступает как универсальный способ существования действующего человека, как его непосредственный (жизненные проявления, экзистенция), так и опосредствованный (история, культура) опыт. Таким образом, пониманию придается онтологическое значение. «Само понимание следует мыслить скорее не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего [4; 345].

Для изучения интерпретационной деятельности читателя-билингва были использованы экспериментальные методы исследования. В эксперименте участвовали студенты 1 курса отделения переводоведения и межкультурной коммуникации, обучающиеся по направлению подготовки 032700 – Филология, профилю «Отечественная филология: русский язык и литература; татарский язык и литература», студенты 1 курса отделения татарской филологии, обучающиеся по направлению подготовки 032700 – Филология, профилю «Отечественная филология: татарский язык и литература» и студенты 5 курса специализаций «Русский язык и литература»; «Русский язык и литература в межнациональном общении». Респондентам были предложены для сопоставления стихотворения К.Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...» и С.Рашиева «Мин» («Я»). Обоснование отбора материала обусловлено наличием типологических аналогий между творчеством русского и татарского поэтов, установленных, в частности, в работе Ч.А.Зариповой-Четин [5: 4,14,15].

Объектом осмысления при сопоставлении двух произведений становится организация субъектной сферы в произведениях русского и татарского поэтов. «Наивный читатель склонен отождествлять субъекта речи с самим автором» [6; 310]. Респонденты именно с этой позиции и анализировали представленные произведения.

Творчество К.Бальмонта и С.Рашиева пришлось на начало XX века, богатого на переломные исторические моменты. Этот период был ознаменован торжеством хаоса, крушением системы ценностей, подавлением личности каждого человека.

К.Бальмонт принадлежал к старшему поколению символистов. В его сборнике «Будем как солнце» отразилась идейно-эстетическая концепция поэта. Значимой для всего творчества К.Бальмонта является мифологема «солнце». Н.А.Молчанова пишет, что «<...> в романтическом мировосприятии Бальмонта огонь (Солнце) воплощает мужское начало» [7; 90].

Все стихотворение Бальмонта построено на контрастах:

синий кругозор – горы,
море – долина,
страдание – любовь,
солнце – день погас,
буду петь – предсмертный час.

Через весь текст проходит антитеза «жизнь – смерть».

Произведение наполнено излюбленными образами поэта. В статье «О космическом начале в творчестве К.Бальмонта» Н.П. Крохина отмечает: «Любимые образы природных стихий у Бальмонта – Солнце, ветер, море – символы горения и света, движения и свободы» [8; 52].

К.Бальмонт также использует прием психологического параллелизма. Он проводит параллель между душевной жизнью человека и природой. В тексте прослеживаются черты пантеизма.

В субъектной организации заложен синтез: я + другое. М.В.Марьева отметила двойственность субъектной структуры стихотворения: «истинный субъект сверхреален, абстрактен, а конкретный я – способы реализации» этого субъекта [9; 225]. Н.А.Молчанова делает следующий вывод: «Жизнетворящая сила природы всечеловечна, поэт – «сын Солнца» нераздельно слит с нею, образуя органический сплав субъективного и объективного. Поэтому лирический герой Бальмонта «в человеческом нечеловек», он – эхо «стозвучных песен» стихий природы [10; 91].

Таким образом, в центре лирического произведения стоит «я» лирического героя. Л.Озеров: «<...> «Я» - тема и смысл, магистральный образ и цель всех стихотворений Бальмонта. Эгоцентризм во всем его творчестве» [11; 19].

Поэтика стихотворения завораживает своей музыкальностью. Рефреном проходит строчка «я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце», которая обладает некоей притягивающей функцией. Строчка несет в себе всю смысловую нагрузку, в ней заложена идея. Через звучность, напевность, благодаря обилию сонорных, «хорошо передавалась атмосфера, настроение, но страдал рисунок, пластика образов, туманились и расплылись очертания изображенного предмета [12; 39].

События начала века нашли отражение и в татарской литературе. В связи с этим Г.Халит писал: «<...> Рамиев, будучи поэтом-романтиком, в высшей степени обостренно воспринял тяжесть времени, реакции, душивших человеческую личность, резко выразив драматизм «я» в космическом пафосе. Этот момент отразился на его идейно-эстетической платформе, особенно на лирическом герое. И как раз в этом отношении стиль поэта насыщен экспрессионистическими акцентами [13; 325-326].

Примечательно в этом плане стихотворение «Мин» («Я»), в котором ярко выразился индивидуализм лирического героя. С первых строчек он заявляет о своем величии, могуществе:

«Мин!» димен мин, «мин» дидисем,
Миңа бер зур көч керә,
Аллалар, шаһлар, кануннар
Булалар бер чүп кенә [14; 135].
«Я» - говорю я убежденно, -
И силу чувствую в душе,
Цари, и боги, и законы
Мне сором кажутся уже [15; 169].

Лирический герой бросает вызов всему миру в целом. Он ставит себя на одну ступень с богом, вышается над всем. Это становится своеобразным способом самоутверждения лирического героя, утверждения человека как личности, его ценности. «У С.Рамиева все начинается с «я» поэта, с него точка отсчета всего. В понимании поэта его «я» должно быть цельным, не раздираемым противоречиями, и сильным» [16; 158]. Здесь отчетливо выражена идея пантеизма, которая имеет схожие черты с суфийской философией: «сближение или тождество «я» и «бог» [17; 144].

Но лирический герой не ощущает гармонии, полноты жизни, так как отчужден от народа. «Герой С.Рамиева, как и Бальмонт, готов проклясть мир, в котором он тоже «вечно одинок»» [18; 188]. Лирический герой противоречив в своем отношении к миру. Он испытывает ненависть к действительности, но в это же время он присваивает себе все земные богатства, «без «я» поэта нет неба, земли, нет природы, человечества» [19; 158].

В лирическом герое переплетены два начала – созидательное и разрушительное. С одной стороны, он жаждет гармонии, мира, с другой – отрешается от всего. «Разрушительная сила в герое Рамиева <...> - выражение созидательного начала» [20; 27].

В творчестве С.Рамиева пролеживают идеи гисьянизма. Лирический герой восстает против всего мира ради духовной свободы, которая ставится во главу угла. Возникает конфликт с обществом, от которого вынужден бежать лирический герой. Он отвергает ограничения во всех проявлениях – общественные и религиозные порядки, становится выше этого. Это достигается путем не отрицания Бога, а обожествления человека, ощущением себя личностью. Все это вызвано неудовлетворенностью реальной действительности. С.Рамиев поднимает проблему человека с общечеловеческого до космического уровня.

Лирический герой С.Рагиева является воплощением мировосприятия самого поэта, его мыслей. В лирическом герое заключен обобщенный образ татарского народа. А.М.Саяпова пишет, что «<...> в стихотворении «Я» С.Рагиев выражает соотношение личного с общим: вглядываясь в себя, поэт стремится к познанию человека вообще. Лирическое «я» в стихотворении – выражение обобщенного «я» своего народа, своей нации» [21; 66]. Можно сделать вывод, что в произведении каждого поэта на первый план выходит «Я» лирического героя. Но если у К.Бальмонта «я» тождественно миру в целом и имеет место идея Богочеловека, то «Я» С.Рагиева ставит себя выше не только мира, но и бога, то есть «я» заявляет свои права на звание Сверхчеловека. Есть отличия и в организации субъектной сферы. У К.Бальмонта это синтез субъективного и объективного, у С.Рагиева – взаимно-однозначные соответствия субъективного и общественного.

Таким образом, Г.Халит в своей монографии пишет: «<...> русские символисты своего времени предлагали считать «я» самым ценным объектом мира, считали, что ничто не близко искусству без внутреннего мира «я». Они твердили о любви к себе как к богу, о «я» как боге таинственного мира. Это дает основание говорить о некоторой близости Рагиева к символистике, к бытовавшим в России литературным течениям» [22; 147].

Ситуацию непонимания у студентов отделения татарской филологии вызывает характерная для русской литературы серебряного века в целом субъектная ситуация, связанная не просто с актуализацией в лирическом герое его индивидуальной личностной позиции, но и его особым статусом: «Отношения поэта к действительности строятся по типу: Я и Мир, где «Я» мыслится равновеликим миру. В поэзии символистов мы видим выражение претензий личности поднять себя к высшей, Божественной сущности мироздания и уверенной в прямых соответствиях своего «Я» и тайн Вселенной» [23; 62].

Нетрадиционной для татарской литературы является и организация субъектного пространства в стихотворении С.Рагиева – поэта, творчество которого связано с особым течением в татарской модернистской литературе – гисьянизмом. «Гисьяническое-демоническое в его творчестве – явление субъективное, личностное, выражающее его мироощущение, отношение к миру, жизни, человеку, человечеству» [24; 4]. В литературоведении установлено, что в центре художественно-эстетической системы гисьянизма – герой-бунтарь, индивидуалист, свободная личность, поднявшая свой голос против земных законов, Бога и религиозных канонов во имя утверждения своего «я». Как заметила А.М.Саяпова, «в стихотворении «Я» С.Рагиев выражает соотношение личного с общим: вглядываясь в себя, поэт стремится к познанию человека вообще. Лирическое «я» в стихотворении – выражение обобщенного «я» своего народа, своей нации» [25; 66]. Лирическим героем К.Бальмонта овладевает жажда жизни, интенсивности всех ощущений бытия. Это сильная и свободная личность, которая стремится слиться с четырьмя стихиями природы.

Активно заявленная героями К.Бальмонта и С.Рагиева жизненная позиция становится предметом критической рефлексии реципиентов: она принимается или отвергается в зависимости от детерминированности читательского восприятия культурными ценностями. При сопоставлении стихотворений С.Рагиева «Мин» и К.Бальмонта «Я в этот мир пришел...» проявилась традиционность взглядов респондентов-студентов отделения татарской филологии. При этом существенным является то, что студенты владеют русским языком на низком уровне: испытывают затруднения в речи на неродном языке, не обладают широким словарным запасом.

Стихотворение С.Рагиева как написанное на родном для читателей языке получило более высокую оценку среди опрошенных, чем стихотворение русского поэта. Не имея первоначальных представлений о творчестве С.Рагиева, студенты смогли понять содержание произведения. ««Мин» сүзен эйтүчә ук кешегә ниндидер зур көч керә» [Имамова Гулия]. Высказывались следующие суждения: «великие мира сего начинают казаться герою стихотворения чем-то ничтожным». «С.Рагиев пишет о своей любви к природе, земле. Только произнося слово «мин», человек может воспарить, начинает чувствовать себя самым счастливым. Каждый должен открыть в себе внутренние силы, любить мир, людей». В отношении стихотворения К.Бальмонта даны скудные замечания, отражающие непонимание идейно-художественной системы русского поэта-символиста.

Однако у студентов отделения татарской филологии ярко выражено стремление понять произведение К.Бальмонта. Препятствием к этому становится уровень владения русским языком и небольшой объем знаний по литературе. Но главная трудность – это замкнутость опрошенных в своем культурном пространстве и восприятие «чужого» с точки зрения своих критериев ценности, что становится серьезным препятствием на пути к адекватному прочтению и истолкованию стихотворения русского поэта.

Размышления студентов 5 курса носят более абстрактный характер. У опрошенных не сложилось единого мнения при анализе произведений. Различия возникли уже при самом восприятии стихотворений.

Для одних структурно-содержательные особенности стихотворения К.Бальмонта труднее поддавались пониманию, чем идейно-художественное своеобразие стихотворения С.Рашиева, и наоборот. Интересна трактовка текста, предложенная Файзрахманова Гузель, студенткой специализаций «Русский язык и литература»; «Русский язык и литература в межнациональном общении»: она пишет, что «после прочтения стихотворения К.Бальмонта душу переполняет чувство восторга, радости, уверенности в себе, возникают мысли, что мы не зря пришли в этот мир, у каждого есть своя цель. Стихотворение овеяно атмосферой оптимизма. Его можно даже положить на музыку. А текст С.Рашиева сложнее воспринять, понять его смысл, в нем нет динамики. Произведение читается медленно, «как будто что-то сдерживает»». Разногласия имеются и в трактовке содержания сопоставляемых произведений. В стихотворении русского поэта некоторые участники эксперимента пытались выявить философский подтекст. Предлагается также и характеристика лирического «Я» К.Бальмонта.

Предпринимались попытки осмыслить и жизненную позицию героя стихотворения С.Рашиева: «он живет в своем мире, это одинокий человек, пытающийся найти себя, утвердить свою личность. Он больше сосредоточен на себе. «Я» С.Рашиева равнозначно Богу и, кроме этого «я», на свете для него никого не существует». «Переживания татарского поэта носят более интимный характер». Предлагались и другие интерпретации сопоставляемых текстов: «у С.Рашиева присутствует мотив поэтического вдохновения, описывается момент его утраты, а это равнозначно смерти, когда герой не слышит своего «я». Но в финале он опять обретает поэтический голос. К.Бальмонт пишет, что поэтический дар – вечная сила, это нечто постоянное». Студенты 5 курса более корректны в суждениях. Они стараются представить объективный литературоведческий анализ произведений с учетом понятийной базы русской литературы, отодвигая на второй план субъективные размышления.

Студентами отделения переводоведения и межкультурной коммуникации, являющимися билингвами, но знающими татарский язык лишь пассивно, были даны в целом схожие ответы. Типичными являются следующие суждения: «В стихотворениях описывается сила человеческой власти, герои говорят о величии своего “Я”. Лирические герои заявляют о своей уникальности». Студенты обладают некоторыми навыками филологического анализа. Ими использованы понятия “тема”, “мотив”, “характер”.

В каждой группе студентов имелись исключения. Галимова Резеда (студентка отделения татарской филологии) предпочла стихотворение К.Бальмонта. На наш взгляд, это обусловлено высоким уровнем знания русского языка и возможностью принять чужое, понять и трансформировать в “свое”. Таким образом, наблюдается “открытость” по отношению к тексту инонациональной литературы.

Фахрутдинова Лиля (студентка отделения переводоведения и межкультурной коммуникации) пишет, что ей ближе произведение татарского поэта. Студентка в равной степени владеет и русским и татарским языками. Но для полного филологического анализа обоих стихотворений не хватает уровня подготовленности.

Итак, межлитературный диалог актуализирует национальные стереотипы в отношении к иной культуре. Студенты отделения татарской филологии наиболее открыты к восприятию инонациональных ценностей и способны к диалогу, но принять они могут лишь то, что не противоречит традициям их собственной культуры. Важный фактор – подготовленность к восприятию нового, «чужого». Однако «чужое» трансформируется с точки зрения своей системы ценностей. Иными словами, стремление к пониманию инонационального текста становится экзистенциально-психологическим состоянием сознания субъекта межлитературного диалога. Студенты 1 курса отделения переводоведения и межкультурной коммуникации в меньшей степени подготовлены к диалогу. Анализ проводился с опорой на систему понятий русской литературы, которую они переносят на татарскую. Татарская, т.е. родная, литература остается для них «чужой», вызывает непонимание как особое состояние сознания.

Библиографический список

1. Смирнов И.П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текст // Миф – фольклор – литература: Сборник статей. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978 . 251 с.
2. Боров Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. М.: Наука, 1985. С.3-68.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ.ст. Б.Н.Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704с.

4. Зарипова-Четин Ч.А. Проблема демонизма в творчестве С.Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики. Казань: Мастер Лайн, 2003.175с. Библиогр.: с.159-174.
5. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: Учеб.пособие ; Под.ред. Л.В.Чернец. 2-е изд.перераб. и доп. М.: Высш.шк., 2006. 680с
6. Молчанова Н.А. «Всю жизнь хочу создать из света, звука...»: Вопросы поэтики лирики К.Д.Бальмонта. Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС, 2011. 168с.
7. К. Бальмонт и мировая культура: сборник научных статей I Международной конференции (2-4 октября 1994 г.). Шуя: ШГПИ, 1994. 206с.
8. Марьева М.В. Книга К.Д.Бальмонта «Будем как Солнце»: эклектика, ставшая гармонией. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2008. 280с.
9. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 томах. Можайск: Можайск-Терра, 1994.; 17. Т. 1, 1994. 831 с.
10. Банников Н.В. Жизнь и поэзия Бальмонта/ К.Д.Бальмонт Солнечная пряжа: Стихи, очерки/ Сост., предисл. и примеч. Н.В.Банников. М.:Детская литература, 1989. 239с.
11. Халит Гали. Портреты и проблемы: Избр. ст. разных лет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 344 с.
12. Ил корабын жил сөрә: XX йөз башы татар поэзиясе. Казан: Мәгариф, 2001. 208б.
13. Антология татарской поэзии / [сост. Михаил Львов]. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 605 с.
14. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе/ А.М.Саяпова. Казань: Изд-во «Алма-Ата», 2006. 246с.
15. Халит Гали. Многоликая лирика: [О татар. лирике нач. XX в.]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 333,[3] с.
16. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань: Изд-во «Алма-Ата», 2006. 246с.
17. Зарипова-Четин Ч.А. Проблема демонизма в творчестве С.Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики. Казань: Мастер Лайн, 2003. 175с.
18. Колобаева Л.А. Русский символизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.

References

1. Smirnov I.P. The place of the "mythopoetic" approach to a literary work among other interpretations of the text // Myth - folklore - literature: Collection of articles. L. : The science. Leningra. Department, 1978. 251 p.
2. Borev Yu.B. Theory of artistic perception and receptive aesthetics, methodology of criticism and hermeneutics // Theories, schools, concepts (Critical analyzes). Artistic reception and hermeneutics. M.: Nauka, 1985. -- p.3-68.
3. Gadamer G.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophy. hermeneutics: Per. with him / Society. ed. and entry B.N. Bessonova. M. : Progress, 1988 .704 p.
4. Zariyova-Chetin Ch.A. The problem of demonism in the work of S. Ramiev in the context of East European aesthetics. Kazan: Master Line, 2003. 175 pp.
5. Chernets L.V. Introduction to literary criticism: Textbook. 2nd ed. and add. M. : Higher school, 2006. 680 p.
6. Molchanova N.A. "I want to create my whole life out of light, sound ...": Questions of poetry poetry by KD Balmont. Voronezh: SCIENCE - UNIPRESS, 2011. 168 p.
7. K. BALMONT AND WORLD CULTURE: a collection of scientific articles of the I International Conference (October 2-4, 1994). Shuya: ShGPI, 1994 .206 p.
8. Maryeva M.V. Book of KD Balmont "We Will Like the Sun": eclecticism, which has become harmony. Ivanovo: Publisher Episheva O.V., 2008. 280 p.
9. Balmont K.D. Collected Works: in 2 volumes / Mozhaik: Mozhaik-Terra, 1994; 17. Т. 1. 1994. 831 p.
10. Bannikov N.V. Life and Poetry of Balmont / Solar Yarn: Poems, Essays / Comp., Foreword. and note. N.V. Bannikov. M.: Children's literature, 1989 .239 p.
11. Halit Gali. Portraits and Problems: Fav. Art. different years. Kazan: Tatars. Prince Publishing House, 1985. 344 p.
12. Ил корабын жил сөрә: XX йөз башы татар поэзиясе. Казан: Мәгариф, 2001 .208б.
13. Anthology of Tatar poetry / [comp. Mikhail Lvov]. Kazan: Tatknigoizdat, 1957. 605 p.
14. Sayarova A.M. Dardmend and the problem of symbolism in Tatar literature. Kazan: Alma-Ata Publishing House, 2006. - 246 p.
15. Halit Gali. Many-sided lyrics: [About the Tatars. the lyrics of early XX century.]. Kazan: Tatars. Prince Publishing House, 1990. 333, [3] p.
16. Zariyova-Chetin Ch.A. The problem of demonism in the work of S. Ramiev in the context of East European aesthetics. Kazan: Master Line, 2003. 175 pp.
17. Sayarova A.M. Dardmend and the problem of symbolism in Tatar literature. Kazan: Alma-Ata Publishing House, 2006. 246 p.
18. Kolobaeva L.A. Russian Symbolism. M.: Publishing House Mosk. University, 2000 .- 296 p.

УДК 811.161

DOI 10.36622/AQMPL.2021.12.18.012

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина
кандидат филологических наук, доцент
Трубицина Н.А.
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Bunin Yelets State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Trubitsina N.A.
Russia, Yelets
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

Н.А. Трубицина

СЕМАНТИКА МИФОНИМОВ В СТИХОТВОРЕНИИ И.А. БУНИНА «ПОТОП»

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003)

В работе анализируется семантика мифонимов в стихотворении И.А. Бунина «Потоп». Только в двух стихотворениях Бунина имеется подстрочное пояснение «миф», среди которых и данное произведение. Такое пояснение говорит о важности непосредственно мифологической составляющей в сюжете «Потопа». Стихотворение изобилует мифонимам; основное место занимают теонимы – имена богов (Роману, Нэбо, Сарру, Нергал, Нинип, Анну, Истара) и мифоантропонимы – имена мифических людей (царь Ксисутрос, он же Касисадра, кормчий Бусуркургал). Расшифровку этих имен собственных мы можем частично найти в научных трудах Т.М. Двинятиной, И.А. Таировой, В.В. Емельянова. Не со всеми трактовками мифонимов этими учеными соглашается автор данной статьи. Опираясь на авторитетное мнение востоковеда и шумеролога В.В. Емельянова, за источник бунинского сюжета рассказа о потопе мы берем статью одного из первооткрывателей шумерского языка Пауля Хаупта «The Cuneiform Account of the Deluge» («Клинописный рассказ о Потопе»). К этой статье И.А. Бунин обратился либо непосредственно, либо уже в переводе ее с английского на другой европейский язык. В данной работе П. Хаупт представляет перевод с греческого языка мифа о потопе халдея Берроса и перевод XI песни «Эпоса о Гильгамеше», вероятно, «ниневийской» его версии, повествующей о потопе и спасшемся от него царе Зиусудре. При создании стихотворения «Потоп» И.А. Бунин опирается на оба эти источника, контактируя их между собой согласно собственному художественному видению. Автор статьи приходит к выводу, что мифонимы в данном произведении играют роль художественных маркеров, обозначающих авторское подстрочное пояснение заглавия стихотворения – «халдейский миф».

Ключевые слова: И.А. Бунин, семантика, мифонимы, лирика, мифология, мифоантропонимы, теонимы.

N.A. Trubitsina

SEMANTICS OF MYTHONYMS IN I.A. BUNIN'S POEM «THE FLOOD»

(Funding: The research was funded by RFBR and Lipetsk Region, project number 20-412-480003)

The paper analyzes the semantics of mythonyms in the poem «The Flood» by I. A. Bunin. Only two of Bunin's poems have an interlinear explanation «myth», including this poem. This explanation is indicative of the importance of the mythological component in the plot of «The Flood». The poem is rich in mythonyms; the main place is occupied by theonyms – the names of the gods (Romana, Nebo, Sarru, Nergal, Ninip, Annu, Istara) and mythoanthroponyms – the names of mythical people (King Xisutros, alias Kasisadra, the helmsman of Busurkurgal). We can partially find the decoding of these proper names in the scientific papers written by T.M. Dvinyatina, I.A. Tairova, V.V. Emelyanov. The author of this article does not agree with all interpretations of mythonyms by these scientists. Based on the authoritative opinion of the orientalist and Sumerologist V.V. Emelyanov, we take the article by one of the discoverers of the Sumerian language Paul Haupt «The Cuneiform Account of the Deluge» as the source of Bunin's story about the flood. Bunin turned to this article either directly or in its translation from English into another European language. In this work, Haupt presents a translation of the myth of the flood of the Chaldean Berros from the Greek language and the translation of the XI canto of the Epic of Gilgamesh, probably its «Nineveh» version, which tells about the flood and the king Ziusudra who was saved from it. Creating the poem «The Flood», Bunin relies on these sources, contaminating them according to his own artistic vision. The author of the article comes to the conclusion that the mythonyms in this poem

play the role of artistic markers, denoting the author's interlinear explanation of the title of the poem – «Chaldean myth».

Keywords: I.A. Bunin, semantics, mythonyms, lyrics, mythology, mythoanthronyms, theonyms.

Стихотворное творчество И.А. Бунина привлекает к себе все новых и новых исследователей, так как в классическом буниноведении XX века его лирике было уделено гораздо меньше внимания, нежели прозе. Нас, в свою очередь, заинтересовала семантика мифонимов в лирике И.А. Бунина, проблема, которая до настоящего времени системно не рассматривалась. Начать свое исследование мы решили с насыщенного мифонимами стихотворения «Потоп».

К некоторым заглавиям бунинских стихотворений имеется авторское подстрочное пояснение, как, например, «Апокалипсис, I», «Апокалипсис, VI», «Песня», «Грузинская песня», «Из книги пророка Даниила» и др. Несмотря на присутствие большого количества мифологических сюжетов в бунинской лирике, лишь два стихотворения имеют пояснение, что в их основу положены миф – это «Потоп. Халдейские мифы» и «Эльбурс. Иранский миф». И халдейские, и иранские мифы относятся к мифологии Двуречья, которая в целом представлена в творчестве И.А. Бунина в очень небольшом количестве. Оба стихотворения написаны в 1905 году, наряду с еще некоторыми стихотворениями восточной ориентации.

Интерес к стихотворению «Потоп» уже проявляли отечественные буниноведы – Т.М. Двинятина, И.А. Таирова, а также ученый-востоковед В.В. Емельянов. Исследователи склоняются к нескольким версиям о причинах обращения И.А. Бунина к мифологическому сюжету потопов. Т.М. Двинятина отмечает: это «еще один выразительный пример того, что через бунинские стихи шла прямая, чистая трансляция чужого текста, чужой культуры: в них мифы и цивилизации говорили напрямую с русским читателем» [1, с. 218]. И.А. Таирова считает, что «в бунинском стихотворении художественно воссозданный халдейский миф о потопе служит ещё одним размышлением поэта о жизни, смерти и бессмертии» [2, с. 17]. Очень интересную версию высказывает, на наш взгляд, В.В. Емельянов: «И.А.Бунин воспринимал события 1905 года как потоп. И если молодой Бунин надеялся справиться с потопом революции при помощи слова, которое до времени зарыто в городе Солнца, то пожилой Бунин уже на слово не надеялся, поскольку был убежден в возвращении людей к допотопному состоянию, а 1905 год воспринимал как всего лишь первый потоп из числа отпущенных ему жизнью» [3, с. 27].

Но все исследователи единодушны в мысли, что первоисточником для поэта послужила работа П. Хаупта «The Cuneiform Account of the Deluge» («Клинописный рассказ о Потопе»), в которой опубликован перевод греческого текста халдея Беросса, и рассказ о потопе из XI таблицы ассирийского эпоса о Гильгамеше. Пользовался И.А. Бунин непосредственно текстом П. Хаупта, или уже переводом этого текста на другой европейский язык, доподлинно не известно.

Стихотворение И.А. Бунина «Потоп» изобилует мифонимами. В основном это мифотеонимы, имена богов. Но также встречаются мифоантропонимы – Касисадра, Ксисутрос, Бусуркургал.

Когда ковчег был кончен и наполнен,
И я, царь Касисадра, Ксисутрос,
Зарыл в Сиппаре хартии закона, <...> [4, с. 155].

И.А. Таирова, а вслед за ней и Т.М. Двинятина, ошибочно посчитали Касисадру древним городом. На самом же деле, по замечанию В.В. Емельянова, «Ксисутрос, он же Касисадра (правильно Зиусудра и Атрахасис)» – имя одного и того же человека.

В стихотворении И.А. Бунина Ксисутрос выступает в качестве лирического героя, от имени которого ведется повествование. *Зиусудра* буквально означает «нашедший жизнь после долгих дней», а *Атрахасис* – «превосходящий мудростью». Используя двойное имя царя, И.А. Бунин акцентирует внимание сразу на двух разноплановых, но взаимосвязанных аспектах личности персонажа.

Во-первых, Зиусудра не только «нашел жизнь после долгих дней», что, скорее всего, означают дни потопов. За свою праведность он обрел еще и бессмертие. И в этом плане «долгие дни» могут означать всю земную жизнь Ксисутроса. Во-вторых, спастись от гнева богов, оставшись живым после наводнения, и, в итоге, обрести бессмертие, мог, безусловно, только превосходящий всех остальных мудростью человек.

Мы не можем согласиться с Т.М. Двинятиной в том, что «Потоп» содержит несколько строк, не имеющих никакого соответствия ни в мифах, ни в европейских его переложениях: первые три

строки вымышлены Буниным» [1, с. 218]. В тексте Берроса, переведенном П. Хауптом, на который, как полагают исследователи, опирался И.А. Бунин, имеется характерный фрагмент: «He commanded him to bury in Sippara, the city of the sun, all the records of antiquity engraven on stone» (Он приказал ему похоронить в Сиппаре, городе солнца, все древние летописи, высеченные на камне) [Цит. по 3, с.23]. То есть Беррос все же упоминает некие письмена, которые необходимо спрятать в Сиппаре. Но Ксисутрос у И.А. Бунина прячет не летописи, а «хартии закона». Мы можем предположить, что здесь сказало сделанное французскими археологами в 1901 году открытие текста законов Хаммурапи, которые, как известно, были высечены на базальтовом столбе и попали в место находки, город Сузы, из города Сиппара. Возможно, данное событие стало известно И.А. Бунину и стимулировало его интерес в истории Месопотамии.

О себе в первом лице Ксисутрос говорит в начале и конце стихотворения И.А. Бунина.

И ливень стих. Я плакал о погибших,
Носясь по воле волн, – и предо мною.
Как бревна, трупы плавали. Я плакал,
Открыв окно и увидавши солнце [4, с.155].

В рассказе Берроса в переводе П. Хаупта нет речи от первого лица; но она есть в переводе эпоса о Гильгамеше. «Like the trunks of trees, floated the corpses about. An air-hole had I opened; and, as the light of day fell upon my countenance, I recoiled, and sat down weeping; my tears ran over my face» («Как стволы деревьев, плавали трупы. Я открыл вентиляционное отверстие, и, когда дневной свет упал на мое лицо, я отшатнулся и сел, плача; слезы текли по моему лицу») [Цит. по 3, с.23]. Таким образом, плачущий Ксисутрос нужен И.А. Бунину не только для того, чтобы, по В.В. Емельянову, «читатель ощутил не повествование, а растянутую эмоцию, в начале которой ужас ожидания катастрофы, а в конце – плач по ее жертвам» [3, с. 27]. Здесь важна и точная передача первоисточника, самой мифической истории, в чем Т.М. Двинятина, отчасти, отказывает «Потопу» в отличие от других стихов И.А. Бунина, имеющих в своей основе мифологический сюжет.

Следующий мифоантропоним в стихотворении «Потоп» – имя *Бусуркургал*.

И в страхе затворил я дверь ковчега,
И в страхе поручил свою судьбу
Бусуркургалу, кормчему [4, с.155].

Как заметит В.В. Емельянов, только «в одной-единственной публикации», то есть публикации П. Хаупта, имя кормчего читалось как *Бусуркургал*. Со ссылкой на более раннюю публикацию Смита, В.В. Емельянов приводит прочтение этого имени как «*Buzursadirabi*», а анализируя перевод «Сказания о Гильгамеше» И.М. Дьяконова, отмечает, что тот «делает одну-единственную ошибку: неверно читает имя Пузур-Эллиль как Пузур-Амурри» [3, с. 27]. Но в переводе И.М. Дьяконова Пузур-Амурри (он же Бусуркургал, он же Пузур-Эллиль) не кормщик, а корабельщик: «За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри Чертог я отдал и его богатства» [Цит. по 3, с.27]. Корабельщиком Бусуркургала считает и Т.М. Двинятина: «*Бусуркургал* (правильно Пузур-Эллиль) – корабельщик, помогавший герою эпоса построить ковчег» [1, с. 218].

Как очевидно, кормщик и корабельщик – суть две разных профессии. Вот как представлен Пузур-Эллиль в вольном пересказе сюжета о потопе Финкелем Ирвингом в работе «Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата»: «Пузур-Эллиль бежит со всех ног во Дворец, ломится через парадный вход, требует приготовить пир, опустошив подвалы с запасами, вызывает из царского гарема столько наложниц, сколько он едва ли может осилить, – и вот он уже лежит неподвижно на подушках царского ложа, пресыщенный и утомленный, и слышит первые капли дождя, кап-кап-кап, по крыше над своей головой...» [6].

В статье П. Хаупта в переводе «халдейского мифа Берроса» говорится о некоем кормчем без имени: «Then he disembarked with his wife, his daughter, and his helmsman; erected an altar; offered a sacrifice; and disappeared, together with the others who had disembarked with him» («Затем он сошел на берег вместе со своей женой, дочерью и кормчим, воздвиг алтарь, принес жертву и исчез вместе с другими, сошедшими на берег вместе с ним») [Цит. по 3, с.23]. В пересказе П. Хауптом отрывка из «Сказания о Гильгамеше» Бусуркургал также представлен кормчим: «To Buzurkurgal the helmsman, I entrusted the mighty structure and its load». («Кормчему Бусуркургалу я доверил могучее сооружение и его груз») [Цит. по 3, с.24]. И.А. Бунин в своем стихотворении шел от прямого перевода слов «To Buzurkurgal the helmsman» («Бусуркургалу кормчему»).

Как уже было отмечено, в стихотворении И.А. Бунина встречается целый ряд мифотеонимов.

Поднялся вихрь – и тучи охватили
Из края в край всю землю. Роману́
Гремел среди небес. Нэбò и Сарру
Согласно надвигались по долинам
И по горам. Нергал дал волю ветру.
Нинип наполнил реки, и несли
Смерть и погибель Гении [4, с.155].

В переводе берросовского текста П. Хауптом имена этих богов не появляются. Соответственно, И.А. Бунин опирался на хауптовский перевод «Эпоса о Гильгамеше». Первый у И.А. Бунина – «Роману». У П. Хаупта читаем: «... a dark mass of clouds, in the midst of which the storm god Rimmon made his thunder crash, while Nebo and Serru rush upon one another» («темная масса облаков, в центре которой грохотал гром бога бури Риммона, в то время как Небо и Серру бросались друг на друга») [Цит. по 3, с.24].

Анализируя «Потоп», Т.М. Двинятина и В.В. Емельянов соотносят бога Раммана (у И.А. Бунина – Роману) с богом Ададом. Т.М. Двинятина: «Адад (Адду, старое чтение Рамман) – бог дождя и ветра» [1, с. 218]. В.В. Емельянов: «Роману (правильно Рамман) – устаревшее чтение имени Адада, вавилонского бога дождя и ветров» [3, с. 25]. И.А. Таирова ошибочно заявляет: «Бунин упоминает основных халдейских богов, соответствующих шумеро-аккадскому пантеону: *Роману* – бог молнии и грома» [2, с.17]. *Адад* – более раннее шумерское божество, а *Рамман* – более позднее ассирийское и вавилонское божество атмосферы и ее явлений – ветра, бури, дождя, грозы. Как отмечает мифологическая энциклопедия, «отсюда его эпитеты: *barku* = «молниеносный» и *vahisa* = «бурный», а также изображения с громовым орудием в руках. У ассирийских арамеев пользовался большим почитанием под именем Риммона» [5]. И.А. Бунин делает художественный перевод с П. Хаупта, который приводит у себя в работе фрагмент более позднего варианта сказания о Гильгамеше.

Нэбò и Сарру, которые у Бунина «Согласно надвигались по долинам / И по горам», в прямом переводе Хаупта «бросаются друг на друга» и «шагают по горам и долинам». В.В. Емельянов заметит: «Шуллат и Ханиш (старое чтение Небо и Сару) – божества молнии и грома» [3, с. 25].

В статье П. Хаупта не звучит имя «Нергал». О нем сказано: «the mighty god of plagues sets free the whirlwinds» (могучий бог чумы освобождает вихри) [Цит. по 3, с.24]. У И.А. Бунина «Нергал дал волю ветру». И здесь можно выдвинуть три предположения. Первое: И.А. Бунин воспользовался не англоязычной версией работы П. Хаупта, а ее переводом на какой-то знакомый писателю европейский язык, в котором «могучий бог чумы» уже был обозначен как Нергал. Второе: И.А. Бунин непосредственно был знаком с мифологией Двуречья и самостоятельно обозначил бога чумы Нергалом. Третье: И.А. Бунин имел еще и другие источники эпоса о Гильгамеше, кроме П. Хаупта. Думается, современным текстологам произведений Бунина еще предстоит решить эту загадку. Как и со следующим фрагментом: «Нинип наполнил реки». У П. Хаупта: «the god Adar causes the canals continually to overflow» («бог Адар заставляет каналы постоянно переполняться») [Цит. по 3, с.24]. В классическом переводе Дьяконова: «Идет Нинурта, гать прорывает» [Цит. по 3, с.25].

Можем предположить, что в эпосе о Гильгамеше речь все же идет о боге Ададе (Адар у Хаупта), боге грозы и непогоды. Соединение Адада с Нинутрой могло произойти из-за схожести функций этих божеств. «Адад, Ишкур («ветер»), в шумеро-аккадской мифологии бог грома, бури и ветра, сын бога неба Ану. Бог олицетворял как губительные, так и плодоносные силы природы: губящие поля наводнения и плодородный дождь; в его же ведении – засоление почв; если бог-ветер забирал дождь, начинались засуха и голод» [5]. «Нинурт являлся покровителем земледелия, скотоводства и рыболовства... Исполняя функции бога войны, Нинурт сражается в первую очередь с горными народами; гнев бога-героя в отличие от Ану и от Энлиля никогда не направлен на города Вавилонии» [5]. У И.А. Бунина могло произойти наложение источников, о чем уже писал в своей работе В.В. Емельянов.

О том, что богов-судей ануннаков И.А. Бунин приравнивал к античным гениям, писали В.В. Емельянов и Т.М. Двинятина. Бог Анну (правильно Ану) – бог неба. Именно к нему, спасаясь от величайшего и грозного бедствия на земле, поднимаются все божественные создания.

Сами боги

К вершинам Анну в страхе поднялись

И на престолах плакали, и с ними
Истара горько плакала... [4, с.155].

Отмечен В.В. Емельяновым тот факт, что большой фрагмент эпоса с плачем о погибших людях богини Иштар (Иштар – вавилонская богиня утренней звезды, разрушения, войны и рождения), у И.А. Бунина сильно усечен, так как поэт не считает это главным в своей передаче «халдейского» мифа.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что мифонимы в стихотворении И.А. Бунина «Потоп» играют роль художественных маркеров, обозначающих авторское подстрочное пояснение заглавия стихотворения – «халдейский миф». В своей расшифровке теонимов и мифоантропонимов И.А. Бунин опирался на ряд источников по мифологии Двуречья, одним из которых достоверно (благодаря В.В. Емельянову) является работа П. Хаупта «The Cuneiform Account of the Deluge» («Клинописный рассказ о Потопе»).

Библиографический список

1. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. доктора филол. наук. СПб., 2015. 437 с.
2. Таирова И. А. Восточные традиции в творческом восприятии И. А.Бунина. Автореф. ... кандидата филологических наук / Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького РАН. М., 2010. 21 с.
3. Емельянов В.В. Бунин – переводчик «Гильгамеша». Восьмая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы. Свое издательство. 2012. С. 20-28.
4. Бунин И.А. Потоп. Собрание сочинений в 6-ти тт. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 155.
5. Энциклопедия всемирной мифологии Планета Gods Bay. Электронный ресурс: <http://godsbay.ru/> (Дата обращения: 01.03.2021).
6. Финкель И. Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата. Электронный ресурс: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ф/finkelj-irving/kovcheg-do-noya-ot-mezhdurechjya-do-ararata/10>. (Дата обращения: 01.03.2021).

References

1. Dvinyatina T.M. I.A. Bunin's Poetry. Evolution. Poetics. Textology: diss. ... Dr in Philology. SPb., 2015. 437 p.
2. Tairova I.A. Eastern traditions in the creative perception of I.A. Bunin: author's abstract ... PhD in Philology / Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. M., 2010. 21 p.
3. Emelyanov V.V. Bunin is the translator of «Gilgamesh». Eighth International Summer School in Russian Literature. Articles and materials. Own publishing house. 2012. P. 20-28.
4. Bunin I.A. The Flood. Collected edition in 6 volumes. M.: Belles-lettres, 1987. V. 1. P. 155.
5. Encyclopedia of World Mythology Planet Gods Bay. Electronic resource: <http://godsbay.ru/> (date of access: 01.03.2021).
6. Finkel I. Ark to Noah: from Mesopotamia to Ararat. Electronic resource: <https://litresp.ru/chitat/ru/F/finkelj-irving/kovcheg-do-noya-ot-mezhdurechjya-do-ararata/10>. (date of access: 01.03.2021).

УДК 801.3=82(045/046):26
DOI 10.36622/AQMPJ.2021.55.95.013

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-226-2368
e-mail: buka1621@rambler.ru

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Novikova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина, М.В. Новикова

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА

Данная статья призвана выявить способы вербализации образа Родины в стихотворениях С.А. Есенина и проанализировать возможные индивидуально-авторские особенности введения автором в текст этих элементов. Чувство Родины лежит в основе миропонимания С.А. Есенина, Родина – это источник, в котором он черпает силы. Есенин и Россия – родство этих слов нерасторжимо. Такое отношение к Родине не могло не найти реализации в творчестве поэта, и мы видим, что стихи С.А. Есенина переполнены любовью к Родине – к России, к Рязани. Целью предлагаемого исследования является попытка рассмотреть, при помощи каких лексем автор вербализует образ Родины в своем творчестве. Проведя анализ, мы пришли к следующим выводам: для экспликации образа родины поэтом используются лексемы *родина*, *Русь*. Лексема *родина* употребляется автором именно в таком написании, без употребления заглавной буквы. Подобное написание, в связи с традициями, обозначает родину как место рождения, а не страну в целом. Полагаем, что употребление лексемы *родина* в варианте написания с маленькой буквы обусловлено отсутствующим в картине мира поэта делением Родины на большую и малую; для С.А. Есенина родина – это Русь, которой так много уделено внимания в творчестве поэта. В качестве индивидуально-авторских особенностей вербализации образа родины можно отметить также употребление лексемы *Русь*, которой принято было обозначать территорию Древнерусского государства. Полагаем, что подобное употребление связано со стремлением поэта к образности, типичной для представителей

течения имажинизм, к которому принадлежал С.А. Есенин. Также для вербализации образа родины автором используются лексемы Расаея, Расаея; помимо этого, при анализе текстов стихотворений можно выделить всевозможные описательные обороты, эксплицирующие образ родины в картине мира С.А. Есенина.

Ключевые слова: С.А. Есенин, Родина, Россия, образ, авторское своеобразие, лексема, вербализация.

N.B. Bugakova, Ju.S. Popova, O.V. Sulemina, M.V. Novikova

ON THE QUESTION OF SOME WAYS TO VERBALIZE THE IMAGE OF MOTHERLAND IN S.A. YESENIN'S WORKS

This article aims to identify ways of verbalization of the image of the Motherland in S.A. Yesenin's poems and to analyze the possible individual author's features of including of these elements into the text by the author. The feeling of Motherland is at the heart of the worldview of S.A. Yesenin, Motherland is the source from which he draws strength. Yesenin and Russia – the relation of these words is indissoluble. Such an attitude to Motherland could not fail to find realization in the poet's work, and we see that S.A. Yesenin's poems are filled with love for Motherland – for Russia, for Ryazan. The purpose of the proposed research is an attempt to consider with the help of which lexemes the author verbalizes the image of Motherland in his work. After the analysis we came to following conclusions: for explication of the image of motherland poet uses lexemes homeland, Russia. The lexeme motherland is used by the author in this spelling, without using a capital letter. Such a spelling, in connection with traditions, denotes the homeland as the place of birth, and not the country as a whole. We believe that the use of the lexeme motherland in the variant of writing with a small letter is due to the division of Motherland into large and small in the poet's picture of the world; for S.A. Yesenin motherland is Russia, to which so much attention is paid in poet's works. As an individual author's features of the verbalization of the image of motherland we can also note the use of the lexeme *Rus'* which was used to designate the territory of the Old Russian state. We believe that this use is associated with the poet's desire for imagery, typical of the representatives of the imagism movement, to which S.A. Yesenin belonged. Also for the verbalization of the image of the motherland author uses the lexemes *Raseya*, *Rasseya*; in addition, when analyzing the texts of poems, it is possible to distinguish all sorts of descriptive turns that explicate the image of the motherland in the picture of the world of S.A. Yesenin.

Keywords: S.A. Yesenin, Motherland, Russia, image, author's identity, lexeme, verbalization.

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».
(С.А. Есенин, «Русь советская»)

С.А. Есенин – известный русский поэт, творчество которого пришлось на начало XX века – один из самых сложных периодов в истории России и в русской литературе. Уже в ранних стихах С.А. Есенина видна его безграничная привязанность к Родине, образ которой возникает практически в каждом стихотворении. Традиционно С.А. Есенин воспринимается как лирик, хорошо знающий народный язык русского человека, понимающий народную душу; поэт выступает певцом крестьянской Руси. Любовь к Родине находит отражение, в первую очередь, в лирике 1910-1913 годов. В этот период происходит духовное созревание С.А. Есенина как поэта; творчество этого периода выражает любовь к жизни, ко всему живому. Чувство Родины лежит в основе миропонимания С.А. Есенина, Родина – это источник, в котором он черпает силы. Есенин и Россия – родство этих слов нерасторжимо. Полагаем, что подобное отношение к Родине обусловлено, в первую очередь, биографией поэта, который родился в крестьянской семье и, несмотря на то, что отец его бывал в деревне только наездами, С.А. Есенин рос в Константиново, в основном в семье деда, и считал себя крестьянским сыном. Его детство было типичным для крестьянского мальчика: он учился плавать, играл в снежки, катался с горок. Не коснулась его только тяжелая крестьянская работа, поскольку в этом не было необходимости. Будучи ребенком, С.А. Есенин был окружен необыкновенными красотами средней России. Мало что может сравниться с берегами Оки, в частности, недалеко от Рязани, по силе заво-

раживающей красоты. И даже увидев Европу, Америку, Кавказ, поэт продолжит считать красоту родных мест колдовской. Такое отношение к Родине не могло не найти реализации в творчестве поэта, и мы видим, что стихи С.А. Есенина переполнены любовью к Родине – к России, к Рязани.

Целью предлагаемого исследования является попытка рассмотреть, при помощи каких лексем автор вербализует образ Родины в своем творчестве. Родина – это, в соответствии с данными «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова, «1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. 2. Место рождения кого-н.» [1].

В творчестве поэта можем выделить следующие случаи обращения к образу Родины:

«Ах, *родина*, какой я стал смешной!» [2]. Для вербализации образа родины поэтом используется непосредственно лексема *родина* в функции обращения, в связи с чем мы можем говорить о том, что автор персонализирует страну, очеловечивает, наделяет ее способностью оценивать, сочувствовать, быть собеседником. В приведенном примере С.А. Есенин обращается к родине как к живому существу, рассказывая о перипетиях своей жизни, настолько большое место в сердце поэта занимает родная страна. Эта гипотеза подтверждается еще одним примером:

«И в голове моей проходят роем думы:

Что *родина*?

Ужели это сны?» [2].

Перед нами отрывок из стихотворения «Русь советская», которое было написано С.А. Есениным в 1924 году, и, полагаем, оно призвано отразить отношение поэта ко всему, что происходило в стране в тот момент. Приведенный отрывок как нельзя лучше демонстрирует отношение поэта к родине, о судьбе которой он переживает всем сердцем. Своей стране, своей родине С.А. Есенин признается в любви:

«Но люблю тебя, *родина* кроткая!

А за что – разгадать не могу» [2].

При этом поэт понимает, что его любовь к родине необъяснима. Употребляемую для экспликации образа родины лексему *родина* автор сопровождает эпитетом *кроткая*, подчеркивая этим способность родины быть покорной всем тем событиям, которые происходят с ней в период создания С.А. Есениным стихотворения «Русь», из которого взяты эти строки. Стихотворение было написано в 1914 году, когда началась Первая мировая война. Помимо покорности, поэт определяет еще одно качество родной страны, называя ее *милой*:

«Ой ты, *Русь моя, милая* родина» [2].

С.А. Есенин не пользуется официальным названием страны для ее обозначения. В качестве художественного приема, необходимого для создания образности, он использует лексему *Русь*, которой принято было обозначать территорию Древнерусского государства [3, с. 200]. Образность – понятие, стоящее во главе угла у представителей течения имажинизм. Имажинизм стал одним из ярчайших явлений литературы XX века. Возникает это направление на основе кризиса классической литературы и захватывает умы многих поэтов: С.А. Есенина, В. Шершеневича, А. Мариенгофа [4, с.4]. Вводя в тексты своих стихов лексему *Русь*, автор хочет подчеркнуть неизменность уклада жизни русского человека, отсутствие перемен в стране в целом. С.А. Есенин понимает, что никаких изменений не произойдет в столь горячо любимой им стране. Это обстоятельство обуславливает пессимизм одного из самых популярных стихотворений С.А. Есенина «Устал я жить в родном краю...», созданном в 1916 году:

«А месяц будет плыть и плыть,

Роняя весла по озерам...

И *Русь* все так же будет жить,

Плясать и плакать у забора» [2]. Эти строки, столь нехарактерные для раннего творчества поэта, демонстрируют понимание С.А. Есениным состояния России – состояния глубочайшей заброшенности, забитости, неспособности к изменениям. Несмотря на это, поэт непрестанно признается в любви своей родине:

«Ой ты, *Русь*, моя родина кроткая,

Лишь к тебе я любовь берегу» [2].

Поэт обращает внимание читателя на свое особое отношение к родной стране, любить которую он продолжал, несмотря ни на что, даже после поездок в Америку, Европу, которые С.А. Есенину не понравились, их оценка поэтом была категоричной: «Здесь действительно медленный грустный за-

кат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они» [5, с.769]. Гордость за русского человека прослеживается и в стихотворении «Русь»:

«Вот где, *Русь*, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод» [2].

Поэт воспринимает русского человека как неспособного на предательство, искреннего, честно-го, любящего свою страну и готового стать опорой для нее. Считаем необходимым обратить внимание на то, что стихотворение, написанное о России, называется «Русь». Подобное заглавие для стихотворения поэт, безусловно, выбирает неслучайно, поскольку заглавие – это важнейший элемент текста. По мнению С.Д. Кржижановского, «заглавие, поскольку оно в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно <...> облегает текст и смысл, вправе выдавать себя за главное книги <...> книга и есть развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [6, с. 282]. Заглавие представляет собой одну из сильных позиций текста, наравне с эпиграфом, началом и концом произведения. Роль заглавия в тексте неоспорима, ведь, предваряя текст, заглавие является первым семиотическим знаком, который видит читатель. Также смысл заглавия состоит в посредничестве между читателем и текстом, так как заглавие задает ассоциативные перспективы читателю [7]. Созданное в 1917 году стихотворение «О Русь, взмахни крылами...», в название которого поэт также вводит лексему *Русь*, вербализуя образ родины, подтверждает сказанное. Известно, что это стихотворение С.А. Есенин написал, находясь в состоянии необычайного творческого подъема. Так на поэта повлияла Февральская революция, которую он воспринял с восторгом, поскольку считал, что с этого момента начнется возрождение страны, его родины, находившейся под многовековым гнетом.

Через несколько лет состоится поездка в Америку и Европу, в которой С.А. Есенин сопровождает свою жену, танцовщицу Айседору Дункан. Это путешествие вызывает у него разнообразные чувства, но в первую очередь – грусть: поэт тоскует по России, которая для него – дом:

«Я покинул родимый дом,
Голубую оставил *Русь*» [2].

Оставить родину для С.А. Есенина значит предать ее, изменить ей. Эпитет *голубую* сопровождает лексему *Русь*, на наш взгляд, неспроста: поэт не может забыть рязанские просторы, голубое рязанское небо, где, по его собственному определению, «синь сосет глаза» [2].

Зачастую в своих текстах поэт, привлекая для экспликации образа родины лексему *Русь*, обращает внимание на религиозность русского человека, подчеркивает силу веры, присущую русским:

«Гой ты, *Русь*, моя родная,
Хаты – в ризах образа...» [2].

Для создания образа православной, верующей страны автор сравнивает хаты с образами в ризах. Образ, в соответствии с традициями православной религии, – это икона, один из важнейших символов религиозного культа для православного человека [8, с. 30]. Ризы в данном случае – металлические накладки на иконах, которые оставляют открытыми только лицо и руки изображения [9]. Ризами украшали иконы, выполняя их из различных металлов, что напрямую влияло на стоимость иконы. Можно предположить, что, вводя в текст стихотворения подобного рода сравнение, С.А. Есенин хотел привлечь внимание читателя на необыкновенную красоту русских жилищ, окна которых, как правило, снабжались ставнями, часто украшенными резьбой. Это и придавало им сходство с иконой. В православии принята традиция украшать иконы, расположенные в доме в так называемом «святом углу», рушниками – специальными полотенцами (такое полотенце, закрепляемое на иконе, являлось своеобразным оберегом семьи и избы, поскольку было устремлено одним концом к Богу). Можно провести параллель с занавесками, используемыми для обрамления окон в жилищах, что также способствовало возникновению определенного сходства между окнами дома и образами, «убранными» рушниками. Родина, Русь для С.А. Есенина – родное, важное, незаменимое, что подчеркивает автор своими стихами:

«Если крикнет рать святая:
«Кинь ты *Русь*, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте *родину* мою» [2].

Помимо лексем *родина* и *Русь*, для экспликации образа родины С.А. Есениным используются различные описательные обороты, выполненные в духе течения имажинизма и сообщающие образность стихам. Рассмотрим примеры:

«Я вновь вернулся в *край осиротелый*,
В котором не был восемь лет» [10].

Так поэт вербализует образ родины, родного села Константиново, в стихотворении «Русь советская», созданном в 1924 г., в один из самых плодотворных периодов поэта, который вернулся из поездки на Кавказ. Приехав на родину, С.А. Есенин был крайне удивлен тем обстоятельством, что в родной деревне не видит практически ни одного знакомого лица. За то, что долго не был в родной деревне, поэт просит прощения:

«Ну что ж!
Прости, *родной приют*» [10].

Автору приходится просить прощения у родины, единственного, по сути, места, где он может получить пристанище, поэтому родную деревню он именует приютом. Приют – в русской национальной картине мира «место, где можно спастись или отдохнуть» [9]. Так воспринимает С.А. Есенин свою малую родину, здесь пытается найти утешение, отдохновение. Подтверждение этой точке зрения находим также в стихотворении «Руси», созданном в 1915 году.

«О *Русь, покойный уголок*,
Тебя люблю, тебе и верую» [10].

Для поэта Россия, Русь – любимая, дарящая покой. С.А. Есенин уверен, что Россию нельзя не любить; поэт полагает, что все близкие ему люди должны также любить Россию, быть увлечены ею. В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...», относящемся к циклу «Персидские мотивы», обращаясь к персиянке, поэт задает вопрос:

«Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать *далекий синий край?*» [10].

Образ России в данном случае вербализуется описательным оборотом, передающим особенности России, наиболее важные для С.А. Есенина, жалеющего о том, что родина его далеко. Употребление прилагательных *синий*, *голубой* в качестве эпитетов, используемых для характеристик родины, очень распространено в творчестве С.А. Есенина и является, на наш взгляд, визитной карточкой поэта. Как уже говорилось выше, введение подобных эпитетов в тексты обусловлено, по нашему мнению, забываемыми пейзажами села Константиново.

Переживания за Россию – достаточно популярная тема стихов С.А. Есенина. Рассуждая о судьбах Родины, автор вводит в тексты эпитеты *полевая*, *бедная*, *нищая*:

«*Полевая* Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.
... Но и все же хочу я стальнойю
Видеть *бедную, нищую* Русь» [10].

В предложенном отрывке очевидно отношение поэта к Родине – это глубокое сочувствие и сожаление о том, что Россия, по мнению поэта, отстает в развитии, оставаясь *полевой*. Однако автор не теряет надежды, что увидит свою страну окрепшей. Хотя здесь возникает противоречие между *полевой* бедностью и *стальной* безжизненностью. Это противоречивое отношение к развитию страны можно увидеть во многих стихотворениях Есенина. С одной стороны, он положительно воспринимает освобождение страны и перспективы *Руси советской*, но с другой, – чувствует себя в этом мире неуютно, новые люди и новая жизнь чужды ему, певцу деревенской, святой *Руси*. Неудовлетворяющее его состояние России С.А. Есенин подчеркивает в стихотворениях разных периодов творчества:

«*Край ты мой забытый*,
Край ты мой родной!...»
«*Край ты мой заброшенный*,
Край ты мой, пустырь» [10].

Поэт использует приведенные обороты для вербализации образа Родины неслучайно, его действительно заботит угнетающее состояние родного края, который покинут. Не исключено, что автор ощущает собственную вину в том, что Родина заброшена и находится в удручающем виде:

«Русь нечесаная,
Русь немытая!» [10].

Поэта волнуют события, происходящие с его родиной. В ранних стихах С.А. Есенин выражает сочувствие родине, постоянно подвергающейся испытаниям, переносящей много горя:

«Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса» [10].

Помимо уже отмеченных нами способов вербализации образа родины, считаем необходимым обратить внимание на еще один, достаточно популярный в творчестве С.А. Есенина, способ – употребление лексемы *Рассея*. Полагаем, что употребление данной формы лексемы Россия, фонетически искаженное, автор вводит в свои тексты для того, чтобы максимально подчеркнуть самобытность русского национального характера. Так, в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» наравне с употреблением лексемы *Рассея* для вербализации образа Родины автор использует также описательный оборот *азиатская сторона*, подчеркивая тем самым своеобразие России, обусловленное особенностями ее расположения на материке: известно, что Россия территориально находится частично в европейской части материка Евразия, частично в азиатской, что обуславливает сложность самоидентификации русского человека:

«Ты, *Рассея* моя... *Рас... сея...*
Азиатская сторона!» [10].

Также в вышеуказанном отрывке написание *Рас...сея* может, с нашей точки зрения, по созвучию указывать на *рассеянность* народа по стране, его разобщенность территориальную и идеологическую.

Употребление автором лексемы *Рассея* для вербализации образа родины встречается в двух вариантах написания: *Рассея* и *Расея*. Употребление первого типа (с удвоенным *е*) больше приближено к литературной форме *Россия*. Форма употребления *Расея*, на наш взгляд, вводится в тех ситуациях, когда поэт стремится максимально продемонстрировать читателю самобытность русского народа, его необычность:

«*Расея!*..
Дурóвая зыкъ она» [10].
«Пропала *Расея*, пропала...» [10].

Употребление формы *Расея* зафиксировано нами в поэме «Анна Снегина», созданной С.А. Есениным в январе 1925 года, то есть незадолго до смерти, и одна из основных тем этого произведения – это тема родины. Поэма глубоко автобиографична, С.А. Есенин аккумулировал в этом тексте все детские воспоминания, в том числе и о родине, которая занимала в его сознании ведущее место. Несмотря на поездки, путешествия, совершенные автором, множество посещенных им мест, главным в жизни и любимым местом оставалась родина:

«Дайте мне на *родине* любимой,
Все любя, спокойно умереть!» [10].

Завершая анализ способов вербализации образа родины в стихах С.А. Есенина, считаем необходимым отметить, что наиболее частотны в рассмотренных текстах лексемы *родина*, *Русь*. Лексема *родина* употребляется автором именно в таком написании, без употребления заглавной буквы. Подобное написание, в связи с традициями, обозначает родину как место рождения, а не страну в целом. Однако мы не считаем правомерным говорить о том, что, употребляя такое написание, в своих стихах С.А. Есенин пишет лишь о своей малой родине – селе Константиново Рязанской губернии. Полагаем, что употребление лексемы *родина* в варианте написания с маленькой буквы обусловлено отсутствующим в картине мира поэта делением Родины на большую и малую; для С.А. Есенина родина – это Русь, которой так много уделено внимания в творчестве поэта. В качестве индивидуально-авторских особенностей вербализации образа родины можно отметить также употребление лексемы *Русь*, которой принято было обозначать территорию Древнерусского государства. Полагаем, что подобное употребление связано со стремлением поэта к образности, типичной для представителей течения имажинизм, к которому принадлежал С.А. Есенин. Также для вербализации образа родины автором используются лексемы *Расея*, *Рассея*; помимо этого, при анализе текстов стихотворений можно выделить всевозможные описательные обороты, эксплицирующие образ родины в картине мира С.А. Есенина.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.29.31.014

Кубанский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Борисова О.Г.
Россия, г. Краснодар, тел. +79528266585
e-mail: leliastom@mail.ru

Kuban State University
The chair of modern Russian language
Doctor of Philology, Professor
Borisova O.G.
Russia, Krasnodar, tel. +79528266585
e-mail: leliastom@mail.ru

кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
Костина Л.Ю.,
Россия, г. Краснодар, тел. +79181241245
e-mail: patriot30@mail.ru

The chair of Russian language
PhD, associate professor
Kostina L.Y.,
Russia, Krasnodar, tel. +79181241245
e-mail: patriot30@mail.ru

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

**АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ВЕРБАЛИЗАТОР ЗООМОРФНОГО
КУЛЬТУРНОГО КОДА В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ**

Целью статьи, источником языкового материала для которой послужили региональные лексикографические источники и данные полевых экспедиций, является выявление когнитивных особенностей анималистической лексики, функционирующей в кубанских говорах. Актуальность изучения зоонимов, относящихся к наиболее древнему лексическому пласту и отражающих этнокультурные различия (психологические, ментальные и социальные особенности диалектного сообщества), обусловлена их информативностью для описания диалектной картины мира. В исследовании, выполненном в рамках антропоцентрической парадигмы, продемонстрированы универсальность и продуктивность зооморфного культурного кода в диалектной картине мира жителей Кубани. Установлены синхронические и диахронические мотивационные признаки диалектной анималистической лексики, имеющие ориентирующий характер и в целом аналогичные отмечаемым в русских говорах и общеславянском контексте. Выявлена отражающая своеобразие мировидения жителей Кубани этнокультурная специфика, которая проявляется в особенностях реализации мотивем в народных наименованиях животных. Показано, что многие зоонимы склонны к метафоризации. Наиболее продуктивными и значимыми при описании ДКМ являются обладающие этнокультурной маркированностью метафорические модели *животное* → *человек* и *животное* → *растение*, отражающие прагматическую оценку реалий окружающей действительности. Продемонстрировано, что когнитивные особенности анималистической лексики ярко проявляются как в бытовой, так и в обрядовой сфере, где зоонимы, выступая в обрядовом значении, выполняют символичные функции. Полученные результаты имеют важное значение для когнитивной диалектологии и этнолингвистики, обогащая представления о реализации зооморфного кода в общезыковой картине мира.

Ключевые слова: диалектная картина мира, кубанские говоры, зооморфный культурный код, синхроническая и диахроническая мотивированность, зооморфная метафора, зооним.

O.G. Borisova, L.Y. Kostina

**ANIMALISTIC VOCABULARY AS VERBALIZATION OF ZOOMORPH CULTURAL CODE IN
DIALECT WORLD VIEW OF KUBAN REGION INHABITANTS**

The aim of this article (its linguistic materials source being the regional lexicographical sources and field expedition data) is to establish cognitive nature of the animalistic vocabulary, functioning in Kuban sub-dialects. The significance of studying the zoonyms, related to a more ancient lexical layer and depicting ethnocultural differences (psychological, mental and social features of the dialect community), is driven by their informative value when describing the

dialect world view. The research, carried out within the anthropocentric paradigm framework, demonstrates the universal nature and productivity of zoomorphic cultural patterns in the dialect world view of Kuban region inhabitants. It establishes synchronous and diachronous motivational indicators of dialect animalistic vocabulary, which have direction properties and are generally similar to the ones observed in Russian sub-dialects and Common-Slavic context. The ethnocultural features, which reflect the uniqueness of Kuban region inhabitants' world view, manifest in peculiar implementation of motivemes in folk naming of animals. The article demonstrates that many zoonyms are subject to metaphorization. The most productive and significant of them, when describing the DWV, are metaphoric models which have ethnocultural markings such as animal @ human and animal @ plant, reflecting pragmatic assessment of realities of the world around us. It demonstrates that cognitive nature of animalistic vocabulary is vividly expressed in both common and ceremonial areas, where zoonyms, in their ceremonial meaning, serve their symbolic functions. The results received are significant for the cognitive dialectology and ethnolinguistics by broadening the understanding of zoomorphic patterns implementation in the general-linguistic world view.

Key words: dialect world view, Kuban sub-dialects, zoomorphic cultural code, synchronous and diachronous motivation, zoomorphic metaphor, zoonym.

Лингвистические исследования, проводимые в рамках антропоцентрической парадигмы, приобретают в наши дни все большую значимость. Важное место среди них занимает изучение диалектной картины мира (далее – ДКМ), отражающей мировосприятие сельского человека. Репрезентация картины мира, как известно, возможна через описание присущих ей культурных кодов. Одним из них является биоморфный [1], включающий два подвида: фитоморфный и зооморфный, реализующие взаимоотношения человека с живой природой и активизирующие в его сознании образы животных и растений, номинации которых, семантически и формально трансформируясь, раскрывают, в первую очередь, качества и черты характера самого человека.

В данной статье рассматривается потенциал анималистической лексики в репрезентации зооморфного кода в ДКМ жителей Кубани. Источником языкового материала послужили словари кубанских говоров [2; 3; 4; 5], а также сведения, собранные в диалектологических экспедициях 2005–2019 годах. Важность изучения зоонимов, относящихся к наиболее древнему лексическому пласту и отражающих этнокультурные различия (психологические, ментальные и социальные особенности диалектного сообщества), обусловлена их значительным информационным потенциалом.

В лексической системе КГ (далее – КГ) номинации животных составляют яркий и колоритный корпус лексических единиц (далее – ЛЕ). Большая их часть вошла в КГ из материнских языков – украинского и русского (см., напр.: *ба'ба* ‘пеликан’, *дерка'ч* ‘птица дергач’, *свирку'н* ‘сверчок’, *шпак* ‘скворец’ и др.). Посредством материнских языков местные говоры обогатились и анималистической лексикой тюркского происхождения, придающей особое своеобразие казачьему лексикону (см., напр.: *бирю'к* ‘волк’, *бу'зев'к* ‘годовалый телёнок’, *игре'невый* ‘гнедой или рыжий со светлой гривой и хвостом’, *машта'к* ‘порода низких степных лошадей’, *чаба'к* ‘лещ’, *шард'н* ‘рыба сазан’ и др.). Как правило, зоонимы, функционирующие в КГ, сохраняют тот же семантический объём, что и в материнских говорах. Однако в отдельных случаях наблюдается редукция или приращение значений, в чём проявляются особенности адаптации ЛЕ материнских говоров к новому местобытованию. Так, в КГ широко распространено слово *горобе'ц(ь)* ‘воробей’. В украинском языке оно имеет ещё два ЛСВ – ‘1. Название вола, цветом подобного оперению воробья. 2. Род орнамента на писанках’ [6; т. I; с. 314], не отмеченные в наших материалах. В курских говорах *горобцо'м* называют не только воробья, но соловья [7; вып. 7; с. 54], однако второе значение для Кубани не характерно.

Обращает на себя внимание многослойность семантики общенародного существительного *куку'шка*. В материалах этнокультурного словаря Н. И. Бондаря представлены сформулированные им на основе анализа высказываний носителей КГ толкования этой лексемы, в которых прослеживается связь между означаемым и означающим. Этнограф, помимо первичного значения ‘птица’, подаёт ещё 5 ЛСВ: ‘кукла, изображающая центрального персонажа в обряде «Крещение и похороны кукушки»’, ‘часовой на сторожевой вышке времён освоения Кубани казаками (вышка имела крышу в форме теремка)’, ‘настенные часы с «кукушкой»’, ‘снайпер на дереве (помосте) или другом возвышении’, ‘паровоз, издающий характерный сигнал, похожий на крик кукушки’ [см. 8; с. 476–477]. Отметим, что МАС даёт иное объяснение появлению у слова *куку'шка* ЛСВ ‘паровоз’: от буквенного обозначения его серии – К [9; т. II; с. 194].

Большинство диалектных зоонимов находится в активном словарном запасе носителей КГ и входит в общекубанский лексический пласт. Противопоставленные диалектные различия, по кото-

рым дифференцируются КГ с украинской и южнорусской языковой основой, образуют отдельные пары ЛЕ, см., например, лексические параллели: *ка'чка* – *вут'тка*, *каченя'* – *вутёнок*, *ка'чур* – *се'лезе'нь*, *ута'к*, *курча'* – *цыпля'*. Между тем, как показывают наблюдения, в КГ ЛЕ с одинаковым или близким значением, противопоставленные друг другу территориально, могут функционировать и как внутрисистемные синонимы. Для кубанской анималистической лексики в большей степени характерна внутрисистемная и смешанная синонимия (одновременно и разно-, и однодиалектная). Синонимичные зоонимы составляют в КГ пары и ряды различной протяжённости. См., напр.: *ку'рица-насе'дка*, *кво'чка* / *ква'чка* / *кло'чка* / *ко'чка*, *квохту'ха* / *квохта'лка*, *клу'ша* / *клу'шка*; *пету'х*, *ко'чет*, *пи'вень*, *певу'н* / *пеу'н*; *поросёнок* / *порося'*, *кузёнок*, *пацючо'к*, *чушо'нок*; *се'лезе'нь*, *ка'чур*, *(в)ута'к*; *скворе'ц* / *шкворе'ц*, *шпак*; *щено'к* / *щеня'*, *кутя'* / *кутёнок* / *кутененёнок*, *собача'*, *цу'цик* / *цуценя'* и др. Отдельные зоонимы могут выступать и как дублиеты, и как идеографические синонимы. См., напр.: *ко'роп*, *шара'н* 'сазан' – *ко'роп* 'карп, выращенный в искусственных условиях', *шара'н* 'карп, выросший в естественной среде обитания'. Богатство синонимических рядов демонстрирует множественность номинаций – один из конститутивных признаков ДКМ.

Как и национальной картине мира в целом, ДКМ присуща дифференциация животных по половому признаку. См., напр.: *ведме'дь*, *ведме'ж* – *ведмеди'ха*, *ведме'дица*, *гусь* – *гу'ска*, *ка'чур*, *(в)ута'к* – *ка'чка*, *(в)ут'тка*, *ко'роп* 'крупная самка сазана' – *шара'н* 'самец сазана небольшого размера', *крол*, *трус* – *крол'иха*, *тру'ска*, *куку'н* – *куку'шка*, *лисови'н* – *лиса'* и др. Следует отметить, что в КГ зафиксированы номинирующие особь мужского или женского пола лексемы, аналоги которых отсутствуют в литературном языке (далее – ЛЯ). См., напр.: *жаба'к* – *жа'ба*, *лягу'н* – *ля'гва*, *лягу'ха*, *(в)ужа'к* – *(в)ужа'ка* (может функционировать и как существительное м. р.), *слепу'х* – *слепу'ха*. Среди наименований детёнышей в КГ с украинской языковой основой распространены существительные среднего рода. См., напр.: *гусыня'*, *жабыня'*, *каченя'*, *козе[э]ня'*, *коте[э]ня'*, *кошеня'*, *кукушеня'*, *курча'*, *те[э]ля'*, *цуценя'*, *щеня'* и др. В этих древних формах, утраченных в русском ЛЯ, находит отражение древнерусское мировосприятие, когда родовая принадлежность неполнолетних существ воспринималась как категория особого социально-пассивного рода.

Важной при номинации отдельных животных является актуализация признака большого размера особи. См., напр.: *бугай* 'бык-производитель' – *бугай'на*, *бугая'ка* 'крупный бык-производитель', *вол(в)к* – *вове[э]ло*, *волча'ра* 'крупный, матерый волк', *кры'са*, *кри'ца*, *пац(ь)* – *крыса'к*, *пацка'н*, *пацю'к* 'большая крыса', *соба'ка* (м. / ж.) – *собайло'* 'большая собака'. Приведённые ЛЕ, актуализирующие значение 'большой размер', структурно мотивированы: семантический признак передаётся с помощью суффиксов -ИН(А), -ЯК(А), -ЕЛ(О), -АР(А), -АК, -КАН, -АЙЛ(О). В ряде лексем репрезентируются сразу два признака: размер животного и возраст. Так, носители КГ различают *сулу'* 'судака' (взрослая особь соответствующего размера), *по(и)дсу'лка* 'судака среднего размера' (на возраст рыбы указывает префикс ПО(И)Д-) и *чо'ти(ы)ка* 'судака маленького размера, еще не пригодного в пищу' (значение 'небольшой размер' придаёт суффикс -ЫК, ср. *чоп*). У ЛЕ *курча'*, *цыпля'* 'цыплёнок' – *курёнок*, *цыпло'к*, *цыпла'к* 'подростший цыплёнок' противопоставление по возрасту поддерживается грамматическими показателями: ср. р. – м. р.

Характерной особенностью ДКМ можно назвать стратификацию животных, ориентирующуюся на кастрацию. См., напр.: *бык* – *буга'й* ('кастрированный / некастрированный бык'), *бара'н* – *ва'лук* ('кастрированный / некастрированный баран или козёл'), *каба'н* – *кнур*, *хряк* ('кастрированный / некастрированный кабан'), *конь* – *конёк* 'холощёный конь 3–4-х лет'. Приведённые ЛЕ, за исключением последней пары, входят в активный лексический запас носителей КГ, что объясняется важностью данного признака в хозяйственной деятельности человека.

В КГ зарегистрированы не имеющие эквивалентов в ЛЯ собирательные существительные, выражающие множество, представленное в качестве целого. Обнаруживая некоторые общие элементы с формой множественного числа, они отличаются от неё и формой (множественное число – единственное число), и значением (расчленённое множество – множество как единое целое). Деривационными аффиксами в кубанских собирательных диалектизмах выступают -В(А), -ОТВ(А), -АТВ(А), -ОТ(А). Такие ЛЕ, безусловно, обладают когнитивным потенциалом, поскольку демонстрируют, какие совокупности животных могут быть интерпретированы носителями говоров как единое целое в ДКМ: это совокупности домашних животных и птицы (*кон(ь)ва'*, *кота'*, *курва'*),

насекомых (*вошва'*, *мошква'*, *мухотва'*, *мухота'*, *мушва'*) и мальков (*мальва'*), плодовых животных, способных к быстрому размножению (*крысва'*, *крысотва'*, *мышатва'*, *мышва'*).

В лексике, в том числе анималистической, находит отражение эмпирический опыт народа. Функция наименования состоит в представлении стоящего за ним когнитивного содержания и реализуется путём выделения какого-либо признака, свойства, качества объекта номинации. Положенная в основу наименования мотивема, под которой понимается инвариант внутренней формы слов, будучи мощным стимулом языковой номинации, выступает регулятором порождения языкового значения. Значительная часть кубанской анималистической лексики обладает внутренней формой, мотивированной значением однокорневых общенародных или диалектных ЛЕ, входящих в активный словарь носителей КГ. Такие зоонимы синхронно мотивированы, т. е. сохраняют «живые» семантические связи со словами, бытующими в диалекте. Между тем мотивированность может быть и диахронической. В этом случае она также связана с когнитивной деятельностью человека, но проецируется на диахроническую плоскость.

Обратимся к синхронно мотивированным зоонимам, выделив признаки, ставшие основанием для народных номинаций животных. Так, в процессе когнции человек обращал внимание на внешние признаки животного, которые затем становились основанием номинации. См., напр.: *дротя'ник*, *дротя'нка* 'проволочник, личинка жука шелкуна' (имеет длинное тело с жёстким блестящим покровом, напоминающее кусочки проволоки, ср. *дрот* 'проволока', *дротяно'й* 'проволочный'); *коса'рь* 'вид паука' (туловище напоминает сенокосца); *лы'ска* 'утка лысуха' (имеет белое пятно на лбу, ср. *лы'ска* 'кличка животных с белым пятном на лбу' [ср. 7; вып. 17; с. 224]); *са'бля* 'рыба чехонь' (форма туловища напоминает изгиб сабли); *широконо'ска* 'утка-сокун' (имеет широкий клюв) и др. Частным проявлением внешнего облика является окрас животного. См., напр.: *бели'(ы)зна* 'рыба жерех' (белое брюхо); *глы'ныста(я)* 'чернеть красноносая' (по цвету оперения); *медя'нка* 'ядовитая змея, гадюка' (по медному отливу); *сыва'нь* 'чернеть красноголовая' (по цвету оперения); *кочегар'п* 'рыба бычок черного цвета' и др.

Значительное количество зоонимов мотивировано поведением животных – их повадками, действиями, движениями, функциями. См., напр.: *вертуно'к* 'голубь турман' (отличается способностью к разным маневрам в полёте), *кова'лик* 'небольшая птичка с длинным хвостом' (покачивание птицы при передвижении по земле напоминает постукивание *коваля* 'кузнеца' по наковальне), *лягу'н*, *ля'гва* 'лягушка' (ср. *ля'га* 'нога' из *ляга'ть*; передвигается прыжками, совершая характерные движения ног), *не'коть* 'не котившаяся ни разу овца, коза' (ср. *(не) котит'ься*), *подсо'с* 'телёнок, которого подпускают для кормления к корове' (ср. *соса'ть*), *самоход'дка* 'курица, которая сама ходит в поисках места для откладывания яиц или высиживания птенцов', *сиду'ха*, *сиду'шка* 'курица-наседка' (ср. *сиде'ть*), *холоду'шка* 'лягушка, которую сажали в кувшин, чтобы она охлаждала молоко и оно не скисало' (ср. *холод*, *холоди'ть*), *ша'рочка*, *шарча'*, *шарчо'нок* 'маленькая собачка с короткими лапками' (ср. *ша'ркать* 'издавать при ходьбе характерный звук') и др.

Актуальной мотивемой является характерный звук, издаваемый животным. См., напр.: *грак* 'грач' (*гра*, см. также *гра'ять* 'каркать'), *гулёнок* 'маленький голубь' (*гу'ли-гу'ли*), *ко'чет* (*ко-ко*, ср. *ко'кот*), *пац(ь)* 'кабан', *пацю'к* 'поросёнок' – (*пац(ь)-пац(ь)* 'звуки, издаваемые свиньёй во время еды', используемые и как подзывные), *чир'ка* 'чирок-свистунок' (*чирк*) и др. Разное восприятие на слух диалектоносителями голоса животного приводит к появлению структурных вариантов, как правило, фонематических. Так, овода в кубанских станицах называют *бздох*, *бздык*, *бзык*, *дзык*, *зык*.

Мотивемой отдельных зоонимов является «способ добывания пищи, действия с ней или сама пища». См., напр.: *волк* (связан с глаголом *волочить* (пойманную добычу) и отражает хищный характер этого животного [10; т. I; с. 338]), *курятник* 'коршун, охотящийся на кур', *капу'стник*, *капуст'янка* 'медведка (вредитель, который поедает капусту)'.

Действия, производимые над животным человеком, выступают мотивемой следующих ЛЕ: *ва'лух* 'кастрированный баран или козёл' (ср. *валя'ть* 'кастрировать'), *вы'поешек*, *выпойчо'нок*, *выпойчу'к*, *опоёк*, *поюно'к* 'телёнок, выкормленный с помощью соски' (ср. *пои'ть*, *вы'поить*, *пои'ть*), *стрижа'к* 'жеребёнок на третьем году жизни' (ср. *стричь*; весной перед выпуском на пастбище жеребёнку подстригают гриву и хвост), *отъёмыш* 'детёныш животного, которого отняли от матки' (ср. *отня'ть*) и др.

Мотивационным признаком для наименования некоторых животных служит их типичное местонахождение. См., напр.: *запе'чник* 'сверчок', *камышья'нка* 'мелкая водоплавающая птица' (вьёт висящее над водой гнездо, оплетая несколько стеблей камыша), *колодя'знык* 'полевой воробей' (гнездится внутри срубов колодцев и в других труднодоступных местах), *копни'к* 'крупный коршун' (часто сидит на копне и высматривает добычу), *поре'чня*, *поре'шня* 'выдра' (обитает по берегам рек), *посми'тюха* 'жаворонок хохлатый' (обитает на окраинах поселений, где скапливались кучи мусора, ср. *сми'ття* 'мусор').

Немногочисленны зоонимы, в основании которых лежит возраст животных. См., напр.: *годови'(ы)'к* 'домашнее животное в возрасте до одного года', *молодня'шка* 'молодое животное или растение', *третья'к* 'телёнок на третьем году жизни', *четверта'к* 'бык или лошадь на четвертом году жизни'.

Мотивационный признак «запах» оказался непродуктивным при образовании народных наименований животных в КГ. В наших источниках представлен один зооним – *пергузня'*, зверёк из семейства куньих, который в случае опасности из своей анальной железы (диал. *гу'зно*) распыляет в воздух крайне неприятно пахнущий секрет.

Рассмотрим зоонимы, внутренняя форма которых не осознаётся современными носителями говоров, – диахронно мотивированные зоонимы. Обращение к этимологическим словарям позволяет через выявление мотивационных оснований номинации раскрыть механизмы когнитивности. См., напр.: *жаба'к* (общеславянское *жа'ба* того же корня, что диалектное *жабьё* 'болото, топь', земноводное названо по месту обитания [ср. 10; т. II; с. 31]); *солове'йко* (суффиксальное образование от *солвь* 'серый, желтоватый', птица названа по цвету своего оперения [11; с. 420]); *ше(а)ма'йка* (от новоперсидского *šāhtāhī*, буквально 'царская рыба': *šāh* 'шах, царь' и *māhī* 'рыба' [10; т. IV; с. 402]) и др.

Отдельную группу образуют зоонимы, мотивемы которых не удаётся восстановить. Это слова с неясным происхождением, а также ЛЕ, в этимологической разработке которых отсутствует указание на мотивировочный признак, послуживший основой для номинации. Когнитивный потенциал таких лексем имеет иные реализации. Так, они могут выступать в качестве производящей базы для других слов. См., напр.: *конь* – *конёвник* 'раст. конский щавель', *копя'ка*, *копя'чка*, *копя'чий*; *соба'ка* – *собайло'*, *собача'*, *соба'шник* 'будка для собаки', *рассоба'чить* 'разорить, растащить', *рассоба'читься* 'вести себя непристойно, вызывающе'; *сула'* 'рыба судак' – *по(и)дсу'лок* 'судак небольшого размера', *сули'нный* 'относящийся к суле' и др.

В целом зоонимы достаточно активно участвуют в словообразовательных процессах. См., напр.: *ка'чка* 'утка' – *кача'тнык* 'утятник', *каченя'*, *качо'нок* 'утёнок', *качи'ный* 'утиный', *ка'чур* 'селезень'; *ко(и)т* – *ки'шка* 'кошка', *котва'* 'собир. коты', *коша'к* 'кот', *кошеня'*, *кошенёнок*, *котеня'* 'котёнок'; *курица* – *курва'* 'собир. куры', *курёнок* 'оперившийся цыплёнок', *курка* 'курица', *курник* '1) курятник; 2) птичник', *курочка* '1) уменьш.-ласк. к *курица*; 2) самка фазана', *куру'шка* 'курица-наседка', *курча'*, *курченя'* 'цыплёнок после месяца жизни, молодая курица', *курятник* 'коршун, охотящийся на кур', *кура'чий*, *кура'чий* 'куриный'; *свинья* / *свинья'* – *свина'рить* 'ухаживать за свиньями', *свина'рь*, *свин'ух*, *свиушо'к* 'хлев для свиней', *свиня'ка* 'свинья', *свиня'тина* 'свинина', *свиня'чий* 'свиной' и др. Способность зоонимов к образованию деривационных рядов различной протяженности демонстрирует когнитивный потенциал анималистической лексики, обусловленный тесным взаимодействием сельского человека с миром животных.

Многие зоонимы, функционирующие в КГ, склонны к метафоризации. В КГ наиболее продуктивными являются метафорические модели *животное* → *человек* и *животное* → *растение*, отражающие вековой духовный опыт диалектоносителей, поскольку основываются на древних верованиях и обрядовых традициях народа (см. подробнее [12]). В основе этих двух типов метафоры заложена прагматическая оценка реалий окружающей действительности, связанная с конкретными образами, вербальной реализацией которых являются диалектные наименования представителей фауны.

Употребление анималистической лексики для характеристики человека является универсальным свойством языков, а само соотношение «животное – человек» можно признать семантической универсалией [13]. Зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит «образ» животного, перенесённый на человека или другой объект, является одной из наиболее продуктивных моделей метафорической номинации. Такие метафоры обладают несомненной этнокультурной маркированностью, что обуславливает их значимость при описании ДКМ. Зооморфные метафоры системно организованы и включаются в языковую картину мира как структурированный фрагмент оценочной характеристики человека. К универсальным типологическим подвидам модели *животное* → *человек* относятся: *внешний вид животного* →

внешний вид человека (см., напр.: *буга'й* '1) бык-производитель; 2) о крупном, сильном мужчине', *бу'зев'к* '1) годовалый, подросток; 2) об упитанном малыше мужского пола', *кы'ця* '1) кошка, киска; 2) о худенькой девочке или девушке, не отличающейся хорошим аппетитом', *ла'нка* '1) большая корова; 2) о дородной, полной женщине', *шарчо'нок* '1) мелкорослая собачка; 2) о человеке небольшого роста', *штак* '1) скворец; 2) чёрный дрозд; 3) маленький мальчик; 4) армянин' и др.); *поведение животного* → *поведение человека* (см., напр.: *буга'й* '1) бык-производитель; 2) о женолюбивом человеке; 3) о мужчине с громким голосом', *ва'лук* '1) кастрированный баран или козел; 2) о неповоротливом, нерасторопном человеке', *га'ва* '1) ворона; 2) о рассеянном человеке, раззяве', *зверы'на*, *зверя'ка* '1) зверь, животное; 2) *перен.* о злом, жестоком человеке', *мы'ша* '1) мышь; 2) о юрком, быстром человеке', *цу'ченя'* '1) щенок. 2) *руг.* о молодом невоспитанном человеке' и др.); *животное* → *часть тела человека* (см., напр.: *буга'й* '1) бык-производитель; 2) большой палец'); *животное* → *обращение к человеку* (см., напр.: *ла'стиква* '1) ласточка; 2) *обычно в обрац.* ласковое название женщины, девушки, девочки', *ча'ечка* '1) небольшая чайка; 2) *обычно в обрац.* ласковое обращение к мужчине или женщине' и др.).

В отдельных случаях связь с характеристиками животного является необоснованной, что отражает субъективизм восприятия носителями говоров окружающего мира. Так, в станице Родниковской *росома'хой* называют неопрятного человека. В данном случае, вероятно, можно говорить о структурной мотивированности значения: существительное *росома'ха* включается в ряд лексем с элементом -МАХА, который в метаязыковом сознании диалектоносителей имеет экспрессивную окраску (ср. *дырома'ха* 'большая дырка', *костома'ха* 'большая кость', *о(т)чема'ха* 'отчаянный, озорной человек, сорвиголова'). Структурный компонент РОС- в семантическом диалектизме выступает в роли имеющего пейоративную окраску квазипрефикса, совмещающего значения приставки РАЗ(С)- / РОЗ(С)- «раздробление, разделение на части», «распространение действия в разные стороны» и «высшая степень проявления какого-либо качества, свойства» (ср. *растет'ха* 'неряха', *раскудла'титься* 'растрепаться, разлохматиться', *рассупо'ниться*, *расхри'статься* 'неодобр. расстегнуть на себе одежду').

Приведенные примеры подтверждают, что уподобление человека животному может иметь амбивалентную оценочную направленность. Однако ЛЕ с негативной характеристикой преобладают, в чем проявляется пессимизм – один из конститутивных признаков ДКМ. В основе зооморфной метафоры лежит зеркальный принцип: с одной стороны, в процессе метафоризации животные наделяются антропоморфными свойствами (черты характера, поведенческие особенности человека, его образ жизни), с другой – образ животного проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики (внешний вид животного, его повадки).

Метафорический перенос по модели *животное* → *растение* демонстрирует органичную связь животного и растительного мира. См., напр.: *бара'н* '1) некастрированный баран; 2) сердцевина, мякоть арбуза; 3) алоэ с узкими, скрученными листьями', *вол(в)к* '1) хищное животное, родственное собаке; 2) об арбузе или помидоре плохого качества, мякоть которого несладкая и несочная', *жере'бчик* '1) жеребёнок; 2) сорное растение, сходное с клевером', *кобы'лка* '1) *уменьш.-ласк.* к кобыла; 2) сорт сливы', *ко'злик* '1) детёныш козы; 2) козлотородник коротконосиковый', *кочетки'* '1) молодые петухи; 2) цветы ирисы'.

Менее частотны метафорические переносы по моделям *животное* → *бытовой предмет* (*гуса'к* 'большой сосуд', *козёл* 'печка', *ко'злик* 'приспособление для снятия сапог', *ко'ни* 'металлические спинки кровати', *кочетки'* '1) молодые петухи; 2) резные украшения на крыше дома'), *животное* → *явление природы* (*ведме'дица* 'созвездие Большая медведица', *козёл* 'волна при наводнении'), *животное* → *название танца* (*го'луб(ь)* 'танец, хоровод'), *животное* → *часть скелета домашних птиц* (*кобы'лка* 'спиногрудная кость домашних птиц'), *животное* → *болезнь или её проявления* (*жа'ба* '1) лягушка; 2) стоматит; 3) кандидоз, молочница во рту' (метафорический перенос в данном случае обусловлен тем, что жаба согласно древним народным поверьям считается ведьмой, приносящей болезни [ср. 10; т. I; с. 31]), *курча'та*, *цыпля'та* 'цыпки, сухость кожи конечностей') и др.

Устойчивость переносных значений можно объяснить тем, что в качестве производящей базы для метафорической деривации носители диалекта склонны выбирать привычные им образы животных, сопровождающие их в обыденной жизни.

Среди кубанских зоонимов-полисемантов выявлены ЛЕ, ЛСВ которых находятся в родо-видовых отношениях. См., напр., лексем, семантическая структура которых представляет собой гиперогипонимическую парадигму: *кома'шка* '1) муравей; 2) любая мелкая мошка', *красню'к* '1) красная рыба;

2) осётр; 2) белуга; 4) севрюга', *лоша'к*, *лошо'нок* '1) жеребёнок по второму году; 2) жеребёнок по третьему году; 3) жеребёнок'. Следует отметить, что ЛСВ-гипероним у зоонимов *лоша'к*, *лошо'нок* относится к более позднему временному периоду семантического развития слова и возник в результате постепенного стирания существенной в прошлом дифференциации жеребёнка по возрасту.

Более характерны для кубанских зоонимов-полисемантов гипо-гипонимические отношения между ЛСВ. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в роли гиперонима часто выступают общенародные слова. См., напр.: *га'ва* '1) ворона; 2) галка', *ко'чет* '1) петух; 2) фазан', *ку'рочка* '1) уменьш.-ласк. к *курица*; 2) самка фазана', *трус* '1) кролик; 2) заяц', *чи'бис* '1) чибис; 2) чайка', *ишак* '1) скворец; 2) чёрный дрозд'. Использование одной лексемы для именованья разных животных и птиц отчасти можно объяснить их внешним сходством.

Яркий пласт в лексической системе КГ составляют зооморфические глаголы – ЛЕ с двойной корреляцией, связывающие мир животных с миром человека. Участвуя в формировании ценностной картины мира, эти лексемы отражают аксиологические и эстетические нормы, принятые в диалектном сообществе. В КГ зарегистрированы зооморфические глаголы-полисеманты, у которых 1-е значение напрямую связано с конкретным животным, а 2-е является результатом переосмысления, понятного членам диалектного коллектива в силу устойчивых ассоциаций (сходство издаваемых звуков, их интенсивности, тембральной окраски, поведения, реакции на внешний раздражитель). См., например: *бреха'ть* '1) лаять; 2) врать, говорить вздор; 3) ругаться', *буне'ть* '1) реветь (о животных); 2) плакать', *воркота'ть* '1) ворковать (о голубях); 2) ласково говорить', *гогота'ть* '1) издавать резкие отрывистые звуки, похожие на звуки «го-го-го» (о гусях); 2) презр. произносить Г взрывного образования' (ср. широко бытующую на Кубани дразнилку *Гу'си гого'чут*, *го'род гори'т*, *вся'кая га'дость на «гэ» говори'т*), *куви'кать* '1) издавать визг (о свинье); 2) плакать (о ребёнке)', *ла'ять* '1) издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных); 2) ругать', *наежа'читься* '1) поднимать торчком щетину, шерсть, готовясь нападать или защищаться (о животных); 2) внутренне напрячься, готовясь к отпору', *тели'ться* '1) рожать теленка (о корове, а также о самке оленя, лося и некоторых других животных); 2) возиться, копаться, медленно делать что-л.; 3) упорно стараться сделать что-л.; 4) не телись (Не плачь, не реви (о детях))'. К зооморфическим глаголам относятся также ЛЕ, образованные на базе зоонимов и характеризующие действия человека, оцениваемые, как правило, негативно. В наших материалах зафиксированы следующие диалектные глаголы, являющиеся моносемантами: *байба'чить* 'бездельничать' (*байбак*), *прога'вить* 'прозевать, проворонить' (*га'ва* 'ворона'), *проиша'кать* 'проработать тяжело, безропотно' (*ишак*), *рассоба'чить* 'разорить, растащить', *рассоба'читься* 'вести себя непристойно, вызываясь' (*собака*).

Когнитивные особенности анималистической лексики ярко проявляются и в обрядовой сфере, где зоонимы, выступая в обрядовом значении, выполняют символьные функции. Так, во время сватовства невесту на Кубани называли *голу'бкой*, *куну'чкой*, *телу'шкой*, жениха – *го'лубем* или *бычко'м*. Обязательными на кубанской свадьбе и в наши дни являются *быки' / бугаи'* 'атрибут свадебного стола: две бутылки с горилкой, водкой или вином, связанные лентой и украшенные цветами', выступающие символом парности (в некоторых кубанских станицах их называют *па'рочкой*) и плодородия (*быки'(ы')* украшают колосьями пшеницы). Последний день свадьбы до сих пор называют зоонимами *жураве'ль* и *ку'ры*. Первая номинация связана с песней «Такы'й, такы'й жураве'ль», которую исполняли ряженые, когда ходили по станице (хутору) и славили молодую после брачной ночи. Второе название – результат метонимического переноса по модели *обрядовое блюдо* → *название последнего дня свадьбы*, в который подают куриную лапшу. Блюда из курицы присутствуют и на поминальном столе, отсюда бытующая на Кубани поговорка *Курыцы и на свайбе, и на похоронах – горэ*. Присущая обрядовой сфере зооморфная символика помогает понять этические и эстетические ориентиры диалектоносителей.

Анималистическая лексика, вербализуя зооморфный культурный код, демонстрирует его универсальность и продуктивность в ДКМ жителей Кубани. Субэтническое своеобразие мировосприятия носителей КГ проявляется в специфике реализации мотивационных признаков в синхронии и диахронии. В формировании ценностной картины мира существенную роль играют зооморфные метафоры и зооморфические глаголы, которые, представляя собой структурированный фрагмент оценочной характеристики человека, отражают нравственные и эстетические нормы диалектного сообщества. Зооморфная символика реализуется в обрядовой сфере, где зоонимы выполняют символьные функции и раскрывают аксиологические ориентиры, характерные для этнического сознания.

Библиографический список

1. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 283 с.
2. Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. 414 с. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 1992, № 47266. 414 с.
3. Андриющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир: Изд-во АГПУ, 2009. 264 с.
4. Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
5. Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир: Изд-во АГПУ, 2019. 224 с.
6. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958–1959.
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–50). М.; Л.; СПб.: Наука, 1955–2017.
8. Бондарь Н. И. Кукушка (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Бондарь Н. И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. С. 476–501.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Азбука, 1996.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
12. Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2019. 612 с.
13. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.

References

1. Krasnyh V. V. Ethnopsycholinguistics and linguistic Culturology: a course of Lectures. Moscow, 2002. 283 p.
2. Russian dialect is the Kuban / Editor E. P. SHEjninovj and E. F. Tarasenkovoij. Krasnodar, 1991, 414 p. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266. 414 p.
3. Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban. Armavir, 2009. 264 p.
4. Borisova O. G. Experience of the Kuban dialect dictionary. Krasnodar, Kuban State University, 2018. 485 p.
5. Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference. Armavir, 2019. 224 p.
6. Grinchenko B. D. Dictionary of the Ukrainian language: in 4 vol. Kiev, 1958.
7. Dictionary of Russian folk dialects / Chief editor F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1955–2017.
8. Bondar N. I. Cuckoo (materials to ethnic and cultural dictionary of the Kuban) // Bondar N. I. Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics. Krasnodar, 2019. P. 476–501.
9. Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / Editor A. P. Evgeneva. Moscow, 1985–1988.
10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol. St. Petersburg, 1996.
11. Shanskij N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. Short etymological dictionary of the Russian language. Moscow, 1971. 542 p.
12. Borisova O. G. Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro system: a model and its implementation: Dis. ... of the doctor of Philology. Krasnodar, 2018. 612 p.
13. Gak V. G. Comparative lexicology (based on the French and Russian languages). Moscow, 1977. 264 p.

УДК 8.81.811

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.51.26.015

Частное образовательное учреждение дополни-
тельного образования по изучению иностранных
языков «Скандинавская школа»

канд. филол. наук, преподаватель

Природина У.П.

Россия, Москва, тел. 8 909 959 36 23

e-mail: brasikaikea@rambler.ru

Private educational institution of additional educa-
tion for the study of foreign languages “Nordic
School”

PhD, lecturer

Prirodina U.P.

Russia, Moscow, tel. 8 909 959 36 23

e-mail: brasikaikea@rambler.ru

У.П. Природина

ЗООНИМ КАК СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ГОДОНИМОВ СТОКГОЛЬМА

В статье проводится исследование одного из сегментов топонимической системы шведского языка, а именно годонимов города Стокгольма, включающих в свой состав наименования животных. Цель исследования – установить структурно-семантические особенности избранной для изучения группы годонимов на основе анализа соотношения их с производящими словами, номинирующими различные виды птиц и млекопитающих, и показать важность избранной лексической группы в фиксации элементов шведской культуры. Актуальность статьи определяется главным образом важностью систематизированного изучения топонимов шведского языка и их лингвокультурной специфики. Избранный объект исследования рассматривается в двух ракурсах: лексикологическом и культурологическом. В первой части статьи изучаются структурно-семантические и, в частности, деривационные особенности отобранных единиц. Во второй части исследования данные наименования подвергаются культурологическому описанию, а именно, с точки зрения национально-культурного содержания, соотносимого с зоологическим компонентом годонимов города Стокгольма. Проанализированы 64 годонима города Стокгольма, производящей основой которых являются лексемы, называющие различные виды птиц и млекопитающих, имеющих важное значение в производственно-материальной деятельности шведов или представляющих определенные символы их духовной деятельности.

В работе использованы следующие методы исследования: метод наблюдения, описательный метод и метод дефиниционного анализа, метод сопоставительного анализа и метод этимологического анализа. Результаты проведенного исследования дают представление о национальных особенностях зоологического кода шведской культуры, а также вносят некоторый вклад в развитие ономастики. Статья может быть интересна специалистам в области языкознания и культурологии, преподавателям шведского языка, аспирантам и студентам лингвистического и культурологического направлений подготовки.

Ключевые слова: годоним, зооним, шведский язык, словообразовательные модели, национально-культурная специфика.

U.P. Prirodina

ZOONONYM AS A STRUCTURALLY MEANINGFUL COMPONENT OF GODONYMS IN STOCKHOLM

The article investigates one of the segments of the toponymic system of the Swedish language, namely the godonyms in Stockholm, which include the names of animals. The purpose of the study is to establish the structural-semantic features of the group of godonyms chosen for studying on the basis of analyzing their relationship with the producing words that nominate various species of birds and mammals, and to show the importance of the chosen lexical group in fixing the elements of the Swedish culture. The relevance of the article is determined mainly by the importance of a systematic study of the toponyms of the Swedish language and their linguistic and cultural specifics. The selected object of study is considered in two ways: lexicological and cultural. In the first part of the article, structural-semantic and, in particular, derivational features of the selected units are studied. In the second part of the study, these names are subjected to a cultural description, namely, from the point of view of the national-cultural content, which is correlated with the zoological component of the godonyms in Stockholm. 64 godonyms in Stockholm are analyzed, the production basis of which are lexemes that name various species of birds and mammals, which are important in the production and material activities of the Swedes or represent certain symbols of their spiritual activity.

The following research methods were used in the work: observation method, descriptive method and method of definition

analysis, comparative analysis method and etymological analysis method. The results of the study give an idea of the national features of the zoological code of the Swedish culture, and also make some contribution to the development of onomastics. The article may be of interest to specialists in the field of linguistics and cultural studies, teachers of the Swedish language, postgraduate students and students of linguistic and cultural studies.

Key words: godonym, zoononym, the Swedish language, word-building models, national-cultural specificity.

Данное исследование – определенный этап описания топонимической системы шведского языка, позволяющий составить представление о закономерностях и своеобразии номинации топонимических объектов в определенной лингвокультуре. В годонимах эксплицируются результаты исторического и культурного развития общества, разных типов деятельности народа; отражается важный для жизнедеятельности населения окружающий мир. Как отмечает А.В. Суперанская, названия улиц в большей мере, чем наименования городов, подвержены различным общественным и культурным влияниям [1; с. 130], и потому в них фиксируются различные моменты культурной истории народа.

Шведские исследователи предлагают общий перечень названий годонимов города Стокгольма, состоящий из 121 лексико-тематической группы: «профессии», «церковь и ее служители», «пекари и кондитерские изделия», «выдающиеся врачи», «ремесленники», «табакокурение», «драгоценности», «охота», «бега», «рыболовные снасти», «растения», «грибы», «камни», «архитектура», «обувь», «зима и зимние виды спорта», «скандинавские писатели», «шведские женщины», «Финляндия», «Норвегия», «Дания», «Швеция в древнее время и Средние века» и др. [2; с. 16–19]. В данной работе мы рассмотрим следующие категории: «птицы» и «морские птицы», «млекопитающие, обитающие в Швеции», на примере 64 годонимов, содержащих названия различных видов птиц (31 лексема) и млекопитающих (34 слова), играющих серьезную роль в представлении национально-специфичных компонентов шведской культуры.

Для анализа в рамках настоящей статьи мы отобрали лексемы, содержащие компоненты *-gata* ‘улица’, *-gränd* ‘переулок’, *-väg* ‘дорога; путь, маршрут’, *-backe* ‘холм; горка, пригорок; склон; земля’, *-stig* ‘тропинка, тропа’, *-gård* ‘двор; хутор, усадьба, дом’. Причиной такого ограничения является специфика проявления их семантики в производных словах, особенности словообразования и культурная ценность топонимических объектов, с которыми они соотносятся.

В ходе анализа предполагается решить следующие задачи:

- 1) собрать и систематизировать годонимы Стокгольма по письменным источникам и соотнести их с современной картой города;
- 2) определить частотные словообразовательные модели годонимов Стокгольма;
- 3) выявить тенденции представления в исследуемой лексической группе национально-культурного содержания ряда годонимов Стокгольма на основе имеющихся культурно-исторических данных.

В ходе сбора материала для исследования использован общенаучный метод наблюдения, позволивший отобрать репрезентативную группу годонимов приемом сплошной выборки из современной детальной карты города [3] и других шведских источников *Stockholms gatunamn* [2], *Uppliv Sverige. En guide till upplevelser i hela landet* [4]. В изучении существенных свойств избранной для анализа лексики использован метод описания и дефиниционный анализ на основе данных лексикографических источников. В аргументации культурной значимости годонимов применяется сравнение и этимологический анализ.

Определены два типа словообразования годонимов, содержащих названия птиц и животных:

1. Словосложение (97,8% проанализированного материала).
2. Словосочетание (3,1% проанализированного материала).

Выделяются следующие словообразовательные модели:

1. Существительное, обозначающее птицу / млекопитающее + существительное *väg, gränd, stig, backe*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (42,1%): *Domherrevägen* (Думхерревэген, *domherre* ‘снегирь’), *Ejdervägen* (Эйдервэген, *ejder* ‘гара’), *Fasanvägen* (Фасанвэген, *fasan* ‘фазан’), *Hägervägen* (Хэгервэген, *häger* ‘цапля’), *Rapphönsvägen* (Раппхёнсвэген, *rapphön* ‘серая куропатка’), *Rödhavevägen* (Рёдахкевэген, *rödhave* ‘малиновка-зарянка’), *Mårdvägen* (Мордвэген, *mård* ‘куница’), *Sobelgränd* (Собельгрэнд, *sobel* ‘соболь’), *Bävervägen* (Бэвервэген, *bäver* ‘бобр’), *Utterstigen* (Уттерстиген, *utter* ‘выдра’), *Älgstigen* (Элгстиген, *älg* ‘лось’), *Lostigen* (Лустиген, *lo* ‘рысь’), *Rävstigen* (Рэвстиген, *räv* ‘лиса’), *Örnbacken* (Эрнбаккен, *örn* ‘орел’) и др.

В рамках данной группы можно выделить годонимы, которые образуются по следующей модели:

существительное, обозначающее птицу + существительное *gränd*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (3,1%): *Kattgränd* (Каттгрэнд, *katt* ‘кошка’), *Korpgränd* (Корпгрэнд, *korp* ‘ворон’).

2. Существительное, обозначающее птицу / млекопитающее + интерфикс -s + существительное *gata*, *väg*, *stig*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (15,6%): *Tornfalksvägen* (Турнфальксвэген, *tornfalk* 'обыкновенная пустельга'), *Gulsparvsvägen* (Гульспарвсвэген, *gulspurv* 'овсянка'), *Hackspettsvägen* (Хакспеттсвэген, *hackspett* 'дятел'), *Havsörnsvägen* (Хавсёрнсвэген, *havsörn* 'орлан-белохвост'), *Mullvadsvägen* (Мульвадсвэген, *mullvad* 'крот'), *Vildkattsvägen* (Вильдкаттсвэген, *vildkatt* 'дикая кошка'), *Grävlingvägen* (Грэвлингсвэген, *grävling* 'барсук'), *Igelkottsvägen* (Игелькоттсвэген, *igelkott* 'еж'), *Stenbocksgatan* (Стенбоксгатан, *stenbock* 'горный козел'), *Rådjurestigen* (Роюрссстиген, *rådjur* 'косуля').

В рамках данной группы можно обозначить годоним, который образуется по следующей модели:

существительное, обозначающее млекопитающее + интерфикс -s + существительное *gränd*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (1,6%): *Enhörningsgränd* (Энхёрнингсгрэнд, *enhörning* 'единорог').

3. Существительное, обозначающее птицу / млекопитающее (без сохранения гласной на конце слова) + интерфикс -s + существительное *väg*, *gränd*, *stig*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (4,7%): *Morkullsvägen* (Моркулльсвэген, *morkulla* 'вальдшнеп'), *Snöripsvägen* (Снёрипсвэген, *snöripa* 'белая куропатка'), *Järpstigen* (Ерпстиген, *järpe* 'рябчик').

В рамках данной группы можно выделить годоним, образованный по следующей модели:

существительное, обозначающее птицу (без сохранения гласной на конце слова) + интерфикс -s + существительное *gränd*, образующие сложное существительное (1,6%): *Sothönsgränd* (Сотхёнсгрэнд, *sothöna* 'лысуха').

4. Существительное, обозначающее птицу / млекопитающее (без сохранения гласной на конце слова) + существительное *väg*, *gränd*, *stig*, *backe*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (9,4%): *Ripstigen* (Рипстиген, *ripa* 'куропатка'), *Ekorrvägen* (Экоррвэген, *ekore* 'белка'), *Tranbacken* (Транбаккен, *trana* 'журавль'), *Talgoxvägen* (Тальгоксвэген, *talgoxe* 'синица'), *Kråksätrabacken* (Кроксэтрабаккен, *kråka* 'ворона'), *Kråksätrastigen* (Кроксэтрастиген, *kråka* 'ворона').

Данная группа содержит годоним, образованный по принципу:

существительное, обозначающее птицу (гласная на конце слова переходит в другую гласную) + существительное *väg*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (1,6%): *Vesslevägen* (Весслевэген, *vessla* 'ласка').

5. Существительное, обозначающее млекопитающее *björn* 'медведь' в родительном падеже + сложное существительное, одна из основ которого *gränd*, *gård*, образующие словосочетание (3,1%): *Björns Trädgårdsgränd* (Бьёрнс Трэдгордсгрэнд), *Björns Trädgård* (Бьёрнс Трэдгорд).

6. Существительное, обозначающее млекопитающее *björn* 'медведь', птицу *örn* 'орел' + сложное существительное, одна из основ которого *gata*, *väg*, *gränd*, *stig*, *backe*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (15,6%): *Björnlundavägen* (Бьёрнлундавэген), *Björnmossevägen* (Бьёрнмоссесвэген), *Björnbodavägen* (Бьёрнбодавэген), *Björngårdsgatan* (Бьёрнгордсгатан), *Björnnäsbacken* (Бьёрннэсбаккен), *Björnnäsvägen* (Бьёрннэсвэген), *Björnskogsgränd* (Бьёрнскугсгрэнд), *Björngårdsbrunnsgatan* (Бьёрнгордсбруннгатан), *Örnsbergsstigen* (Эрнсбергсстиген), *Örnsbergsvägen* (Эрнсбергсвэген).

В рамках данной группы можно выделить единичный годоним, который образуется по следующей модели: существительное, обозначающее млекопитающее *björn* 'медведь' в составе сложного существительного + существительное *väg*, образующие сложное существительное с определенным постпозитивным артиклем (1,6%): *Björnflokevägen* (Бьёрнфлокевэген, *björnfloka* 'борщевик обыкновенный').

В ходе исследования мы выявили единичный пример с топоосновой *-spår* 'след; лыжня; железнодорожный путь; дорожка': *Harspåret* (Харспорет, *hare* 'заяц'). В силу непродуктивности указанной топоосновы она не учитывалась при анализе словообразовательных моделей и определении этимологического и культурологического наполнения годонима, в состав которых эта основа входит.

В рамках изучения лингвокультурной специфики рассматриваемой группы годонимов, следует отметить, что фауна Швеции представлена преимущественно лесными обитателями, наиболее распространенные из них – лось, косуля, лисица, лесная куница, белка, заяц. В таежных лесах Норрланда (*Norrland*) обитают рыси, бурые медведи, росомахи. В заполярных районах Лапландии (*Lappland*) часто встречается дикий северный олень, а в лесопарках на юге страны – европейский олень [5; с. 145]. На юге Швеции попадаются ежи и барсуки [6; с. 13]. Стокгольм считается одним из самых экологически чистых европейских городов. Не удивительно, что многих диких животных можно заметить в пределах городской черты: зайцев-русаков, белок, ежей, барсуков, косуль [7; с. 188]. Кроме того, в Швеции насчитывается около 340 видов птиц. Ряд

названий млекопитающих и разных видов птиц, включая, морские виды, отчетливо прослеживаются в названиях годонимов г. Стокгольма, например: *vråk* 'канюк' – *Vråkstigen* (Врокстиген), *stork* 'аист' – *Storkvägen* (Сторквэген), *hök* 'ястреб' – *Hökvägen* (Хёквэген), *blåmes* 'синица-лазоревка' – *Blåmesstigen* (Бломесстиген), *fiskmå*s 'чайка' – *Fiskmåsvägen* (Фискмосвэген), *hermelin* 'горноста́й' – *Hermelinstigen* (Хермелинстиген), *grip* 'грифон' – *Gripvägen* (Грипвэген), *iller* 'хорек' – *Illerstigen* (Иллерстиген), *varg* 'волк' – *Vargstigen* (Варгстиген), *vaktel* 'перепел' – *Vaktelstigen* (Вактельстиген), *ren* 'северный олень' – *Renstigen* (Ренстиген), *björn* 'медведь' – *Björnstigen* (Бьёрнстиген). Наиболее частотными компонентами годонимов считаются млекопитающее *björn* 'медведь' (36,4%) и птица *örn* 'орел' (9,7%).

Как отмечает В.Е. Орел, ранние цивилизации единодушно признавали орла символом бога. Он являлся священной птицей бога Одина. Издревле эта птица символизировала военную власть. Во многих культурах орел ассоциировался со священной птицей, поэтому большинство древних представлений об этом животном дошли до наших дней. Чаще всего орел олицетворяет величие, победу, мужество, власть, отвагу. А в качестве символа победы, орел занимает прочное место в геральдике многих стран. В настоящее время изображение орла украшает гербы и государственные флаги многих государств: Германии, Польши, России, Австрии и др. [8; с. 333–336]. На большом королевском гербе Швеции также присутствует орел.

В мифах и легендах европейских народов спутником богов часто выступал еще один представитель животного мира – медведь, который символизировал силу и стойкость. В скандинавской мифологии медведь был воплощением бога Одина, бога грома и молний Тора и богинь лунной воды [8; с.181–182]. Данная информация свидетельствует о наличии определенной связи названий ряда годонимов г. Стокгольма, в качестве производящей основы которых выступают названия птиц и млекопитающих, с мифологией. Исследование подобной связи представляется особенно актуальным, поскольку позволяет установить национально-культурную специфику годонимов. В Стокгольме представлен ряд годонимов, в основе которых встречаются имена скандинавских богов и богинь:

- *Frejgatan* (Фрейгатан). Фрейя – богиня любви, покровительница плодородия, урожая и красоты.

- *Odengatan* (Уденгатан). Один – верховный бог, божество неба, покровитель воинской доблести, бог мудрости и священного знания.

- *Torsgatan* (Торсгатан), *Torsgränd* (Торсгрэнд), *Torsplan* (Торсплан). Тор – сын Одина, бог грома и молнии, бури и плодородия, защитник богов, людей и др.

Кроме того, встречаются имена богов из других мифологий:

- *Artemisgatan* (Артемисгатан). Артемида – в древнегреческой мифологии богиня охоты и зверей.

- *Dianavägen* (Дианавэген). Диана – в римской мифологии богиня растительного и животного мира, охоты.

Последние два примера представлены в лексико-тематической группе «охота», которая ассоциативно связывается с группами, анализируемыми в статье. Так, распространенным промыслом для средневековой Швеции являлась охота на пушного зверя. Охотой занимались в северных районах страны, где преобладали обширные леса. Там добыча пушныны издревле входила в число главных занятий местного населения – «лесных людей» (*skogsmän*, *skogskarlar*), как называли тогда охотников за зверем и птицей. Крестьяне носили дешевые меха (белки, волки, барса, лося, оленя, лисы, зайца, медведя), городские патриции и знатные горожане – более дорогие (куницы, горноста́я, бобра, ласки, высшие сорта белки) [9; с. 246].

В процессе развития цивилизации боги в образе животных постепенно уступали места антропоморфным богам или бестелесным субстанциям. Тем не менее, в любой религии боги воплощались в животных. В мифологии многих народов практически все верховные боги изображены в образах животных или им приписываются атрибуты животных [8; с. 28]. В скандинавской мифологии это, например, Фрейя – кошка, лошадь, сокол, боров, медведь, заяц, свинья; Один – орел, сокол, ворон, волк, собака, медведь, лошадь; Тор – коза, дрозд, медведь. «Как правило, Одина опознают ... по чудесному восьминогому коню Слейпниру или же по сопровождающим верховного бога воронам и волкам» [10; с. 84]. «Священные животные Тора – козлы, двое козлов влекут его упряжку, их имена – Тангниостр и Тангриснир; в том, что бог грозы владеет козлами, исследователи видят причастность бога-громовника к плодородию (козел – олицетворение любострастия и земного плодородия)» [10; с. 93].

Этимология большинства годонимов города Стокгольма, в основе которых лежат названия птиц и млекопитающих, не вполне прозрачна: *Ekorberget*, *Ekorrvägen*, *Mullvadsvägen*, *Enhörningsgränd*, *Grävlingvägen*, *Igelkottsvägen*, *Gripvägen*, *Björnstigen* и др. Именования топографических объектов, возможно, мотивировано обитанием / распространением в древности тех или иных птиц и животных на этих территориях. С определенной степенью достоверности возможно установить этимологию только некоторых го-

донимов. Например, существование в прошлом *Björngården* на углу нынешних улиц *Sankt Paulsgatan* (Санкт-Паулсгатан) и *Björngårdsgatan* послужило причиной появления названия последней в 1663 г. *Björngård* – специальный двор, где держали медведей, участвовавших в представлениях, кровавых забавах, танцах. В те времена так называемые медвежьи потехи являлись одной из распространенных форм народного развлечения. А вот название *Vargstigen* говорит о том, что в той местности раньше были распространены волки. Нередки случаи, когда четко прослеживается связь годонимов с другими названиями местности, например, *Örnbacken* и *Örnberg* (Эрнсберг) (1741), который изначально был *-torp* ('торп, хутор, земельный надел') под *Årsta* (Орста). В 1740 г. эти земли приобрел в собственность стокгольмский купец *Nils (Niclas) Öhrn* (Нильс (Никлас) Эрн). *Björnmossevägen*, *Björnbodavägen*, *Björnskogsgränd* (Бьёрнскугсгрэнд) тоже получили название от *Björnboda* (Бьёрнбода) – хутор под деревней Винста (*Vinsta*) [2; s. 230, 343, 644].

До 1954 г. улица *Björnnäsvägen* называлась *Uggelvägen* (Уггельвэген). *Björnnäsvägen* образована от названия *Björnnäset* (*näs* 'перешеек', 'мыс'), причем первая часть слова указывает на то, что когда-то там водились медведи. Если взглянуть на карту Юргордена (*Djurgården*) 1649 г., то становится понятно, что *Björnnäset* – полуостров на севере, востоке и юге окружали озера Ладувикен (*Laduviken*), Хусарвикен (*Husarviken*) и Угглевикен (*Uggleviken*), которые в то время образовывали единую водную систему [2; s. 141]. Как отмечает Б. Памп, большинство ученых, исследующих топонимы, согласны, что древнегерманское слово *torp* обозначает 'ограждение, огороженное место' (ср. с родственным латинским словом *trabs* 'балка, брус, бревно'). Из этого значения родилось другое – 'огороженная местность' – 'пастбище' – 'поселение' (находящееся на пахотной земле). Что же касается многих шведских наименований на *-torp*, появившихся еще до периода новейшей истории, можно предположить, что они обозначали 'поселение; участок, который был перемещен' [11; s. 133].

Зачастую, когда речь заходит об элементах городской инфраструктуры, обеспечивающих проезд городского транспорта и жизнедеятельность людей, в годонимах используется топооснова *-gata*. При обозначении сооружений, устанавливающих транспортные связи между разными объектами и населенными пунктами, в годонимах присутствует топооснова *-väg*. Предположительно, в названиях улиц с компонентом *-backe*, расположенных на холмистой местности, отразился неровный рельеф города. Изначально древнешведское слово *gränd* подразумевало 'соседство' и 'соседи', потом оно стало обозначать небольшую улочку и современный *gränd* 'переулок' сохраняет только это значение [12; с. 162]. Топооснова *-stig* преимущественно встречается в названиях пешеходных дорог в парковых зонах. Анализ урбанонима *Björns Trädgård* показал, что топооснова *-gård* входит в состав сложного существительного и обозначает 'сад'. Удалось выявить, что распространенной топоосновой годонимов является *-väg*. Она входит в состав 48,4% названий городских объектов, в то время как количество годонимов с топоосновой *-stig* составляет 26,5%, *-backe* – 7,8%, *-gränd* – 10,9%, *-gata* – 4,7%, *-gård* – 1,6% названий.

Антропонимическая и топонимическая номинации находятся в тесной взаимосвязи. Тому подтверждение годоним *Stenbocksgatan*. Без предварительных этимологических изысканий можно прийти к ошибочному выводу, что своему названию улица обязана распространению определенного вида животных на данной территории. В то время как Стенбоксгатан названа в честь Магнуса Стенбока (1663–1717) (*Magnus Stenbock*), шведского графа, полководца, известного прежде всего своим вкладом в битву под Хельсинборгом в 1710 г. Нельзя не учитывать тот факт, что названия животных и птиц довольно распространены среди шведских имен и фамильных антропонимов. Данный пример наглядно показывает, что это обстоятельство требует особо тщательного анализа годонимов. Теперь перейдем к другим примерам: годонимы *Björns Trädgårdsgränd*, *Björns Trädgård* названы в честь Карла Фредрика Бьёрна (*Karl Fredrik Björn*) (1855–1915), более известного по прозвищу Богатый Бьёрн (*Rike Björn*), который завещал большие суммы денег научным, культурным и социальным институтам. Он очень интересовался ботаникой, и сделал свой сад образцом для подражания. Сад он получил в наследство от своих родителей Карла Густафа Бьёрна (*Carl Gustaf Björn*) (1823–1888) и Юханны Фредрики (*Johanna Fredrika*), девичья фамилия *Bergqvist* (Бергквист) [2; s. 230]. Некоторые наименования, содержащие компонент *-backe*, не обязательно имеют отношение к названиям улиц. Например, слово *Lejonbacken* обозначает склон, спускающийся от северного входа в Королевский дворец города Стокгольма. Склон *Львиный спуск* назван в честь двух установленных на нем скульптур бронзовых львов, являющихся символами шведской монархии. Данный пример наглядно показывает, что для установления вида каждого конкретного годонима требуется тщательный этимологический анализ.

Таким образом, анализ годонимов города Стокгольма, производящей основой которых являются лексемы, называющие различные виды птиц и млекопитающих, позволил определить следующее:

1. Годонимы города Стокгольма, входящие в лексико-тематические группы «птицы», «морские птицы», «млекопитающие, обитающие в Швеции», как правило, образованы от существительных, обозначающих птицу / млекопитающее + существительное *väg, gränd, stig, backe*. В результате этого процесса образуется сложное существительное.

2. Национально-культурный компонент годонимов Стокгольма определяется символикой животных и мифами, связанными с животными, названия которых являются производящими по отношению к анализируемым лексемам.

3. Годонимы с частотной зоонимической производящей основой опосредованно отражают разнообразие животного мира и его значительную роль в деятельности этноса.

4. Представленные годонимы города Стокгольма требуют тщательной этимологической проработки с целью (1) определения первоначального содержания годонима – его этимона (например, с топоосновой - *backe*); (2) изучения связи между топонимической и антропонимической системами шведского языка; (3) анализа культурологической составляющей годонимов.

5. Такие частотные деривационные компоненты в годонимах города Стокгольма, как *björn* ‘медведь’ и *örn* ‘орел’, с одной стороны, подчеркивают универсальность содержания обозначаемых ими символов, воплощающих определенные признаки мира животных, с другой – выявляют некоторые национально-культурные особенности шведской топонимии, отражающей специфику мировосприятия и культурно-исторической деятельности шведов.

Библиографический список

1. Суперанская А.В. Имя – через века и страны / отв. ред. Э.М. Мурзаев. М.: КомКнига, 2010. 192 с.
2. Stahre N.-G., Fogelström P.A., Ferenius J., Lundqvist G. Stockholms gatunamn. Stockholm: Stockholmia förlag, 2005. 733 s.
3. Карта г. Стокгольма. URL: http://euro-map.com/karty_shvecii/stokgolm/podrobnaya-karta-stokgolma-s-dostoprimechatelnostyami.jpg (дата обращения – 12.06.2020).
4. Ottosson M., Ottisson Å. Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm: Bonnier Fakta, 2010. 528 s.
5. Страны и народы: науч.-попул. геогр.-этногр. изд. в 20-ти т. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа / редкол.: В.П. Максаковский, С.А. Токарев (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1981. 269 с.
6. Хвостова Д.О. Страны мира: полный энциклопедический справочник. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 224 с.
7. Чеснокова Т.А. Стокгольм времен Астрид Линдгрен. История повседневности. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012. 216 с.
8. Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. Х.: Гуманитарный Центр, 2013. 592 с.
9. Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок Швеции. XIII–XV вв. М.: Издательство «Наука», 1980. 400 с.
10. Королев К.М. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 592 с.
11. Pamp B. Ortnamnen i Sverige. Lund: Studentlitteratur, 2007. 200 s.
12. Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка: учебное пособие / под ред. А.В. Савицкой. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 240 с.

References

1. Superanskaya A.V. Name – through the centuries and countries / ed. by E.M. Murzaev. M., 2010. 192 p.
2. Stahre N.-G., Fogelström P.A., Ferenius J., Lundqvist G. Stockholms gatunamn. Stockholm, 2005. 733 s.
3. Map of Stockholm. URL: http://euro-map.com/karty_shvecii/stokgolm/podrobnaya-karta-stokgolma-s-dostoprimechatelnostyami.jpg
4. Ottosson M., Ottisson Å. Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm, 2010. 528 s.
5. Countries and peoples: scientific popul. geo-ethnographic ed. in 20 vol. Foreign Europe. General review. Northern Europe / ed. board: V.P. Maksakovsky, S.A. Tokarev (ed.) and others. M., 1981. 269 p.
6. Khvostova D.O. Countries of the world: a complete encyclopedic guide. M., 2007. 224 p.
7. Chesnokova T.A. Stockholm from the time of Astrid Lindgren. The story of everyday life. M., 2012. 216 p.
8. Orel V.E. Culture, symbols and wildlife. Kharkov, 2013. 592 p.
9. Svanidze A.A. The medieval city and market of Sweden. XIII–XV centuries. M., 1980. 400 p.
10. Korolev K.M. Norse mythology: Encyclopedia. M., 2007. 592 p.
11. Pamp B. Ortnamnen i Sverige. Lund, 2007. 200 s.
12. Maslova-Lashanskaya S.S. Swedish lexicology: textbook / ed. by A.V. Savitskaya. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg, 2011. 240 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.72.99.016

*Южный федеральный университет
Старший преподаватель кафедры немецкой
филологии ИФЖуМКК
Теселкина О.Е.
Россия, г. Ростов-на-Дону
e-mail: oteselkina@sfedu.ru*

*Southern Federal University
The Chair of the German Philology IPJ&IC
Senior Lecturer
Teselkina O.E.
Russia, Rostov on Don
e-mail: oteselkina@sfedu.ru*

О.Е. Теселкина

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ФРИША «MEIN NAME SEI GANTENBEIN»)

Статья посвящена анализу структуры литературной коммуникации как многоуровневого явления. В коммуникативно-прагматическом аспекте рассматривается коммуникация двух уровней: экстра- и интратекстуальная коммуникация реальный/ абстрактный автор – реальный/ абстрактный читатель на примере поздней прозы М. Фриша – романе „*Mein Name sei Gantenbein*“. Цель статьи – решение следующих задач: 1) описать коммуникативную модель художественного текста; 2) проанализировать коммуникативную ситуацию нарративного текста; 3) реконструировать коммуникативное намерение автора произведения. Анализ нарративного текста производится с позиции контекстуалистской нарратологии – основным предметом анализа текста выступает продуцирование и восприятие дискурса. С прагмалингвистической точки зрения целесообразно рассматривать абстрактного автора, учитывая при этом экстралингвистические аспекты продуцирования и восприятия художественного текста. Реконструкция интенций и стратегий автора выступает имманентной данному конкретному тексту: текст понимается как документ коммуникативной интенции автора вербализировать внутренний мир человека как личности, коммуникативная стратегия автора – ассоциативный монтаж.

Ключевые слова: нарративный текст, многоуровневая коммуникация, экстратекстуальная коммуникация, интратекстуальная коммуникация, коммуникативная ситуация, интенция автора, автор, читатель, контекстуалистская нарратология, ассоциативный монтаж.

О.Е. Teselkina

STRUCTURING OF A FICTIONAL TEXT IN THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY M. FRISCH «MEIN NAME SEI GANTENBEIN»)

The article deals with the structure-analysis of literary communication as a multilevel phenomenon. In the communicative-pragmatic aspect the communication of two levels is considered: extra- and intratextual communication real / abstract author - real / abstract reader on the example of the late prose of M. Frisch – novel „*Mein Name sei Gantenbein*“. The purpose of the article is to solve the following tasks: 1) to describe the communicative model of the fiction text; 2) to analyze the communicative situation of the narrative text; 3) to reconstruct the communicative intention of the author of the work. The narrative text is analyzed from the perspective of contextual narratology - the main subject of text analysis is the production and perception of discourse. From a pragmalinguistic point of view it is advisable to consider an abstract author taking account of the extralinguistic aspects of the production and perception of a fiction text. The reconstruction of the author's intentions and strategies is inherent to this particular text: the text is understood to mean a document of the communicative intention of the author to verbalize the man's

mental world as a personality, the communicative strategy of the author is the associative montage.

Keywords: narrative text, multilevel communication, extratextual communication, intratextual communication, communicative situation, author's intention, author, reader, contextual narratology, associative montage.

В современных лингвистических исследованиях учёные всё чаще обращаются к анализу литературных произведений, являющихся примером фиксированной многоуровневой коммуникации (Зиньковская А.В.; Пекарская И.В., Пелёвина Н.Н.; Прохоров Е.Ю.; Сырица Г.С.; Зальцманн, М.). Прагматический аспект художественного текста, который заключается «не только в передаче определённой информации, но и в определённом воздействии на читателя» [1; с.18], вызывает интерес у лингвистов. Актуальность проводимого нами исследования заключается в выборе такого художественного текста, который заслуживает внимания как сложная структура многоуровневой коммуникации. Художественные тексты коммуникативно-ориентированы, поскольку предполагают читателя как реципиента. При этом нарративный текст рассматривается исследователями как особый вид коммуникации создателя текста (автора) и реципиента текста – (читателя) [2].

Целью статьи является анализ коммуникативной ситуации на структурном уровне «автор – читатель» в нарративном тексте на примере романа швейцарского писателя Макса Фриша „Mein Name sei Gantenbein“ [3]. В связи с поставленной целью в рамках настоящей статьи будет представлено решение следующих задач: 1) описать коммуникативную модель художественного текста; 2) проанализировать коммуникативную ситуацию нарративного текста; 3) реконструировать коммуникативное намерение автора произведения.

Материалом исследования является произведение швейцарского классика Макса Фриша „Mein Name sei Gantenbein“ [3]. Реальная историческая личность Макс Фриш, имевший достаточно разнообразный жизненный опыт – архитектора, журналиста, писателя, многократно менялись его спутницы жизни и места проживания, как будто воплотил этот опыт в своем романе. Роман „Mein Name sei Gantenbein“ М. Фриш [3] начал писать в 1960, работа над ним продлилась три года. Этот роман исследователи относят к зрелому периоду творчества автора и включают в трилогию „Stiller“, „Homo faber“, „Mein Name sei Gantenbein“. Первая версия романа, оконченная в мае 1963 года, была названа «Lila oder Ich bin blind». В 1964 году роман был опубликован в издательстве Suhrkamp Verlag и носил название „Mein Name sei Gantenbein“. Книга стала бестселлером в Германии и нашла отклик в многочисленных критических статьях в немецкой прессе. Так, Х.Майер в «Die Zeit» опубликовал «Новый взгляд на г. Гантенбайна. Заметки к новому роману М. Фриша», в которых он устанавливает прямую связь данного произведения с ранней драмой Ф. Дюрренматта о слепом герцоге, цитируя «Дневники 1946-1949» самого М.Фриша, и с серией его драм («Дон Жуан», «Андорра») [4]. С критикой на критику Х. Майера выступает М. Рейх-Раники: он говорит о невозможности оценки нового романа М.Фриша с позиций собственной интерпретации текста [5].

Рассмотрим нарративный текст Макса Фриша „Mein Name sei Gantenbein“ как многоуровневую коммуникацию. С точки зрения лингвистики текста нарративный текст понимается как неделимое, имеющее начало и конец высказывание, определённое единой интенцией – ткань текста является формально-языковой характеристикой текста, в которой эксплицированы и «документированы» коммуникативные интенции автора [6]. В связи с тем, что междисциплинарность является характерной чертой современного исследования нарративного текста, то анализ целесообразно проводить с позиции контекстуалистской нарратологии, где основным предметом анализа текста выступает продуцирование и восприятие дискурса [7], поэтому при реконструкции некоей «реальной» коммуникативной ситуации следует принимать во внимание, что автор находится под влиянием исторических, культурных, политических и социальных событий своего времени. Теснейшая взаимосвязь коммуникации и культуры обуславливает перенос терминологии и моделей теории коммуникаций на сферу культуры [8]. Всё это объясняет существование нескольких уровней коммуникаций в художественном произведении, описание которых будет представлено ниже.

Опираясь на коммуникативную модель художественного текста М. Зальцманн [9], мы будем учитывать основные критерии и участников литературной коммуникации на следующих четырёх уровнях:

уровень 1 – экстратекстуальная или прагматическая (реальная) коммуникация: реальный автор – реальный читатель;

уровень 2 – интратекстуальная коммуникация: абстрактный автор – абстрактный читатель;

уровень 3 – фиктивная коммуникация: рассказчик – фиктивный или гипотетический читатель;

уровень 4 – нарративная коммуникация: рассказчик – остальные персонажи произведения [9].

В соответствии с данной схемой коммуникативной ситуации литературного текста на примере романа М. Фриша „Gantenbein“ можно рассмотреть в рамках оппозиции автор – читатель на уровнях: *реальная*

коммуникация: *реальный автор – реальный читатель* и **инtratекстуальная коммуникация:** *абстрактный автор – абстрактный читатель*.

Экстратекстуальная коммуникация уровня 1 (*реальная коммуникация: реальный автор – реальный читатель*). Этот уровень коммуникации является реальной коммуникативной ситуацией, где участники коммуникации – реальная историческая фигура писателя как продуцента текста (М. Фриш) и всего того изменяющегося во времени круга реальных читателей данного конкретного произведения (роман „*Mein Name sei Gantenbein*“), а следовательно и все сопутствующие характеристики коммуникативной ситуации: авторские интенции, культурный контекст, жанровые и стилистические особенности языкового сообщения (нарративного текста), референции между языковыми символами и их денотатом, дискурс текста, стратегии и тактики автора.

Анализируя коммуникацию нарративного текста, мы не можем исключить некое философствование, поскольку, реконструируя «реальную» интенцию и прагматическую ситуацию, исследователи находятся под влиянием теорий, культурных, политических и социальных тенденций своего времени. Следовательно, необходим и второй уровень коммуникации – инtratекстуальная: *уровень 2 – коммуникация абстрактный автор – абстрактный читатель*. Согласно М. Зальцманн этот абстрактный коммуникативный уровень представляет собой некий «теоретический конструкт» [9; с. 23], который необходим, чтобы текст понимался как документ коммуникативной интенции, реконструирующий участников коммуникации: абстрактного автора и абстрактного читателя. «Абстрактный автор – это реальный автор, абстрагированный от индивидуальных случайностей своей эмпирической личности» [9; с.23]. Он редуцируется на этом уровне до автора данного конкретного текста.

Абстрактный или имплицитный автор ответственен за выбор художественного и речевого жанра, которые в свою очередь диктуют правила коммуникативной ситуации (язык, система литературных жанров). *Абстрактный или имплицитный читатель* – это предполагаемый автором реципиент данного конкретного текста, то есть *читатель* подразумевает определённого текстовой структурой реципиента, реакция которого обуславливается языковыми и структурными сигналами текста.

В отличие от абстрактного автора имплицитный читатель не является абстракцией реальной личности. Здесь речь идёт о реципиенте – абстрактном читателе времени, когда был опубликован романа, чьё коллективное сознание стремилось жить дальше, заново строить свою жизнь после «краха цивилизации» во время Второй мировой войны. Но и данный политический аспект интенции следует тогда приписывать скорее абстрактному автору этих конкретных текстов, чем личности писателя М. Фриша, который был не чужд политике, но никогда не высказывал намерения политизировать эти конкретные тексты. Напротив, немецкие исследователи выделяют М. Фриша в числе немногих авторов нарративного жанра, которые обратились к внутреннему миру человека как личности, не затрагивая исторический политический аспект (в отличие от драматических произведений М. Фриша, которые вскрывают политические и гражданские проблемы социума) [6].

Поскольку следующие уровни не являются предметами анализа в данной статье, приведём их описание лишь в кратких чертах как неотъемлемую часть коммуникативной модели художественного произведения: *уровень 3 – фиктивная коммуникация: рассказчик – фиктивный или гипотетический читатель*. Нарративный текст (в отличие от драмы, например) характеризуется так называемой «опосредованной» коммуникацией, включающей в себя рассказчика, его рассказ и фиктивного или гипотетического читателя. Ситуация литературного речевого акта отличается от прагматического речевого акта необусловленностью коммуникативной ситуации, то есть фиктивная коммуникация независима от таких параметров как пространство, время и исторический контекст. Рассказчик, равно как и рассказанное им, является структурообразующим фактором литературного нарративного текста. Фигура рассказчика в отличие от абстрактного автора эксплицитно присутствует в тексте, но не всегда однозначно распознаваема (как, например, в анализируемом романе М. Фриша фигура Гантенбайна и его различные экспликации). Однако рассказчик всегда является ориентировочным центром отношений пространство-время-актант фиктивной коммуникации.

Фиктивного читателя следует отличать от абстрактного читателя как фиктивную фигуру, к которой обращается рассказчик: это реципиент нарративной коммуникативной ситуации. При этом, поскольку фиктивный читатель не проявляет себя речевыми средствами, предполагается гипотетический реципиент-слушатель вопросов, обращений рассказчика, то есть тех типов высказывания, которые предполагают ответную реакцию участника коммуникации.

Уровень 4 – нарративная коммуникация: рассказчик – остальные персонажи произведения. На этом уровне коммуникацию в её бинарном исполнении адресант – адресат последовательно анализировать не

представляется возможным, поскольку данная коммуникативная ситуация, вытекая из предыдущего уровня, включает все события и процессы, эксплицитированные в тексте рассказчиком, а также коммуникацию рассказчика внутри нарративного текста с другими персонажами. Коммуникативные отношения внутри нарративного текста могут быть описаны, например, при помощи анализа дискурса художественного текста (Нарративная коммуникация «слепой Гантенбайн – остальные персонажи»).

Коммуникативные интенции реального автора М. Фриша становятся очевидны из его эссе „Unsere Gier nach Geschichten“ [10], которое считается программным опусом именно к анализируемому нами роману – все хотят рассказать свою собственную историю, поделиться своим опытом. И, конечно, М. Фриш не является исключением. Опыт, «запечатлѐнный на сетчатке глаза» [10; с.12], так что жизнь предстает серией изображений, своеобразным орнаментом из опыта и воспоминаний, к которым придумываются истории. Именно это и является оством коммуникативной стратегии автора – ассоциативный монтаж. «Реальность – это не история, у неё нет начала и конца, она просто есть или нет» [10; с.13].

Все истории согласно М. Фришу – это игра воображения. Не только писатели придумывают истории, но каждый. Существует отличие историй писателя от историй не-писателя – обыватель, придумывая историю, считает ее своей жизнью. При этом он подтверждает свою историю датами, именами, названиями, чтобы не возникали сомнения в её истинности. И только писатель не верит в истории, а старается создать свои. Так, Я. Бюргер в эссе „Max Frisch: Das Tagebuch“, анализируя дискурс этой трилогии, резюмирует, что желание рассказывать истории – это «желание, отречься от собственного прошлого, чтобы выдумать себя заново, чтобы начать сначала» [11; с.16].

Примером может быть трилогия романов М. Фриша („Stiller“, „Homo faber“, „Mein Name sei Gantenbein“), которая ориентирована на читателей – жителей Германии, где, к слову сказать, эти произведения стали бестселлерами [11; с. 17]. Я. Бюргер связывает эту интенцию автора с неким политическим аспектом, в связи с тем, что роман публиковался в послевоенной Германии, где каждый стремился освободиться от реальной истории своей страны, где повсюду слышалось „Wir haben nichts gewusst!“ («Мы ничего не знали!»), „Ich bin kein Mörderer!“ («Я – не убийца!») [11; с. 17].

Б.М. Гаспаров называет «всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре» частицей «непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан: коммуникативные намерения автора, всегда множественные и противоречивые и никогда не ясные до конца ему самому; взаимоотношения автора и его непосредственных и потенциальных, близких и отдаленных, известных ему и воображаемых адресатов; всевозможные “обстоятельства”, так или иначе отпечатавшиеся в данном сообщении; общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом, и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности; жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; и наконец – множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [12; с. 10]. Это определение мы взяли как структурообразующую компоненту анализа романа „Gantenbein“ и сделали попытку определить интенции реального автора – швейцарского писателя М. Фриша – и абстрактного автора – автора нарративного текста „Mein Name sei Gantenbein“.

А. Циммерман в своем работе «К эстетике литературной мистификации» пишет о том, что в нарративных текстах М. Фриш пытается при помощи средств языка решить проблему идентификации личности. В прозе М. Фриш постоянно «ставит эксперименты над языком» [13; с.30], пытаясь трансформировать опыт в речь – перманентный процесс озвучивания или записи личностного опыта М. Фриш называет «отчуждением» [13; с.30].

В своих дневниках 1946-1949гг. М. Фриш называет язык резцом, который отсекает все, что не является тайным: облекая в слова то, что мы пережили, мы отдаляемся от действительности, которая и была нашей жизнью, а взамен получаем историю, которая не является ею. Затем в «Штиллере» (протагонист Штиллер, кстати, скульптор) устами самого протагониста М. Фриш декларирует, что можно рассказать все, только не свою реальную жизнь. Истории М. Фриша – это попытки идентификации человека себя как личности посредством проговаривания своего опыта.

Ein Mann hat eine Erfahrung gemacht, jetzt sucht er die Geschichte dazu – man kann nicht leben mit einer Erfahrung, die ohne Geschichte bleibt, scheint es, und manchmal stelle ich mir vor, ein anderer habe genau die Geschichte meiner Erfahrung... [3; с.11]. Здесь прослеживается чѐткая парадигма «реальный автор – абстрактный автор – рассказчик», поскольку в своём программном эссе он заявляет то же самое, за исключением

последнего опасения, что историю его опыта расскажет кто-то другой. Роль этого другого определена М. Фришем рассказчику в „Gantenbein“. Именно рассказчик «примеряет истории, как одежду» [3; с. 20]: он покупает одежду, зная, как он будет выглядеть в ней через полгода, зная, что складки возникнут на том же месте, где и всегда. Но нельзя же ходить голым!

Упрощать задачу реципиента автор не собирается – здесь мы переходим на следующий уровень коммуникации – абстрактный автор – абстрактный читатель. Автор текста постоянно меняет перспективу повествования, предоставляя слово множеству рассказчиков, при этом реципиент – абстрактный читатель – должен сам определить, кто в данный момент участвует в коммуникации – Эндерлин? Свобода? – или тот рассказчик «инкогнито», который решил назвать себя Гантенбайном? Или автор романа? «Фриш последовательно отказывается от сохранения пограничной линии между фикцией и документированием» [13; с. 31].

Писатель Макс Фриш объявляет о своем намерении «перенести неизбежность ассоциаций на читателя» [13; с.35], т.е. абстрактный читатель, представитель определённого социума со своими политическими, культурными и языковыми особенностями, рассматриваемый нами как своеобразная модель, „*lector in fabula*“ Умберто Эко, ассоциативно интерпретирует адресованное ему высказывание абстрактного автора, руководствуясь своим личным опытом.

В романе „Gantenbein“ М. Фриш использует стратегию ассоциативного монтажа: 91 разрозненный эпизод, каждый из которых призван вызывать у читателей определённые языковые и ментальные ассоциации, структурирующие нарративное высказывание автора и идентифицирующие рассказчика.

Здесь речь идет уже о вариативности возможностей, что является так же интенциональным аспектом автора. В многочисленных интервью М. Фриш говорит о своих намерениях показать различные возможности человеческой жизни – варианты самоидентификации личности [14]. И хотя в романе представлен довольно значительный ряд событийных повествований, сам роман лишен действия как такового – он стационарен, нет последовательно развивающихся событий, которые потенциальный читатель мог бы реконструировать. В наличии лишь последовательно сменяющиеся ассоциации, призванные реконструировать ту или иную экзистенциальную возможность человеческого Я. Таким образом, одним из интенциональных составляющих реального автора в анализируемом романе является желание максимально ассимилироваться обывателю – рассказать историю или серию историй, заставляющего потенциального читателя поверить в реальность описываемых событий, при этом мы не должны упускать из внимания утверждение М. Фриша, что он осознаёт себя писателем, а, значит, не верит в рассказанные им истории. Для достижения максимальной достоверности рассказанной им истории потенциальных экзистенций он применяет тактику повторов: чем чаще повторяешь, тем больше уверенность, что тебе поверит потенциальный реципиент: „*So war das! Sagt er...Ich glaub's! sage ich. ... Ja, sagt er nochmals, so war das!*“ [3; с.8]. Повторы происходят на разных интратекстуальных уровнях коммуникации (абстрактный автор – рассказчик – персонажи) и на разных лингвистических уровнях: текстуальном (эпизоды), синтаксическом, лексическом.

В данной статье предприняты попытки структурирования коммуникативной ситуации романа М. Фриша «*Mein Name sei Gantenbein*». Анализ парадигмы, объединяющей 3 уровня коммуникации в нарративном тексте, – реальный автор – абстрактный автор – рассказчик – позволяет сделать вывод, что рассматривать с прагмалингвистической точки зрения следует скорее абстрактного автора, но при этом учитывая экстралингвистические: культурные, исторические, политические и социальные аспекты продуцирования и восприятия художественного текста. Соответственно реконструкция интенций и стратегий автора выступает в большей степени имманентной данному конкретному тексту. Дальнейший анализ структуры коммуникации художественного текста предполагает более расширенные исследования стратегий и тактик абстрактного автора в достижении определенных интенций и анализ интратекстуальных коммуникаций уровней 3 и 4: *фиктивная коммуникация: рассказчик – фиктивный или гипотетический читатель; нарративная коммуникация: рассказчик – остальные персонажи произведения.*

Библиографический список

1. Ленец А.В. Структура и функции лжи с позиции лингвистики / А.В. Ленец// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: ВГСПУ, 2008. № 4 (31). С. 15-19.
2. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. – Москва: Флинта/Наука, 2014. 157с.
3. Frisch, M. *Mein Name sei Gantenbein*, Frankfurt/ M.: Suhrkamp Verl, 1998. 288 S.
4. Mayer, H. Mögliche Ansichten über Herrn Gantenbein // *Die Zeit*, Ausgabe Nr. 38/1964
5. Reich-Ranicki, M. Plädoyer für Max Frisch // *Die Zeit*, Ausgabe Nr. 40/1964
6. Frank, D. *Narrative Gedankenspiele*. 1.Auflage, Deutscher Universitäts-Verlag Wiesbaden, 2001. 243 S.

7. Алещанова И.В. Нарративная компетенция в речевом поведении личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2006. № 6 (21). С. 93-96.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Москва, 1999. 447с.
9. Salzmänn, M. Die Kommunikationsstruktur der Autobiographie. // Züricher Germanistische Studien, Bd. 11, Hrsg.: P. Lang, Bern, 1988. S. 18-29.
10. Frisch, M.: Unsere Gier nach Geschichten. // Max Frisch. Pro Helvetia Dossier. Reihe Literatur 2, Bern, 1981. S.12-14.
11. Bürger, J. Max Frisch: Das Tagebuch. // Marbacher Magazin 133, Hrgb. Deutsches Literaturarchiv Marbach, Marbach am Neckar, 2011. 70 S.
12. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования // Новое Литературное Обозрение, Москва, 1996. Научное приложение. Вып. IX http://svitk.ru/004_book_book/12b/2576_gasparov-yazik_pamyat_obraz.php (14.02.2020)
13. Zimmermann, A. Zur Ästhetik der literarischen Verunsicherung. // Max Frisch, Pro Helvetia Dossier. Reihe Literatur 2, Bern, 1981. S. 29-39.
14. Interview W. Koch mit M. Frisch: „M. Frisch – Selbstanzeige“ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=uOWTffCQE8o> (14.02.2020)
15. Зиньковская А.В. Английский драматургический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте // Культурная жизнь Юга России. № 1 (30), 2009. С. 92-95.
16. Пекарская И.В., Пелёвина Н.Н. Типы выдвижения как актуализаторы выразительности речи в коммуникативно-прагматическом аспекте нарративной организации текста в художественном дискурсе // Научное обозрение Саяно-Алтая: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. № 2 (6), 2013. С. 18-27.

References

1. Lenets A.V. The structure and functions of lies from the position of linguistics / A.V. Lenets // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. - Volgograd: VGSPU, 2008. No. 4 (31). pp. 15-19.
2. Syritsa G.S. Actualization of the author's meanings in the literary text. - Moscow: Flinta / Nauka, 2014. 157p.
3. Frisch, M. Mein Name sei Gantenbein, Frankfurt/ M.: Suhrkamp Verl, 1998. 288 S.
4. Mayer H. Possible views on Mr Gantenbein // Die Zeit, Issue no. 38/1964
5. Reich-Ranicki, M. Plea for Max Frisch // Die Zeit, Issue no. 40/1964
6. Frank D. Narrative mind games. 1st edition, Deutscher Universitäts-Verlag Wiesbaden, 2001. 243 p.
7. Aleshchanova I.V. Narrative competence in the speech behavior of a person // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 2006. No. 6 (21). pp. 93-96.
8. Lotman Y.M. Inside thinking worlds. Moscow, 1999. 447p.
9. Salzmänn, M. The Communication Structure of Autobiography // Züricher Germanistische Studien, Bd. 11, Hrsg.: P. Lang, Bern, 1988. pp. 18-29.
10. Frisch, M.: Our greed for stories // Max Frisch Pro Helvetia Dossier Series Literature 2, Bern, 1981. pp.12-14.
11. Bürger, J. Max Frisch: The diary // Marbacher Magazin 133, Deutsches Literaturarchiv Marbach, Marbach am Neckar, 2011. 70 p.
12. Gasparov B.M. Language. Memory. Form. Linguistics of linguistic existence // New Literary Review, Moscow, 1996. Scientific application. Issue IX http://svitk.ru/004_book_book/12b/2576_gasparov-yazik_pamyat_obraz.php (14.02.2020)
13. Zimmermann, A. On the Aesthetics of Literary Uncertainty: Max Frisch, Pro Helvetia Dossier Series Literature 2, Bern, 1981. pp. 29-39.
14. Interview of W. Koch with M. Frisch. Electronic resource. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=uOWTffCQE8o> (14.02.2020)
15. Zin'kovskaya A.V. English dramatic text in the communicative and pragmatic aspect // Cultural life of the South of Russia. No. 1 (30), 2009. pp. 92-95.
16. Pekarskaya I.V., Pelyovina N.N. Types of promotion as actualizers of the expressiveness of speech in the communicative-pragmatic aspect of the narrative organization of the text in artistic discourse // Scientific Review of Sayano-Altai: Khakass Research Institute of Language, Literature and History. No. 2 (6), 2013. pp. 18-27.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 802.0

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.45.95.017

*Тверской государственный
университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики, рекламы и свя-
зей с общественностью
Бушев А.Б.
Россия, г. Тверь,
e-mail: Bushev.AB@tversu.ru*

*Tver State University
The Department of Journalism, PR and
Advertising, Professor*

*Bouchev A.B.
Russia, Tver,
e-mail: Bushev.AB@tversu.ru*

А.Б. Бушев

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ, КОНЦЕПТЫ, ПОНЯТИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОНЦЕПТОЛОГИИ

В статье обсуждаются дискуссионные вопросы лингвокультурологии, концептологии, языковой картины мира, национального коммуникативного поведения. Рассматриваются не получившие пока однозначного решения дефиниции концепта, различные подходы к отождествлению концепта и понятия, значения и концепта (и основания таких отождествлений). Дискуссионной, по мнению критиков лингвокультурологии, является и методика выделения концепта, преодоление порочного круга рассуждения типа «концепты выделяются по признаку непереводаемости, а основным свойством концептов является непереводаемость». Неясным предстает вопрос, является ли концепт абстракцией общности говорящих или индивидуальной эмоционально окрашенной единицей сознания. Представлена идея национального языка как фикции, состоящей из множества динамично меняющихся социолектов, что не свидетельствует в пользу возможности выделения «национальных концептов». Обсуждается линия критики концептологии, связанная с обсуждением спорных вопросов этнологии, «национального характера», этноса, народа, нации. Продемонстрирована линия критики лингвокультурологии концептов, исходя из тезиса о невозможности отождествления языка и мышления и языка и культуры. Принципиальная переводаемость, синонимия, возможность эквивалентной субституции, билингвизм свидетельствуют в пользу отсутствия непереводаемых национальных концептов. Критики лингвокультурологии считают, что национальный язык – часто не источник сведений о культуре и мышлении народа. Целый народ не разговаривает на едином национальном языке, который диктует этому народу, как ему мыслить, а также предопределяет модели его поведения. Дискуссионной для критиков концептологии предстает и языковая картина мира.

Ключевые вопросы: лингвокультурология, концепты, языковая картина мира, национальное коммуникативное поведение

A.B. Bouchev

LINGUISTIC AND CULTURAL UNIVERSALS, CONCEPTS, DEFINITIONS: PHENOMENOLOGY OF CONCEPTOLOGY

The article discusses the debatable questions of linguistic cultural studies, studies of concepts in linguistics, linguistic cognitive maps, national communicative behavior. The paper scrutinizes the definitions of the concept that are still far from being universally acknowledged and final, looks at different approaches identifying linguistic concepts with meanings and notions (and at facts that are the foundations of such extrapolations). The mute point for those who criticize conceptual studies is the method of identifying the concept, overcoming the vicious circle in argumentation that «concepts are singled out as the key elements of the language that cannot be translated properly, and the main characteristic of the concepts is the absence of such adequate translation». It is still not clear whether the concept is the abstract notion of the community or the emotional individual element in the consciousness of the individual user of the

language. The paper highlights the idea of representing the national language as a fiction consisting of varieties of social dialects, which are characterized by dynamic changes. This idea is contradicting the possibility of singling out national concepts in national mentality, judging by the language knowledge. Discussed in the paper are the questions of national character, ethnos, nation, ethnology. The paper describes the criticism of conceptology that stresses the fallacies of identifying the language with the culture, and language with the peoples' character and thinking. The possibility of translation for every word and concept, the status of bilingual consciousness, the possibility of finding synonymous ways of rendering everything are the arguments against unique non-translatable national concepts. The criticism of linguistic conceptual studies states that quite often the language is not a source of national culture and thinking of a whole nation (ethnic group). That ethnic group does not possess the language as a mechanism that prompts all the members of the ethnic group how to think and behave. One more debatable question is the existence of the linguistic map of the universe.

Key words: linguistic cultural studies, studies of concepts in linguistics, linguistic cognitive maps, national communicative behavior.

Автор настоящей работы, справедливости ради отметим, никогда напрямую не занимался вынесенными в заголовок дискуссионными вопросами, и если и рассматривал их, то вскользь, следуя за мейнстримом. Научный руководитель автора Г.И. Богин не пользовался термином «концепт» и не верил в этноспецифичность менталитета. Критика основного потока работ по лингвокультурологии концептов, прозвучавшая в десятые годы, очень здравая [1], [2], [3]. Лингвокультурология концептов имеет теперь очень аргументированную критику. И, по крайней мере, часть этой критики справедлива и логична.

1. В многочисленных работах по лингвокультурологии неясным оказывается сам термин *концепт*. Типичен диалог: «А что вы понимаете под концептом? – Ну знаете, по-моему (?- А. Б.), это сгустки культуры в сознании человека». Однако же, определение не должно быть метафорическим, если это научное определение. Допустимое в устах ученого, поделившегося соображениями о том, как он сам воспринимает некоторые понятия культуры, в которой он прожил всю свою жизнь [4], оно не должно тиражироваться в научных работах. Что такое слово – это понятно из классической лексикологии. Существует денотат, дезигнат, понятие. Слова лингвоспецифичны, понятия интернациональны. Понятия не относят к сфере интересов лингвистики. Понятия определяют через предикации. Что же такое концепт, не ясно. Есть авторы, отождествляющая концепт с понятием, есть авторы, подчеркивающие, что понятие и концепт различаются. Понятие-де – результат научной абстракции, а концепт – индивидуальное восприятие. Но в индивидуальном восприятии носитель связан со *словами и смыслами* – последние являются гранями значений слов, которые ситуативно важны в том или ином контексте и демонстрируются собеседнику для понимания. Концепт – это абстракция. Зачем же тогда говорится о концепте в тексте, подчеркивается эмоциональность концепта, его многослойность?! Якобы есть эмоциональная, когнитивная и ценностная составляющая концепта. Отметим, кстати, что эмоциональная и есть ценностная. Связь концепта с личным опытом носителя языка, его образованием, его профессией представляется лингвокультурологам и психолингвистам результатом столкновения значения слова с жизненным опытом говорящего. О концептах исследователи чаще рассуждают на материале слов, к тестам не прибегая, о смыслах текста не рассуждая. Тексты используются для «подтверждения» авторских идей.

Что это за новая сущность? Значение с индивидуальными эмоциональными коннотациями и (в микродозах, иллюстрирующих «национальную специфику») контекстами словоупотребления. Причем часто исследуют концепты, обращаясь к словарям. Значит, исследователи отождествляют концепт со значением. Значение слова существует в словарях, смысл оказывается кодированным и декодированным в тексте. Концепты выражены по-разному, не обязательно словом (это опять-таки подтверждает, что понятия не входят в сферу интересов языковедения). *Понятия имеют коррелятами разные слова в разных языках, различается их количество, и качество сем в них.* Слова, выражающие одно и то же понятие, имеют разную этимологию, скорее всего в реальном словоупотреблении забытую, стертую. Некоторые хотели бы считать, что концепт – это понятие с флером эмоциональных и т.д. личностных коннотаций. Но понятия – результат абстракции, они в отличие от значений не имеют экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Надо отказаться от определений типа «сгусток культуры», оставив его для произведений, которые не обладают научной доказательностью и четко ответить на вопрос, что же такое концепт, какое определение имеется, какова общность взглядов сторонников теории, использующих этот термин [5], [6].

Но все же большинство работ по лингвокультурологии концептов и методология исследования концептов показывают, что лексическое значение лингвокультурология отождествляет с концептами. Поэтому она пользуется словарями и словарными примерами из текстов, сегодня просто получаемыми при помощи систем поиска в базах Интернета.

Согласимся с критиками лингвокультурологии концептов: концепты – это абстракция, фикция. В текстах бывают смыслы, концептов в текстах не бывает. Говорить о переводе концепта – нонсенс. Критики лингвокультурологии концептов прекрасно показывают, что работы по концептологии бесполезны для практических переводчиков: реальное количества сем значения (ситуативный смысл) невелико, переводчиком ищется в тексте, в отличие от рассуждений по многослойности концепта.

2. Как выделяются концепты? Неясными оказываются *методы исследования концептов*. Каково количество ключевых концептов? Большинство работ по концептологии дает ответ на эти вопросы неубедительно. Это, по мнению критиков, беллетристика с примерами из литературы.

Методами является подбор примеров из классической и устаревшей беллетристики, работа со словарными статьями (со значением слова, с семами), метод этимологической интерпретации в трудах академика Степанова. Не всегда может помочь здесь и опрос информантов.

Понятно существование значения – фиксируемого в словарях, и смысла – ситуативно закладываемого и детектируемого в общении, существующего в дискурсе и его письменной фиксации – тексте. Понятно абстрагирование до понятия. Но непонятно существование эмоционально и ценностно окрашенного индивидуального и в то же время национального значения = концепта.

3. В определенных культурах и субкультурах существует специфическое (реалии культуры, слова собственные, фольклорные образы, лакуны). Это специфическое выражено в языке, его показывает любой лингвострановедческий словарь. По сути дела, последний и включает в себя комментарии к выраженным в языке явлениям культуры, реалиям, именованию явлений культуры, фольклора и т.д. Лингвострановедение – отрасль лингводидактики, имеет задачи ознакомления с реалиями, с фоновыми знаниями носителя языка, представленными в языке – вполне решает эти задачи в рамках методики преподавания и социолингвистики.

В лингвокультурологии же задача исследователя – используя универсальные понятия, прокомментировать ряд более сложных концептов, которые лингвоспецифичны. Критики лингвокультурологии концептов полагают и показывают, что в языке есть специфические именованья (лакуны), которые не свидетельствуют о специфике культуры. Это скорее узусальные именованья.

4. Читая курс по межэтническому взаимодействию, автор настоящей статьи познакомился с и этнопсихологией, и с исторической этнологией, и с конструктивистскими концепциями этноса, и с наследием советской этнографии, и с концепциями межкультурной проницаемости и культурного шока.

Справедлива в устах критиков лингвокультурологии критика *общенационального*. В гражданском понимании нации – это совокупности народов, населяющих наши государства, лояльные граждане государства. Как же можно говорить о национальной специфике поведения многонациональной нации? Времена мононациональных государств ушли в историю.

В советское время говорили о многонациональном народе. Если говорить о ценностях и коммуникативной специфике поведения русских как одного из народов, то русские тоже неоднородны. Критиками национальной лингвокультуры подчеркивается идея социолингвистики о мультикультурности, о наличии большого количества социальных факторов, позволяющих вычленять те или иные группы среди носителей языка. Так что национальный язык – это фикция, это очень большая абстракция (несмотря на традицию представления национального языка в работах младограмматиков, В. В. Виноградова и учеников, В. Н. Ярцевой, В. М. Жирмунского). Актуальным таким критикам мыслится описание отдельных социальных групп, т. е. работа с дискурсами и их лексической и понятийной спецификой, создание профессиональных словарей, словарей социолектов (в том числе исторических социолектов).

Столь же тяжело представляется дефинировать понятия *нация, национальность, этнос, народ*. Отмечено, что различий между этими феноменами лингвокультурология концептов не проводит. *Совокупности взглядов народа как единой и монолитной общности нет. Отсутствует, по всей видимости, и коммуникативное поведение наций, народов – русских, финнов, шведов и т.д.* [7]. В работах критиков лингвокультурологии концептов высказано мнение, что это по сути дела транслируемые этностереотипы.

Нация – понимается в гражданском национализме как приверженность гражданству определенного государства (нация россиян). Национальность отсутствует даже в паспорте, народ вовсе не отождествляется с языком. Современные этнологи оперируют категорией «этничность», и только стоящие на позиции биологического расизма могут отождествлять ее с физическими особенностями людей или их языком. «Реквием по этносу» – так красноречиво называется одна из работ В. А. Тишкова. Какова лингвокультурная специфика и национальная идентичность турка, мигрировавшего в Германию и переехавшего из нее во Францию, или его потомков? При этом он голосует и на выборах в Турции, и в Германии (в Европарламент), и на муниципальных выборах во Франции.

Современная этнология отрицает народную психологию, наличие «характера народа». Эта идея романтиков давно осталась в истории.

Этнология отрицательно отвечает на вопрос, существуют ли национальный характер, национальный менталитет, этнопсихология, этнос.

5. Культура критикам лингвокультурологии концептов не представляется связанной напрямую с языком, детерминированной языком. Однако, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, свидетельством лингвоспецифичности культуры являются национальные литературы, национальная фразеология, национальные стереотипы в виде анекдотов, и наконец, сами языки [9]. По мнению критиков лингвокультурологии, язык не столь явно связан с культурой. *Критики лингвокультурологии отрицают декларацию национальной спецификации, исходя из спецификации языка. Они критически относятся к идее совпадения культуры и языка, языка и мышления. Языки по-разному называют понятия, а народы демонстрируют общечеловеческое мышление.*

Критики лингвокультурологии ожидают «реквием по этнолингвистике», объясняющей этносы, исходя из их языков. Этнос – феномен конструирования, а не реальность. Критики лингвокультурологии склонны объявить и реквием по «лингвокультурологии концептов». Они подчеркивают, что это идеологические, а не научные работы.

Итак, возникает вопрос, насколько слово представляет культуру, и дух народа, насколько разумно ощущение особенности языковой культуры. По мнению лингвокультурологии, ключевые слова лингвоспецифичны, т.е. непереводаемы. Но показано, что можно найти им эквивалентную замену, *существует принципиальная возможность эквивалентной субституции* – возможность переформулировать любую мысль.

Кроме того, рамки языковой системы постоянно преодолеваются в речи: «это правильно, но так не говорят», «это я говорю пока новаторски я, но потом это становится общепринятой нормой».

6. *Справедлива критика аргументации «лингвокультурологии концептов». Её адептам указывается на их аргументацию по типу порочного круга: ключевые слова идентифицируются по признаку их непереводаемости, а определяющим свойством ключевых слов объявляется то, что они не поддаются переводу.*

Критики лингвокультурологии видят в ее идеях традиционный репертуар «автостереотипных мотивов» мягкого славянофильства: русские непредсказуемы, щедры, великодушны, порывисты и т.д. Согласимся: это публицистика.

Весьма ограничен набор беллетристических сочинений, из которых берутся примеры. Подчеркнем: идеи Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и т.д. недоказательны, не могут быть обоснованием научных концепций! (при всей их притягательности лично для кого-то авторов, например [9]). *Не поддерживают критериев научности рассуждения о национальной особенности России, специфике феномена «русский менталитет», возможности судить о нем по данным языка.*

Показательна бескрайность проблематики индивидуальных концептов или даже национальных. Невозможно же серьезно думать, что мы дождемся словаря концептов, сравнительного словаря концептов разных лингвокультур. Показателен отказ от приема статей по концептам, отказ от концептологических исследований в отдельных языках. По сведениям А. А. Кибрика, высказанных им в интервью о когнитивной науке, журнал «Вопросы языкознания» таких работ более старается не публиковать.

7. Показательна резкая динамика смены языка и менталитета. Происходит архаизация отдельных пластов лексики. Классический пример: понимание современными школьниками речения *ямщик сидит на облучке*. Уже современнику малопонятны отдельные предметы быта, феномены советской повседневности: *лимитчики, тунеядцы, 101 километр, черная суббота, несунь, налог на бездетность (метко прозванный «налог на яйца»), тринадцатая зарплата, ударник коммунистического*

руда, калым, поездка на картошку, премия, местком, отказники, летуны, стенка, «Хельга», «Рамона», авоська, печень трески, номер на руке, фарцовщик, боты «Прощай, молодость», жировка, ша-рага, шабашник, красный уголок (аналог молебни), ОБХСС, самиздат, самопал, самострок, собачья радость, сидеть (прецедентное «Хорошо сидим!»), стоять («два часа отстоял»), сунуть («Я ей шоколадку сунул»), ходить по магазинам

Меняются стилистические коннотации отдельных слов (*амбициозный, шоковый, успешный*). Чрезвычайно интересно наблюдать изменения объема понятия слова, появление новых значений, изменения коннотаций. Сегодня ценности одни, завтра другие; концепты динамично меняются и разные у разных социальных групп.

Итак, сформулированы претензии к методологии концептуальных исследований – субъективные описания единичных примеров, отобранных произвольно, в согласии с теми или иными разделяемыми исследователями стереотипами. Они-то объявляются показателями черт национального характера. Это оценочные работы, они не антропологичны, их источник – не носитель, а язык или абстрактная языковая личность.

8. Критиками лингвокультурологии подчеркивается несостоятельность попыток делать выводы по культуре на основании сведений о переводческих лакунах. Неприемлемо отождествление характера языка с характером народа.

В языке есть переводческие лакуны, в языке есть имена собственные и имена нарицательные явлений культуры, в языке есть специфика культуры, но это не отражает народный характер.

На понимание отдельных понятий мог бы пролить свет опрос информантов, но показательное недоверие критиков лингвокультурологии и к ассоциативному эксперименту. Опросы показывают, что нет единых ответов, ответы-ассоциации столь вариабельны (спросите, кто такой демократ, кто такой либерал, кто такой западник), что не могут служить основанием научности. Другое дело, когда *язык подсказывает*. Именованье заменяется в трудах лингвокультурологов на *воспринимать*.

Представление о некотором недифференцированном носителе языка коренится в романтической идее национального языка как свойства народа (*когда языки, распри позабыв...*)

Критики лингвокультурологии считают, что национальный язык – не источник сведений о культуре и мышлении народа. Целый народ не разговаривает на едином национальном языке, который диктует этому народу, как ему мыслить, а также предопределяет модели его поведения.

Сторонники лингвокультурологии утверждают, что свободы нет не только в мыслях, но и в чувствах (В. И. Шаховский), последние лингвоспецифичны и одновременно этноспецифичны, так как между языком и этносом лингвокультурология ставится знак равенства. Всем управляет язык-демиург. Лингвоспецифическими и непереводаемыми объявляются ключевые слова культуры.

9. *Критике подвергается убеждение, что мышление полностью детерминировано языком, т.е. равно языку и языком исчерпывается. Справедливо возникает противоречие: а как же тогда переводимость, билингвизм, синонимия?!*

10. Не доказано, что сходства в «мировидении» граждан одного государства или носителей одного языка больше, чем сходства в мировидении представителей одной профессии. Показательна общность культуры и менталитета (обыденного мышления) компьютерщиков, общность культуры любых профессиональных групп, даже корпоративных культур.

В этой связи критично воспринимаются работы по коммуникативной специфике поведения (русские в России и т.д.).

11. Существуют ситуации, когда действия есть, понятия есть, а слов нет. *Ни один из языков не навязывает трилингву способ мировидения. Билингв не находится в рамках двух языковых картин мира.* Смысл существует в сознании вне языка, фиксирует предметы. Является ли язык субстратом мышления? Критики лингвокультурологии концептов не считают так и полагают, что существует предметный код мышления.

12. *В работах критиков лингвокультурологии концептов подвергается сомнению существование языковой картины мира.* Употребление устоявшихся, привычных, стершихся и расхожих метафор – не языковая картина мира, а привычное словоупотребление.

Какой смысл говорить о языковой картине мира, если вчера она была одна, а завтра другая и если она не совпадает у различных социальных групп?!

Группа имеет общую культуру (реакции, модели поведения, систему ценностей, символы, обычаи). Из общности культуры нельзя делать вывод об общности (и специфичности) психического

склада составляющих группу. Критики лингвокультурологии полагают, что описываемые лингвокультурологами черты «национального характера» – это этнические стереотипы.

Критики лингвокультурологии концептов полагают, что язык и культура пересекаются лишь отчасти и не выводимы один из другого. Мультикультурализм не позволяет говорить об усредненной категории среднего человека.

13. Корреляции между степенью чистоты русского языка и такими элементами культуры, как ценностная шкала, стереотипы, убеждения, мораль, начитанность, семейные традиции и т.д. отсутствуют.

14. Понятие-концепт – это то, что можно определить через ряд предикаций. Является ли совокупность суждений о чем-либо частью языковой системы значения?! Нет. Понятия лингвистика не изучает.

Тождественность понятий демонстрируется тождественностью моделей метафорического осмысления мира. Скажем, показательны миллиарная метафора, создание образа врага, битвы с ним в дискурсе о коронавирусе на всех языках. Тождественность метафорических моделей осмысления мира продемонстрирована в работах А. П. Чудинова, Дж. Лакоффа.

Налицо наличие серьезных методологических противоречий. На этом фоне множатся работы по концептам «национального менталитета».

Библиографический список

1. Келли К. Рец. на: [Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с]. Антропологический форум, № 6. С. 396-405.
2. Павлова А.В., Прожилов А.В. От лингвистики к псевдолингвистике // Антропологический форум № 18. С.89-109.
3. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сборник статей. Под ред. А.В. Павловой. СПб: Антология 2013. 352с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.990 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: ГИРЯ им. Пушкина, 2004. 204 с.
7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, Наука, 2007. 328 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ: Хранитель, 2007. 286 с.
9. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. 336с.

References

1. Kelly K. Rec. na: [Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 544 p.]. Anthropological Forum, No. 6. pp. 396-405.
2. Pavlova A.V., Prozhilov A.V. From linguistics to pseudolinguistics // Anthropological Forum No. 18. pp. 89-109.
3. From Linguistics to Myth: Linguistic cultural Studies in Search of "ethnic mentality". Collection of articles. Edited by A.V. Pavlova. St. Petersburg: Anthology 2013. 352s.
4. Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Moscow: Academic Project, 2001.990 p.
5. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
6. Prokhorov Yu. E. In search of the concept. M.: Pushkin Weight, 2004. 204 p.
7. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russian: communicative behavior. Moscow: Flinta, Nauka, 2007. 328 p.
8. Ter-Minasova S. G. War and the world of languages and cultures. Moscow: AST: ASTREL: The Guardian, 2007. 286 p.
9. Vorob'ev V. V. Lingvokulturologiya. M.: RUDN, 2008. 336s.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 659

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.23.71.018

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», НИУ «БелГУ», Институт общественных наук и массовых коммуникаций, кафедра журналистики

доктор филологических наук

Полонский А.В.

Россия, г. Белгород,

тел. 84722301187

e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru

АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», кафедра русского языка и деловых коммуникаций

кандидат филологических наук

Глушкова В.Г.

Россия, г. Белгород,

тел. 84722317350

e-mail: valentina.glushkova@gmail.com

АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», кафедра русского языка и деловых коммуникаций

кандидат филологических наук

Ряполова М.А.

Россия, г. Белгород,

тел. 84722317350

e-mail: ryapolovama@yandex.ru

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Department of Journalism

Full professor, doctor of Philology

Polonsky A.V.

Russia, Belgorod,

tel. 84722301187

e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, department of Russian Language and Business Communications

Associate professor, PhD in Philology

Glushkova V. G.

Russia, Belgorod,

tel. 84722317350

e-mail: valentina.glushkova@gmail.com

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, department of Russian Language and Business Communications

Associate professor, PhD in Philology

Ryapolova M. A.

Russia, Belgorod,

tel. 84722317350

e-mail: ryapolovama@yandex.ru

А.В. Полонский, В.Г. Глушкова, М.А. Ряполова

ЯЗЫК НАШИХ МЕДИА

В культуре XXI века к наиболее значимым понятиям, отражающим ее своеобразие, доминирующий тип сознания, социальных, культурных и коммуникативных практик, характер мотивирующих социальные преобразования факторов, относится понятие «медиа». Медиатизация, то есть процесс вовлечения человека и общества в сферу медиа, обусловлена как стремительными инновациями в коммуникационно-технологической среде, так и изменениями в самом человеке, формированием у него устойчивой потребности, с одной стороны, в информации, в ее непрерывном увеличении, обновлении и расширении ее проблемно-тематического спектра, а с другой – в публичной самопрезентации, в управлении вниманием и впечатлением целевых аудиторий. Медиа, внедряясь во все сферы жизни и деятельности современного общества, неизбежно преобразуют его социальные институты, практики, тексты и язык. Предметом рассмотрения в статье являются отдельные особенности языка, функционирующего в современной медийной среде и ставшего сегодня, благодаря форсированному расширению его социальной базы и включению в самые разные коммуникативные обстоятельства, важнейшей формой существования общенародного языка. Язык медиа «живет» во времени, в культуре, в сознании каждой лично-

сти и в конкретном, обусловленном социальным контекстом, коммуникативной ситуацией и медийной технологией информационно-речевом общении, аккумулируя опыт, знания и ценности, интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, а также отмеченные и интерпретированные человеком и обществом содержательные параметры социального бытия. В то же время он сам формирует культурные каноны и их мировоззренческие принципы, прокладывая человеку путь как к высотам культуры, так и к ее низам.

Ключевые слова: медиа, медиатизация, медиасреда, коммуникация, язык медиа, культура, стиль, публичный диалог.

A.V. Polonsky, V.G. Glushkova, M.A. Ryapolova

THE LANGUAGE OF OUR MEDIA

In the culture of the XXI century, the most significant concepts reflecting its originality, the dominant type of consciousness, social, cultural and communicative practices, the nature of factors motivating social transformations include the concept of "media". Mediatization, that is, the process of involving a person and society in the media sphere, is due to both rapid innovations in the communication and technological environment and changes in the person himself, the formation of a stable need in him, on the one hand, for information, for its continuous increase, updating and expanding its problem-thematic spectrum, and on the other - in public self-presentation, in managing the attention and impression of target audiences. Media, penetrating into all spheres of life and activities of modern society, inevitably transforms its social institutions, practices, texts and language. The subject of consideration in the article is the individual features of the language that functions in the modern media environment and has become today, thanks to the accelerated expansion of its social base and inclusion in a variety of communicative circumstances, the most important form of existence of the national language. The language of the media "lives" in time, in culture, in the consciousness of each individual and in a specific information-speech communication conditioned by the social context and media technology, accumulating experience, knowledge and values, intellectual and emotional resources, as well as marked and interpreted a person and a society meaningful parameters of social life. At the same time, it itself forms the cultural canons and their worldview principles, paving the way for a person both to the heights of culture and to its bottom.

Keywords: media, mediatization, media environment, communication, language of media, culture, style, public dialogue.

У каждого времени есть свои наиболее значимые понятия, которые отражают его своеобразие, доминирующий тип сознания, характер широко востребованных социальных, культурных и коммуникативных практик, конструктивный принцип общественного диалога, совокупность мотивирующих социальные и культурные преобразования факторов и технологий решения большинства теоретических и практических вопросов, возникающих в процессе жизни и деятельности общества. В культуре XXI века к таковым несомненно относится понятие «медиа». Медиа – это тотальный феномен, и производимые ими социальные и культурные эффекты, диапазон которых чрезвычайно широк, требуют к себе постоянного исследовательского внимания, панорамного видения эмпирического материала и актуального, вписанного в обстоятельства текущей жизни аналитико-критического комментария.

Предметом данной статьи являются отдельные особенности языка, функционирующего «в разных медийных обстоятельствах: в газете, в журнале, на радио, телевидении... в Интернете и в мобильном телефоне» [1, с. 6], иначе говоря, в современной медийной среде как особой, действующей на основе своих принципов и законов форме коммуникативного пространства. Язык медиа под воздействием разных факторов масштабно трансформируется, и этот процесс, развивающийся стремительно и многовекторно, безусловно, не следует терять из виду. Как справедливо замечает М.А. Кронгауз, «на наших глазах разворачивается уникальный эксперимент над Языком и языками, который надо описывать немедленно и всерьез, потому что это как раз и есть передний край лингвистической науки» [2, с. 3]. Анализировать происходящие в языке медиа перемены необходимо с пониманием того, что он «живет» во времени, в культуре, в сознании каждой личности и в конкретном, обусловленном социальным контекстом, коммуникативной ситуацией и медийной технологией информационно-речевом общении, аккумулируя опыт, знания и ценности, интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, а также отмеченные и интерпретированные человеком и обществом содержательные параметры социального бытия.

Проблема «язык и медиа», безусловно, не формируется в контексте текущей, открытой форсированному движению информации жизни. Истоки этой проблематики, актуальной сегодня, как и вче-

ра, находим уже в работах Г.О. Винокура, лингвиста и журналиста, то есть человека, на собственном опыте хорошо знавшего ситуацию. В своей первопродходческой работе «Язык нашей газеты», опубликованной в 1924 г., исследователь, подчеркивая значимость языка как «самого важного, самого ответственного свидетельства духовной... и политической культуры народа», писал: «Значение газеты как социального факта литературного порядка у нас совершенно не выяснено. Если каждому понятна политическая роль газеты, если легко догадаться о социальном смысле газеты как источника распространения фактов и идей, то вопрос о собственно-литературной, словесной природе газеты никем и никак еще не поставлен. Редкий индифферентизм к вопросам словесной культуры, характерный для нашего недавнего культурного прошлого, помешал нам в свое время оценить значение этого вопроса о природе газетного языка. Но в наше время... можно решиться взглянуть на газету со стороны ее чисто литературного содержания. И здесь прежде всего приходится поставить вопрос о характере того речевого процесса, который лежит в основании газетного языка как специфической речи» [3, с. 144, 127-128].

К настоящему времени сформировался широкий корпус исследовательских работ, посвященных изучению особенностей языка средств массовой информации как инструмента культуры, социального взаимодействия и построения концептуально-информационной модели социальной действительности в сознании широких аудиторий [4-16]. Однако едва ли можно полагать, что запрос на всестороннее освидетельствование функционирующего в медийной среде языка, осмысление активных языковых процессов в новых социальных, культурных и коммуникативно-информационных условиях сегодня снят. Как справедливо замечает Л.Г. Кайда, «у каждого типа словесности свои обязанности перед обществом», для языка медиа «это прежде всего разговор о времени, о дне сегодняшнем» [17, с. 84]. Возобновляемый интерес к медиасловесности объясняется необходимостью понимания текущих процессов в современной культуре, актуальной динамики общественной мысли, характера доминирующих социальных высказываний и разворачивающихся языковых процессов. И эти процессы сегодня во многом обусловлены медиатизацией общества, форсированным внедрением медиа во все сферы его жизни и деятельности. «Современное общество пронизано медиа до такой степени, – на что обращает внимание С. Хьярвард, – что их уже нельзя рассматривать как нечто отдельное от культурных и других социальных институтов... Медиа – это не просто технологии, которые могут использовать – или не использовать – организации, партии или отдельные лица... медиа стали неотъемлемой частью деятельности других институтов, а также достигли такой степени самоопределения и авторитета, которая заставляет другие институты в большей или меньшей степени подчиняться их логике» [18, с. 105-106].

Медиатизация [19], то есть процесс вовлечения человека и общества в сферу медиа, процесс медийной «корректировки» всех социальных, культурных и коммуникативных практик, мотивирована как стремительными инновациями в коммуникационно-технологической среде, так и изменениями, произошедшими в самом человеке, формированием у него устойчивой связи с медиа, устойчивой потребности, с одной стороны, в информации, в ее непрерывном увеличении, обновлении и расширении ее проблемно-тематического спектра, а с другой – в публичной самопрезентации, в публичном предъявлении собственного высказывания, в привлечении устойчивого внимания целевых аудиторий и в управлении их впечатлением [20] с целью формирования лояльного комьюнити – группы людей, объединенных общими интересами, целью и медиа. Медиа, внедряясь во все сферы жизни и деятельности современного общества и «редактируя» каждый его аспект, неизбежно преобразуют его социальные институты, практики, тексты и язык.

Лингвистические эффекты медиатизации чрезвычайно заметны и социально значимы. Каковы же сегодня особенности языка, сферой функционирования которого является медийная среда, отличающаяся, как известно, широкой открытостью как глобальным, национально-культурным, региональным, так и личностным проектам, заявленным в многообразных топиках, нарративах, сюжетах, героях, а также в текстах, оперативно откликающихся на интеллектуальные, мировоззренческие, эмоциональные, нравственные и стилистико-эстетические особенности аудиторий, на их информационные запросы и прагматические установки, на востребованный ими способ записи, доставки и прочтения послания?

Сегодня, в эпоху «разросшихся» медиакommunikаций, стремительно развивающиеся цифровые, сетевые и мобильные технологии, коммуникационные платформы всех видов, такие, как Вконтакте, Facebook, Twitter, Youtube, не только обеспечивают всем субъектам социальных отношений широкие

возможности мгновенно устанавливать требуемый уровень и формат социально-информационного взаимодействия и самопрезентации, но и мотивируют их публично высказаться, выставлять на публику свой опыт и даже принуждают их к этому. Будь то журналист, всегда готовый поделиться со своей аудиторией полученными им фактами и сформулированным мнением, будь то специалист в сфере маркетинговых и корпоративных коммуникаций, нацеленный на позиционирование и продвижение своего бренда, своей компании, будь то рекламист, для которого главным является вызвать у потребителя устойчивое желание поступать в соответствии с предложенной схемой поведения, будь то политик, стремящийся к живому, мотивирующему общению с гражданами, будь то блогер или интернет-пользователь, создающий контент с учетом своего социального, творческого и информационного-коммуникативного потенциала, с учетом своих интересов, ценностей и установок, – любой сегодня оказывается открыт речевым практикам современных медиа и их моделирующему влиянию.

Благодаря форсированной интенсификации и усложнению в медиа речевой деятельности всех субъектов социальных отношений – от отдельной личности, вовлекаемой в различного рода и формата публичные проекты, до корпораций и самых больших групп общественности, увеличению и качественному усложнению сфер речевой коммуникации [5, с. 11], включая как традиционные СМИ, так и новые медиа, социальные сети, мессенджеры, расширению коммуникативных практик современного человека, благодаря количественному и качественному расширению его социальной базы изменился культурный статус функционирующего в медийной среде языка. Сегодня он, став важнейшей формой существования общенародного языка, «действует на огромном духовном пространстве, включая в свою орбиту политику, идеологию, культуру (науку, искусство, литературу, религию), экономику, быт» [15]. Эту форму языка, которой оказываются открыты все социальные субъекты и социальные группы и которая включена в самые разные коммуникативные обстоятельства современной жизни, А.В. Полонский рассматривает как медиалект [20-22].

Особенность языка медиа заключается в том, что, будучи ориентированным на текущие контексты жизни и на целевые аудитории, он обладает уникальной способностью оперативно фиксировать, объяснять и комментировать в нужной модальности стремительно меняющиеся контексты жизни, обеспечивать необходимый уровень информационно-смыслового взаимодействия всех субъектов и формировать общую для всех картину мира. Так, в своем докладе на I Конгрессе РОПРЯЛ, И.Г. Милославский отметил, что русская языковая картина мира «дырчатая», в ней зачастую отсутствуют необходимые слова для номинации актуальных общественных, политических и технологических процессов. «Люди, говорящие на русском языке, весьма часто сталкиваются с такими ситуациями, для которых они не находят наименования» [23]. Язык медиа взял на себя эту функцию – функцию поставщика, а зачастую и разработчика новых слов и новых выражений, обеспечивающих развертывание диалога относительно актуальных контекстов жизни человека и общества: *брекзит*, *коронакризис*, *инфодемия* (от *информация* и *эпидемия*; “увеличение нередко ложной и преувеличенной информации об эпидемии”), *самоизоляция*, *локдаун*, *удаленка*, *захожанин* (разг. “человек, эпизодически посещающий церковь”), *обнулить*, *глобальные риски*, *ковид-диссидент*, *алармистские настроения*, *информационная архитектура*, *коллажное видение*, *импортозамещение* и т.п. Вводя «лингвистические новообразования» в широкий публичный диалог и закрепляя их многократным повторением, язык медиа ликвидирует «лексические зияния», «латает дыры» на языковой картине мира.

Появляющиеся в медиа «новообразованные слова», как заметил М.А. Осадчий, «иногда имеют игровой характер, например, “*карантикулы*” (карантинные каникулы) или “*изумляться*” в значении “общаться по Zoom”» [24] (добавим к этому также собственный пример *образумить* и *образумиться*).

Открытость языка медиа глобальным проектам мотивирует активное использование приема пополнения словарного запаса путем заимствования слов, прежде всего из английского языка (*хайп*, *флейм*, *лайки*, *селфи*, *блокбастер*, *стартап*, *трендсеттер*, *криэйтор*, *онлайн-молебен*, *френдлента*, *френдить*, *вау*, “*кнопка существует, пробуем кликнуть по ней*”), нередко даже с сохранением норм написания слова «языка-донора» (*online*, *offline*, *event marketing*, *vipперсона*). Заметим, что «вестернизация» языка медиа [25], понимаемая как процесс расширения потока заимствований из английского языка и привлекающая сегодня к себе особое внимание исследователей, работает как на «интеллектуализацию национального стиля» [26, с. 42], так и на его деградацию.

Поиск «новой выразительности» (В.Г. Костомаров) создал условия не только для увеличения номинативной силы медийного слова (*ленинградство*, *точка кипения*, *формат тепла*, *революция*

успеха, бюджетный патриотизм), но и для углубления его семантической структуры, появлению новых значений и смысловых оттенков. Так, например, слово «экология», обозначающее науку рационального природопользования и охраны живых организмов, благодаря расширению своей сочетаемости (*экология города, экология человека, экология жизни, экология духа, экология счастья, экология успеха, экология культуры, экология языка, экология слова*) обрело дополнительное значение «требующий бережного отношения, защиты по причине наличия опасности, неблагоприятных условий и обстоятельств».

Как подчеркивает И.В. Анненкова, «современная культура... демонстрирует все признаки медиациентричности. СМИ выступают в качестве мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Причем они являются не только транслируют уже сложившиеся культурные достижения народов, но и сами участвуют в формировании новых ценностно значимых ориентиров. СМИ предлагают собственную картину мира... и она сегодня доминирует на всем пространстве бытия человека, на всех уровнях социальной структуры общества» [27, с. 6]. Язык медиа отличается особой, оперативно и энергично действующей силой моделирующего влияния на общество, на формирование его культурного статуса, на его способ «сбирания» своих культурных и мировоззренческих границ, на уклад его жизни, на производство и разработку его политико-идеологического сознания, на его общественную мораль и традиции, на его манеру структурировать социальную реальность, оценочно рассуждать и формулировать идеи и информационные послания. Взяв на себя важнейшую культурно-идеологическую функцию репрезентации и формирования эталонов, язык медиа (1) транслирует широким аудиториям модели структурирования и оценки социальной информации, а также знания, понятия, образы и оценки, определяющие характер социально значимых этических и эстетических норм повседневной жизни; (2) предъявляет социально-коммуникативные образцы, определяющие нормативную практику самопрезентации разных социальных субъектов и их взаимодействия. Содержание транслируемого языком медиа эталона отражает доминирующие параметры текущей культуры, ее нравственных суждений, эстетического вкуса и коммуникативного идеала [28-30].

Сегодня моделирующая функция медиа стабильно реализуется разными языковыми средствами, спектр которых чрезвычайно широк: от употребления слов и выражений с оценочным значением, различных стилистико-риторических приемов (метафор, аллюзий, эпитетов, сравнений, иронии и т.п.) и оборотов речи (повторов, восклицаний, риторических вопросов, инверсии, эллипсиса и др.) до языковой игры [31-33] в ее многообразных формах и проявлениях (*местечковый холуин, кошельковость, вангование, малаховщина, маршRUт, ПОТТЕРЯнный мир, модельная худоба, эстетская униформа, муж на щас*) и прецедентных феноменов (*место смеха изменить нельзя, ЖИ-ШИ прилетели, Geely полной жизнью!*).

В контексте усложнения медийных практик человека особое смысл обрели высказанные по этому Осипом Манделштамом почти век назад слова о том, что сегодня каждый активно «участвует в движении языка, и каждое сказанное слово оставляет в нем свежую борозду» [34, с. 234]. «Растабуирование» в медиасреде личностного начала, качественно изменившего характер и процедуру медийного диалога, изменило язык медиа. Персонализация сделала медийный диалог не только более выразительным, контрастным, многообразным в стилистическом отношении, но и более раскованным, эмоциональным, позволяющим любому субъекту в разной модальности (логической, идеологической, риторической, нравственной, эстетической, субъективной, авторской и т.д.) предъявить свой опыт, стиль и свои ценности. Персонализация медийного диалога продемонстрировала то, что личность не всегда укладывается в предлагаемые обществом рамки культурно-стилистического канона, зачастую она сама становится его обоснованием. Примером тому служат известные журналисты, о которых, высоко ценя их профессиональное мастерство, признавая их высочайший авторитет, коллеги по цеху говорили: есть такая должность – Анатолий Аграновский и Дмитрий Мамлеев. Можно вспомнить и «жанр Дмитрий Быков», представленный творчеством известного писателя, публициста, критика и журналиста, автора романов «Орфография», «Оправдание» и «Списанные», а также нескольких литературных биографий.

В одном из своих выступлений (ноябрь, 2009 г.) заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доктор филологических наук, профессор Л.П. Крысин заметил, что «ориентиры в языке создают как словари, так и личности». Следует при этом заметить, что социальный ресурс личности и ее идентификационные установки, транслируемые в медиа, формируются, как

известно, не только на основе освоения глубокой культурной традиции, но и на ее изломе или даже отказе от нее, что определяет наличие «разнообразия норм речевого поведения» [5, с. 11] в медиа всех субъектов социальных отношений, широчайшую стилистическую палитру языковой реальности медиа.

Одной из основных особенностей языка медиа становится его форсированная открытость элементам живой разговорной речи и нестрогому отбору языковых средств, на что сегодня обращают внимание исследователи. В языке медиа широко представлены стилистически сниженные, нелитературные слова и выражения, а также формы неправильной речи [35], не соответствующие рекомендуемым нормами литературного языка правилами устного и письменного употребления слов, словосочетаний и предложений. Как заметил М.Л. Бергер, генеральный директор холдинга «Объединенные медиа», «к сожалению, чистота и ясность русского языка, о которых мы так беспокоимся и которые все реже встречаются, перестают быть важным коммерческим, аудиторным фактором» [36]. Медийное слово нередко входит в жесткий конфликт со «словарем культуры» как морально-эстетическим предписанием, восходящим к авторитету высокой культурной традиции.

«Каждое время выбирает свою адекватную форму коммуникации» [17, с. 84] и свой язык, способный выразить накопленный опыт, особенности интеллектуального и эмоционального переживания социальной действительности, новые обстоятельства жизни. Таковым сегодня является язык медиа, который, с одной стороны, отражает культурные практики современного человека, его мировоззрение, идеологию, стиль жизни, его нравственные и эстетические предпочтения, а с другой – сам формирует культурные каноны и их мировоззренческие принципы, формирует традиции и нормы, прокладывая человеку путь как к высотам культуры, так и к ее низам.

Библиографический список

1. Засурский, Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2, С. 3-6.
2. Кронгауз М.А. Предисловие / Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. С. 3-8.
3. Винокур Г.О. Язык газеты // Винокур Г.О. Культура языка. М.: Лабиринт, 2006. С. 127-167.
4. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание. М.: Изд-во МГУ, 2003. 458 с.
5. Володина М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический Проект, 2011. С. 6-18.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Наука : Флинта, 2008. 264 с.
7. Казак М.Ю. Традиционные и новые подходы к определению языка СМИ // Журналистика и медиаобразование: Сборник трудов III Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 25-27 сентября 2008 г.). Белгород: БелГУ, 2008. С. 123-129.
8. Клушина Н.И. Национальный стиль и медийный вариант языка // Вестник ТГПУ. 2018. № 4 (193). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-stil-i-mediynyy-variant-yazyka> (дата обращения: 16.02.2021).
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
10. Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 256 с.
11. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта : Наука, 2011. 160 с.
12. Полонский А.В. Язык современных СМИ: культура публичного диалога // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 34-40.
13. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Современные СМИ и проблема интолерантности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1(36) С. 171-181.
14. Солганик Г.Я. Язык современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1. С 3-6.
15. Солганик Г.Я. Язык СМИ на современном этапе // Мир русского слова. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 30.04.2021).
16. Pstyga A. Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na podstawie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych. Gdańk: Wyd-wo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013. 158 s.
17. Кайда Л.Г. Интермедийность – филологический континент: Вольтова дуга авторского подтекста: Монография. М.: Флинта, 2019. 112 с.

18. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 29 (2008) 2, pp. 105-134.
19. Kho Suet Niea. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? / Chang Peng Keea, Abdul Latiff Ahmada / *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 155, pp. 362-367.
20. Полонский А.В. Язык в контексте новых медийных технологий // *Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В.А. Пищальниковой* / Отв. ред.: канд. филол. наук, доц. К.С. Карданова-Бирюкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 187-199.
21. Полонский А.В. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // *Медиалингвистика. Материалы II Международной научно-практической конференции* / Отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 329-331.
22. Полонский А.В. Язык в формате медиа: краткое введение // *Современный дискурс-анализ*. 2018. № 1 (18). С. 4-21.
23. Милославский И.Г. От катастрофы через приватизацию к социализму // *Русская речь*. 2006. № 4. С. 59-61.
24. Костенко Я. Новый русский: какие слова добавил в наш лексикон 2020-й // *Известия*. 16 декабря 2020. URL <https://iz.ru/1100299/iaroslava-kostenko/novyi-russkii-kakie-slova-dobavil-v-nash-leksikon-2020-i>
25. Данн Джон А. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // *Политическая лингвистика*. 2008. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-russkogo-yazyka-iz-yazyka-sovetskogo-tipa-v-yazyk-zapadnogo-obraztza> (дата обращения: 03.02.2021).
26. Клушина Н.И. Культура в медиaprостранстве: структура и эффекты // *Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: Первый международный научный colloквиум*. Белгород, БелГУ, 26 - 27 сентября 2013 г.: Сборник научных работ / Под ред. Е.А. Кожемякина А.В. Полонского. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. С. 37-42.
27. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века: Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: изд-во МГУ, 2011. 392 с.
28. Глушкова В.Г. Деловая культура: русский коммуникативный идеал и проблема духовного выбора // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2015. № 1. С. 242-248.
29. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 238 с.
30. Thompson J.B. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. 1995. Cambridge. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/> (accessed: 16.04.2021).
31. Покровская Е.Г. Языковая игра в газетном тексте // *Русская речь*. 2006. № 6. С. 58-62.
32. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. *Вся наша жизнь – в мемах: Лингвистический анализ веселых картинок*. СПб.: Медиапир, 2021. 134 с.
33. Шмелева Т. В. Сегментация высказывания и слова // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2007. № 1-2. С. 104-116.
34. Мандельштам О. *Собр. Соч. В 4-х т. М., 1993. Т. 2. 706 с.*
35. Головина Э.Д. «Друг мой Аркадий, не говори красиво...»: О лексических ошибках в современной публичной речи // *Русская речь*. 2004. № 6. С. 77-80.
36. Эволюция форматов и жанров информационного и аналитического радиовещания: Материалы круглого стола / Л. Д. Болотова, Л. П. Шестеркина, О. Б. Медведев, Л.Д. Азарх, М. Л. Бергер, И. В. Малов и др. // *Журналистики и культура русской речи*. 2010. № 2. С. 36-55.

Referenses

1. Zasursky, Ya. N. Editor's column: mediatext in the context of convergence // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 10. Magazine-stick*. 2005. No. 2, Pp. 3-6.
2. Krongauz M. A. Preface / *language Dictionary internetage* / ed. by M. A. Krongauz. M.: AST-PRESS kniga, 2016. S. 3-8.
3. Vinokur G. O. *Language newspaper* // Vinokur G. O. *Culture language*. M.: Labirint, 2006. Pp. 127-167.
4. Volodina M. N. the Language of mass media is the primary means of influence on mass consciousness. M.: Izd-vo MGU, 2003. 458 p.
5. Volodina M. N. The language of mass media and information and language ecology of society // *Language and discourse of mass media in the XXI century*. M.: Academic Project, 2011. p. 6-18.
6. Dobrosklonskaya T. G. *Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of mass media (modern English media language)*. M.: Nauka : Flinta, 2008. 264 p.
7. Kazak M. Yu. Traditional and new approaches to the definition of the language of mass media // *Journalism and media education: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Belgorod, September 25-27, 2008)*. Belgorod: BelSU, 2008. pp. 123-129.

8. Klushina N. I. National style and media version of the language // *Bulletin of TSPU*. 2018. No. 4 (193). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-stil-i-mediynnyy-variant-yazyka> (accessed: 16.02.2021).
9. Kostomarov V. G. Language taste of the epoch. From observations on the real practice of mass media. St. Petersburg: Zlatoust, 1999. 320 p.
10. Lysakova I. P. The language of the newspaper and the typology of the press. Sociolinguistic research. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2005. 256 p.
11. Petrova N.E., Ratsiburskaya L. V. The language of modern media in the medium of speech aggression. Moscow: Flinta : Nauka, 2011. 160 p.
12. Polonsky A.V. The Russian language of modern media: the culture of public dialogue // *Mir russkogo slova*. 2009. No. 1. pp. 34-40.
13. Polonsky A.V., Glushkova V. G. Modern mass media and problems of intolerance // *Actual issues of modern philology and journalism*. 2020. No. 1 (36) pp. 171-181.
14. Solganik G. Ya. The language of modern media // *Journalism and Culture of Russian speech*. 2004. No. 1. P 3-6.
15. Solganik G. Ya. The Russian language at the present stage // *The world of the Russian word*. 2010. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-na-sovremennom-etape> (date of completion: 30.04.2021).
16. Pstyga A. translation in media communication. Selected issues based on Polish translations of Russian press texts. Gdańsk: University of Gdańsk, 2013. 158 p.
17. Kaida L. G. Intermediality - the philological continent: The Voltaic arc of the author's subtext: Monograph. Moscow: Flinta, 2019. 112 p.
18. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 29 (2008) 2, pp. 105-134.
19. Kho Suet Niea. Mediatization: A Grand Concept or Contemporary Approach? / Chang Peng Keea, Abdul Latiff Ahmada / *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. No. 155, pp. 362-367.
20. Polonsky A.V. Language in the context of new media technologies // *Methodology of modern linguistics-3: collection of articles in honor of the anniversary of V. A. Pishchalnikova* / Ed.: Candidate of Philology, associate Professor K. S. Kardanova-Biryukova. M.: R. Valent, 2021. pp. 187-199.
21. Polonsky A.V. Mediareality: what can we say about her today? // *Medialinguistics. Materials of the II International scientific and practical conference* / Ed. by A. A. Malyshev. St. Petersburg: SPBSU, 2017. pp. 329-331.
22. Polonsky A.V. Language in the media format: a brief introduction // *Contemporary discourse-analysis*. 2018. No. 1 (18). pp. 4-21.
23. Miloslavsky I. G. From katastrofyki through prikhvatizatsiyu to sotsikapizmu // *Russian speech*. 2006. No. 4. pp. 59-61.
24. Kostenko Ya. Novy Russian: what words did I add to our Lexicon in 2020? // *Izvestiya*. December 16, 2020. URL <https://iz.ru/1100299/iaroslava-kostenko/novy-russkii-kakie-slova-dobavil-v-nash-leksikon-2020-i>
25. Dunn, John A. Transformation of the Russian language from a Soviet-type language to a Western-style language. 2008. No. 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-russkogo-yazyka-iz-yazyka-sovetskogo-tipa-v-yazyk-zapadnogo-obraztsa> (accessed: 03.02.2021).
26. Klushina N. I. Culture in the media space: structure and effects // *The status of scientific and academic disciplines: The First International Scientific Colloquium*. Belgorod, Bel-GU, 26-27 September 2013: Collection of scientific papers / Ed. by E. A. Kozhemyakin A.V. Polonsky. Belgorod: CPI "POLYTERRA", 2013. pp. 37-42.
27. Annenkova I. V. Mediadiscours of XXI centure: Linguophilosophical aspect of the language of mass media. Moscow: MSU Publishing House, 2011. 392 p.
28. Glushkova V. G. Business culture: Russian communicative ideal and the problem of spiritual choice. Series: History. 2015. No. 1. pp. 242-248.
29. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russian: communicative management. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 238 p.
30. Thompson J. B. The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. 1995. Cambridge. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995>
31. Pokrovskaya E. G. Language game in the newspaper text // *Russian speech*. 2006. No. 6. pp. 58-62.
32. Prokofieva N. A., Shcheglova E. A. All our life - in memes: Linguistic analysis of funny pictures. St. Petersburg: Mediapapir, 2021. 134 p.
33. Shmeleva T. V. Segmentation of utterances and words // *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2007. No. 1-2. pp. 104-116.
34. Mandelstam O. collected works. In 4 volumes, Moscow, 1993. Vol. 2. 706 p.
35. Golovina E. D. " My friend Arkady, do not speak beautifully...»: On lexical errors in modern public speech // *Russian speech*. 2004. No. 6. pp. 77-80.
36. Evolution of formats and genres of information and analytical radio broadcasting: Materials of the round table / L. D. Bolotova, L. P. Shesterkina, O. B. Medvedev, L. D. Azarkh, M. L. Berger, I. V. Malov, etc. // *Journalism and Culture of Russian Speech*. 2010. No. 2. pp. 36-55.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.111-26

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.92.37.019

*Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики перевода и общего языкознания
Фомина С.Б.
Украина, г. Луганск, тел.+38050-938-18-61, e-mail:
sbfomina@gmail.com*

*Luhansk State University
named after Vladimir Dahl
The chair of theory and practice of translation
and general linguistics
PhD, associate professor
Fomina S.B.
Ukraine, Lugansk, tel.+38050-938-18-61
e-mail: sbfomina@gmail.com*

С.Б. Фомина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОКРАЩЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются лексико-семантические характеристики сокращений современного англоязычного газетного дискурса на материале англоязычных электронных изданий The New York Times, The Guardian, Forbes, The Independent, The Telegraph, Sunday-Times, особенности их функционирования. Газетный дискурс представлен как сфера функционирования различных сокращений, а именно контракций, усечений, блендинга, аббревиаций. Предметом выступают сокращенные лексические единицы, их функционирование в современной прессе и стратегии их передачи с английского языка на русский. Обработка фактического материала позволяет произвести количественный анализ лексики и определить наиболее характерный тип аббревиаций для текстов СМИ, определить их функции. Анализ материала позволяет фиксировать тот факт, что среди рассмотренных лексических единиц, именно аббревиатуры преобладают в современном газетном дискурсе, что подтверждает влияние событийности на изменение лексического состава языка и является мощным средством его пополнения. Функционирование образно-оценочных и культурно-маркированных сокращений в газетном дискурсе может как облегчать, так и усложнять восприятие информации. Однако сокращенные лексические единицы содержат широкий информационный потенциал, что позволяет фиксировать основное значение текста в памяти получателя и влияет на восприятие информации в нужном автору направлении. Словарь, включенный в текст, приобретает как информативное, так и эмоционально-оценочное значение.

Ключевые слова: сокращения (аббревиация), семантика, газетный дискурс, передача значений, контракции, блендинг, усечения, аббревиатуры.

S.B. Fomina

LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ABBREVIATIONS IN MODERN ENGLISH NEWSPAPER DISCOURSE AND TRANSLATION STRATEGIES

The article observes the lexical and semantic characteristics of abbreviations of the modern English-language newspaper discourse based on material of the English-language electronic publications from of The New York Times, The Guardian, Forbes, The Independent, The Telegraph, Sunday-Times, discusses the functioning of abbreviations. Newspaper discourse is presented as the sphere of functioning of various abbreviations, such as contractions, clipping, blending, abbreviations. The subject is abbreviated lexical units, their functioning in the modern press and strategies for their transfer from English into Russian. Factual material analysis allows carrying out a quantitative analysis of the vocabulary and determine the most typical type of abbreviations for media texts, their functions. The analysis of the material proves quantitative superiority of abbreviations that prevail in modern newspaper discourse that confirms the influence of eventfulness on the change in the lexical composition of the language and is a powerful means of replenishing it. The functioning of figurative and evaluative and culturally-marked abbreviations in newspaper discourse facilitates and complicates the perception of information at the same time. However, abbreviated lexical units contain a wide in-

formation potential, which allows fixing the main meaning of the text in the receiver's memory and affects the perception of information in the direction the author needs. The vocabulary included in the text acquires informative and emotionally evaluative value as well.

Key words: abbreviations (abbreviation), semantics, newspaper discourse, transmission of values, contractions, blending, truncations, abbreviations.

Язык функционирует как знаковая система, соответственно, большинство лексических новообразований могут оказаться громоздкими и неудобными в использовании. Именно сокращение лексических новообразований позволяет придать им более короткую и комплексную форму, сохраняя значение данных лексических единиц. Весь спектр сокращений направлен на создание кратких форм слов по сравнению с исходными формами.

Актуальность работы обусловлена современными тенденциями словоупотребления сокращений, изучением лингвистических норм и языковых средств, а также способов и приемов при их переводе. Сокращенные лексические единицы во многих отношениях остаются загадкой в лингвистическом плане, поскольку их исследование осуществляется с точки зрения структуры слова и его значения, морфем.

Объектом исследования является аббревиация, или сокращения в современной англоязычной прессе последних лет.

Предметом исследования выступают сокращенные лексические единицы, их функционирование в современной прессе и стратегии их передачи с английского языка на русский.

Цель статьи – анализ семантических и структурных особенностей, а также способы перевода сокращенных англоязычных лексических единиц современной прессы с английского языка на русский.

Применение интегративного подхода к классификации сокращений и способов их передачи с английского языка на русский позволяет достичь данной цели.

Материалом исследования являются лексические единицы (80ЛЕ), полученные методом сплошной выборки из текстов англоязычных изданий последних лет: The New York Times, The Guardian, Forbes, The Independent, The Telegraph, Sunday-Times.

Быстрое и непрерывное увеличение объема информации (в частности увеличение количества печатных изданий), с одной стороны, и рост сложных, не однословных наименований – с другой, вызвали естественное желание сокращать текст путем введения аббревиатур. Сокращение считается явлением историческим, прошедшим ряд этапов в своем развитии, а именно: произвольное сокращение в древности и в эпоху античности; аббревиация в средние века и Новое время; создание и функционирование аббревиатурных номинаций в современной языковой ситуации. Аббревиация, или сокращение – способ словообразования, сутью которого стало уменьшение слова, или одной из его частей, в результате чего новая форма приобретает некоторую языковую ценность сама по себе. Аббревиация является одним из способов сокращения фразовых терминов в их начальные буквы.

Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают различные причины создания сокращенных ЛЕ: экстралингвальные и внутрилингвальные факторы порождения аббревиатур.

К числу внутрилингвальных факторов В.В. Борисов, например, относит контекст, общность языковых навыков говорящих, языковую привычку, частоту употребления в речи и «стереотипность» производящей единицы. Однако чаще всего создание различных сокращений объясняется «принципом наименьшего усилия», или «законом экономии речевых средств» [1, с. 28].

Сокращение – способ словообразования, путем уменьшения слова, или одной из его частей, в результате чего новая форма приобретает некоторую языковую ценность сама по себе.

Итак, сокращения выполняют специфические задачи – в значительной степени расширяют деривационные возможности лексики, и в этом их ценность. Отказ от использования сокращений привел бы к непомерному разрастанию текстов.

Отметим синонимичность терминов «сокращение» (shortening, reduction) и «аббревиация». Так, В.И. Заботкина выделяет четыре типа сокращений: аббревиатуры, акронимы, усечения, слияния (блендинг) [2, с. 36]. А.П. Шаповалова среди лингвальных факторов выделяет стремление произносить аббревиатуры как единые слова, влияние разговорного и жаргонного языков, а также использование терминов [3, с. 36].

Новозеландский лингвист Л. Бауэр [4] предлагает разделить сокращения на:

1) контракции (слияние) – два слова, объединены вместе и произносятся как одно новое слово (обычно функциональные слова, такие как вспомогательные глаголы, артикли и предлоги) *don't* (do + not), *wanna* (want + to);

2) усечения – удаление части слова: а) начальное (apheresis) – передняя часть слова опущена: (tele)phone; б) медиальное (syncope) – средняя часть слова опущена: spec(ification)s; в) финальное (apocope) – лишняя часть слова отбрасывается: gas(oline); д) сложный (mixed = смешанный тип) – два или более типов (один или несколько типов) отсечения, используемых вместе для формирования нового слова: (re)frige(rator), sci(ence)-fi(ction);

3) блендинг – формирование нового слова, имеющего отличительное значением из двух или более других слов: *smog* (smoke + fog), *hangry* (hungry + angry);

4) аббревиатуры – создание новых слов, основанных на другом слове или словах, которые сокращены только до его или их начальных букв: а) акроним – сокращенное слово произносится как целое новое слово, а не буква за буквой, например: UNESCO (ЮНЕСКО) (произносится [ju:'neskəʊ]); б) инициализм (алфавитизм) – сокращенное слово произносится буква за буквой: OCR – optical character recognition (произносится [əʊ si:'ɑ:r]).

Итак, современная аббревиация представляет собой явление общеязыковое, заслуживающее серьезного теоретического и практического внимания. Всего в исследовании рассмотрено 80 лексических единиц – сокращений, принятых нами за 100%.

1. Контракция (10 ЛЕ – 12%) (обычно функциональные слова, такие как вспомогательные глаголы, артикли и предлоги): *you'd*, *don't*, *who've*, *it's*, *didn't*, *that's*, *he's*, *next year's*, *aren't*, *we're*. Контракции подвергаются в основном вспомогательные глаголы и отрицательная частица 'not'(не), так как в предложении они безударные. Анализ фактического материала показал, что в газетных текстах довольно часто прибегают к контракции, однако вариативность их ограничена.

Например, общепринятые сокращения разговорного английского являются типичной практикой новостного текста, приближая тем самым читателя, и, создавая неформальный тип общения: “Prima facie, *you'd* think this was simple dumbing down, but Howe did claim a practical reason” (На первый взгляд, вы могли бы подумать, что это было просто глупо, но Хоу обосновал это с практической точки зрения) [5].

2. Усечение (clipping) (14 ЛЕ – 17%) – удаление части слова, считается более применимым в разговорной речи, в исследованных текстах замечены:

1) с начальной формой (apheresis) передняя часть слова опущена: “When Mr. Pompeo *phoned* his European counterparts after the strike, they expressed concern” (Когда г-н Помпео позвонил своим европейским коллегам после забастовки, они выразили обеспокоенность) [6];

2) медиальное (syncope) – средняя часть слова опущена: *Dr.* (doctor), *Mr.* (mister), *Ms.* (Mistress).

Подобные сокращения типичны для печатных новостных изданий, они понятны читателю, так как являются общепринятыми, кроме того частотность подобных сокращений в одной публикации довольно велика.

3) финальное (apocope) – *Dec.* (December), *Fri*, *Feb*, *Mar*, *Oct*, *Tue*, *Mon* (Monday): “Two days later, on *Dec.* 31, pro-Iranian protesters backed by many members of the same militia responded by breaking into the American Embassy compound in Baghdad and setting fires” (Два дня спустя, 31 декабря, проиранские протестующие, поддерживаемые многими представителями закона, отреагировали на это вторжением в здание американского посольства в Багдаде и поджогами) [6];

4) сложный (mixed = смешанный тип) – *Robert C. O'Brien* (Robert Charles O'Brien), *movie* (moving-picture):

Например: “Some of the Marines made dry jokes about the *movie*” (Некоторые морские пехотинцы подшучивали над фильмом) [6].

3. Блендинг (7 ЛЕ – 9%) – образование нового слова, путем смешения двух или более слов. Блендинг – один из способов образования новых лексических единиц в языке, который в последние годы является незаменимым при создании неологизмов в политическом дискурсе: *Brexit* (Брекзит), *crunk* (*crazy and drunk* – сумасшедший и пьяный), *Grexit* (Грекзит), *Mexit* (Мегзит), *midterms* (промежуточные выборы), *Obamanomics* (Экономическая программа, предложенная, президентом США – Обамой), *podcast* (англ. podcasting, от iPod и англ. *broadcasting* (процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов)).

Любая новостная ситуация может породить еще один авторский неологизм, привлекающий внимание читателя и созданный по аналогии: “Prince Harry laughs off question about *Mexit* in first appearance since royal split” (Принц Гарри рассмеялся из-за вопроса о *Mexit* при первом публичном появлении после королевского раскола) [7].

Язык новостного текста становится более неформален, новости становятся разножанровыми, так критика интернета порождает неологизмы-сокращения: “But whoever wrote the FBI list must have been *crunk* (crazy and drunk)” (Но тот, кто написал список ФБР, должен был быть сумасшедшим (сумасшедшим и пьяным) [8].

4. Аббревиатуры (акронимы и инициализмы): 49 ЛЕ – 62%: акронимы: *BAFTA* (The British Academy of Film and Television Arts); *CEO* (Chief Executive Officer); *C.I.A.* (Central Intelligence Agency); *etc.* (et cetera: Latin: And So Forth); *IRS* (the Internal Revenue Service); *FBI* (Federal Bureau of Investigation); *LOL* (lots of love); *LOL* (laugh out loud); *NATO* (North Atlantic Treaty Organization); *OPEC* (Organization of the Petroleum Exporting Countries); *RIP* (Rest In Peace); *RNLI* (The Royal National Lifeboat Institution); *START* (the Strategic Arms Reduction Treaty); *UN* (United Nations); *US* (United States); *WTI* (West Texas Intermediate). Инициализмы (алфавитизмы) – *AI* (artificial intelligence); *a.m.* (лат. ante meridiem); *AKA* (Also Known As); *bpd* (barrels per day); *CV* (Curriculum Vitae); *ie.* (id est, Lat.); *ECB* (European Central Bank); *FMTKFYTFO* (for me to know, for you to find out); *Fed.* (Federal Reserve Board); *5G* (fifth generation); *IBM* (International Business Machines); *INF* (Intermediate Nuclear Forces); *GDP* (Gross Domestic Product); *GDS* (Global Distribution System); *MQ-9* (Message Queue Computing); *MPs* (members of parliament); *MRI* (Magnetic resonance imaging); *NWLC* (National Women’s Law Center); *NHS* (National Health Service); *NFL* (National Football League); *NSAW* (not saying a word); *ONS* (Office for National Statistics); *p.m.* (лат. post meridiem); *PPI* (producer price index); *R&D* (Research & Development); *TLGO* (the list goes on); *TV* (television); *UK* (United Kingdom); *XM* (extended module) – (англ. satellite radio); *YKWRGMG* (You know what really grinds my gears)?; *X-rays* (electromagnetic radiation).

Следует отметить, что некоторые акронимы, представленные в исследованных нами печатных изданиях, уже плотно вошли в нашу жизнь и не представляют трудностей в понимании: *EU*, *FBI*, *NATO*, *OPEC*, *UN*, *US*, латинский акроним *etc.*

Новостные издания информируют читателей не только о событиях мире, но и некоторых фактах касающихся непосредственно участников интернет-коммуникации, так статья “*Trending FBI gives new meaning to capital offence*” (ФБР придает новое значение для преступления против капитала) знакомит читателей с сокращениями интернет чатов, среди представленного списка присутствует даже разъяснение акронима *LOL* со значениями (lots of love) и (laugh out loud) [9].

Среди инициализмов присутствуют также известные большинству читателей аббревиатуры *a.m.* (лат. ante meridiem), *CV* (Curriculum Vitae), *ie.* (id est, Lat.), *p.m.* (лат. post meridiem), *TV* (television), *UK* (United Kingdom), *X-rays* (electromagnetic radiation). Нельзя не заметить и присутствие инициализмов нетипичных для печатных изданий, однако известных большинству участникам чатов и интернет-сообществ: *FMTKFYTFO* (for me to know, for you to find out), *YKWRGMG* (You know what really grinds my gears).

Английский язык характеризуется многозначностью, т.е чем значительнее семантический ряд слова, тем больше его сочетаемость с другими лексическими единицами, соответственно возможны различные варианты передачи смысла лексических единиц.

Использование переводческих трансформаций дает возможность без отклонений передавать всю информацию, находящуюся в тексте оригинала, с учетом норм переводящего языка. К основным типам трансформаций при переводе аббревиатур и других сокращений, относят такие переводческие приемы как: эквивалентный перевод, транслитерация, транскрипция, калькирование, экспликация (описательный перевод), заимствование иностранного сокращения с сохранением латинского написания, создание нового русского сокращения. Следует отметить, что «любой переводческий акт всегда происходит в определенном дискурсивном контексте: переводческий процесс невозможно представить происходящим в отрыве от контекстуальных экстралингвистических факторов» [10].

Эквивалентный перевод 15 ЛЕ (20%) – вариант перевода, когда значение английского слова полностью соответствует значению одного русского слова: *bpd* (barrels per day – баррелей в сутки), *CV* (Curriculum Vitae – резюме), *Dec.* (декабрь), *Dr.* (доктор), *ie.* (id est.– то есть), *etc.* (et cetera: Latin: And So Forth – и другие, и тому подобное, и так далее), *Fri* (Friday – пятница), *Feb* (February – фев-

раль), *Mar.* (март), *Oct.* (октябрь), *phone* (телефон), *plane* (самолет), *Tue* (Tuesday – вторник), *TV* (телевидение), *X-rays* (electromagnetic radiation – рентген).

Транслитерация (4ЛЕ–5%): *IBM* (International Business Machines – американская компания, один из крупнейших в мире производителей и поставщиков аппаратного и программного обеспечения), *OPEC* (Organization of the Petroleum Exporting Countries – ОПЕК), *NATO* (North Atlantic Treaty Organization – НАТО Североатлантический Альянс), *NFL* (National Football League – НФЛ Национальная футбольная лига).

Транскрипция (передача фонетической формы сокращения русскими буквами) – (8 ЛЕ – 10%): *Brexit*: от *Britain* (Британия) + *Exit* (выход) – (Брекзит), *Mr* [ˈmɪstər] – М-р. (мистер), *Ms* [mɪs] (миз), *Grexit* (Greece)+ (Exit) (Грекзит), *Mexit* (Мегзит), *podcast* (англ. podcasting, от iPod и англ. broadcasting – подкаст).

Калькирование (средство перевода лексической единицы оригинала путем замены слов их лексическими соответствиями в языке перевода) – (38 ЛЕ – 46%): *AI* (artificial intelligence) – (ИИ) искусственный интеллект), *AKA* (Also Known As – Также известная, как), *a.m.* (лат. ante meridiem) – до полудня), *aren't* (не), *BAFTA* (The British Academy of Film and Television Arts – Британская академия кино и телевизионных искусств), *BOGSAT* (bunch of guys sitting around talking – группа парней, сидящих без дела, общающихся), *CEO* (Chief Executive Officer – главный исполнительный директор), *don't*, *didn't* (не), *ECB* (European Central Bank) – Европейский центральный банк, *EU* (the European Union – ЕС), *FBI* (Federal Bureau of Investigation – Федеральное бюро расследований (ФБР), *FMTKFYTFO* (for me to know, for you to find out – Для меня, чтобы знать, для вас, чтобы выяснить); *GDP* (Gross Domestic Product – Валовой внутренний продукт (ВВП), *GDS* (Government Digital Service – Государственная цифровая служба), *he's*, *she's*, *I'm* – он (она, я) является(юсь), *INF* (Intermediate Nuclear Forces – промежуточные ядерные силы), *It's* (это), *IRS* (the Internal Revenue Service – Налоговое управление США), *MPs* (members of parliament – депутатам (члены парламента), *LOL* (lots of love – с любовью), *LOL* (laugh out loud – громко смеяться), *MRI* (Magnetic resonance imagin – МРТ (магнитно-резонансная томография)), *NWLC* (National Women's Law Center – Национальный женский юридический центр), *NHS* (National Health Service – Национальная служба здравоохранения), *NSFW* (not safe for work – небезопасно для работы), *next year's* (следующий год является), *ONS* (Office for National Statistics – Управление национальной статистики), *p.m.* (лат. post meridiem – после полудня), *PPI* (producer price index – Индекс цен производителей), *RIP* (Rest In Peace – покойся с миром), *TLGO* (the list goes on – список можно продолжать), *that's* – это, *UK* (United Kingdom – Великобритания), *you'd* (вы могли бы), *who've* really been (которые действительно оказали), *we're* (мы являемся), *YKWRGGMG* (You know what really grinds my gears? – Вы знаете, что действительно меня раздражает?).

Экспликация (описательный перевод) – (8 ЛЕ – 10%): *crunk* (*crazy and drunk* – сумасшедший и пьяный), *5G* (*fifth generation* – пятое поколение мобильной связи), *MQ-9* Message Queue Computing Reaper – Беспилотный летательный аппарат (БПЛА)), *midterms* – промежуточные выборы), *Obamanomics* (экономическая программа, предложенная, действующим президентом США), *Robert C. O'Brien* / Robert Charles O'Brien (Роберт Чарльз О'Брайен), *XM* (extended module – цифровое радио), *WTI* (West Texas Intermediate – Texas light sweet – марка нефти, которая добывается в штате Техас (США) – эталонная нефть WTI).

Создание нового русского сокращения (создание в соответствии с правилами русской аббревиации нового сокращения в русском языке) – (8 ЛЕ – 10%): *C.I.A.* (Central Intelligence Agency – Центральное разведывательное управление (ЦРУ)), *Fed. (US)* Federal Reserve Board – Совет, управляющий федеральной резервной системой (ФРС)), *R&D* (Research & Development – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР)), *RNLI* (The Royal National Lifeboat Institution – (КОСВ) Королевское Общество Спасания на Водах), *START* (the Strategic Arms Reduction Treaty (СНВ) – Договор о стратегических вооружениях с Россией), *UN* (United Nations – ООН), *US* (United States – Соединенные Штаты (США)).

Правильное применение переводческих трансформаций и анализ способов перевода помогает достичь максимально адекватного перевода.

Анализ лексики и способы передачи значений сокращений с английского языка на русский показал, что наиболее частотным способом передачи значения сокращений является калькирование, далее распространенным методом, который применяется при переводе сокращений в газетных текстах, является метод эквивалентного перевода. Итак, калькирование можно считать достойным

способом осмысления сокращенной лексической единицы, при котором сохраняются все вложенные в нее смыслы.

Таким образом, можно заключить, что сокращения являются функциональным компонентом газетного новостного текста, помогают ввести в курс дела читателя, а также участвуют в экономии языковых средств, в то же время, требуют дополнительных энциклопедических, фоновых знаний.

Библиографический список

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1972. 320 с.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
3. Шаповалова А.П. Опыт построения общей теории аббревиации: на материале французских сокращенных лексических единиц: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов, 2004. 421 с.
4. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge University Press, 1983. 311 p.
5. Benedictus Leo. Goodbye, etc: why the UK government will stop using Latin abbreviations online. URL: <https://www.theguardian.com/science/shortcuts/2016/jul/25/> (дата обращения: 10.10.2020)
6. Baker Peter, Ronen Bergman. Seven Days in January: How Trump Pushed U.S. and Iran to the Brink of War. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 10.01.2020)
7. Desk Web. Prince Harry laughs off question about Mexit in first appearance since royal split. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/599495-prince-harry-laughs-off-question-about-mexit-in-first-appearance-since-royal-split> (дата обращения: 28.09.2020)
8. The Daily Telegraph. Trending FBI gives new meaning to capital offence. // URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/lifestyle/2014-06-22-trending-fbi-gives-new-meaning-to-capital-offence/> (дата обращения: 25.01.2020)
9. Trending FBI gives new meaning to capital offence. URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/lifestyle/2014-06-22-trending-fbi-gives-new-meaning-to-capital-offence/> (дата обращения: 25.01.2020)
10. Берсенева Н.С., Гвишиани Н.Б. Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 65-74.

References

- 1 Borisov V.V. Abbreviation and acronymy. Military and scientific technical abbreviations in foreign languages. Moscow: Military. publishing house of the USSR Ministry of Defense, 1972. 320 p.
2. Zabotkina V.I. New vocabulary of modern English. Moscow, 1989. 126 p.
3. Shapovalova A.P. Experience of constructing a general theory of abbreviation: on the material of French abbreviated lexical units: thesis ... Dr. of Philology. Rostov, 2004. 421 p.
4. Bauer, L. English Word-Formation. Cambridge University Press, 1983. 311 p.
5. Benedictus Leo. Goodbye, etc: why the UK government will stop using Latin abbreviations online. URL: <https://www.theguardian.com/science/shortcuts/2016/jul/25/> (date of application: 10.01.2020)
6. Baker Peter, Ronen Bergman. Seven Days in January: How Trump Pushed U.S. and Iran to the Brink of War. URL: <https://www.nytimes.com> (date of application: 10.10.2020)
7. Desk Web. Prince Harry laughs off question about Mexit in first appearance since royal split. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/599495-prince-harry-laughs-off-question-about-mexit-in-first-appearance-since-royal-split> (date of application: 28.09.2020)
8. Trending FBI gives new meaning to capital offence. URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/lifestyle/2014-06-22-trending-fbi-gives-new-meaning-to-capital-offence/> (date of application: 25.01.2020)
9. The Daily Telegraph. Trending FBI gives new meaning to capital offence // Sunday-Times, 22 June 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/lifestyle/2014-06-22-trending-fbi-gives-new-meaning-to-capital-offence/> (дата обращения: 25.01.2020)
10. Berseneva N.S., Gvishiani N.B. Discursive features of word-formation strategies in the translation of terminological units // The Bulletin of MSU. Ser. 9. Philology. 2018. Vol. 5. P. 65-74.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPL.2021.41.37.020

Арзамасский филиал ННГУ
кандидат филологических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
русского языка и литературы
Никифорова О.В.
Россия, г. Арзамас, тел. +7(920)077-11-61,
e-mail: nov@arz.unn.ru

Arzamas branch of UNN
Candidate of Philology
assistant professor,
head of department
Russian language and literature
Nikiforova O.V.
Russia, Arzamas, tel. +7 (920) 077-11-61,
e-mail: nov@arz.unn.ru

О.В. Никифорова

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«С ЛЮБОВЬЮ К СЛОВУ» (АРЗАМАС, 09–10 ФЕВРАЛЯ 2021 Г.)

O.V. Nikiforova

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
«WITH LOVE TO THE WORD» (ARZAMAS, FEBRUARY 09–10, 2021)

С 9 по 10 февраля 2021 года в городе Арзамасе на базе Арзамасского филиала ННГУ им. И.Н. Лобачевского состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «С любовью к слову», приуроченная к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования.

Научная и педагогическая деятельность Л.А. Климковой на благо русской филологии заслуживает высокой оценки. Лингвист Л.А. Климкова отпраздновала юбилей 2 февраля. Специалист в области русской диалектологии и ономастики, она известна как автор более 350 публикаций, большая часть которых посвящена языку Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны. Среди них «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)», «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира», «Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ», хрестоматия «Речи родимой бескрайняя даль...»: говоры Нижегородского Окско-Волжского-Сурского междуречья [1], [2], [3], [4].

Л.А. Климкова – руководитель научной лаборатории диалектологических исследований научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры», научного направления «Проблемы регионалистики». С 1994 года под научным руководством Л.А. Климковой успешно защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

В оргкомитет Всероссийской научной конференции с международным участием «С любовью к слову» было представлено 110 докладов 123 авторов. География мероприятия обширна и включает специалистов не только из 24 городов России, в числе которых: Арзамас, Белгород, Борисоглебск, Брянск, Воронеж, Волгоград, Иваново, Йошкар-Ола, Кострома, Москва, Нижний Новгород, Орёл, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Самара, Саранск, Смоленск, Сызрань, Сургут, Сыктывкар, Томск, Тольятти, Шуя, Ярославль, но и зарубежных учёных из университетов Витебска (Республика Беларусь), Донецка (Донецкая Народная республика), Луганска (Луганская Народная Республика), Мозы-

ря (Республика Беларусь), Тирасполя (Молдова). Кроме того, особенностью этого научного форума является участие в нём учителей, библиотекарей, бывших студентов и учеников Л.А. Климковой из небольших городов и сёл Нижегородской области: г. Княгинино, г. Кулебаки, г. Лукоянов, с. Бахтызино Вознесенского района, с. Яново Сергачского района.

В работе научной конференции приняли участие учёные различных специальностей – лингвисты, литературоведы, философы, историки, психологи, социологи, педагоги. Состоялись два пленарных и пять секционных заседаний. На двух пленарных заседаниях было представлено 11 докладов.

Первое пленарное заседание открыл доклад В.К. Харченко (Белгород) «Слово в руках мастера: Л.А. Климкова как исследователь микропонимики», в котором рассматривался вклад профессора Л.А. Климковой в развитие отечественной микропонимики, охарактеризовано соотношение микропонимов и теории имени собственного, поставлены проблемы продолжения поиска.

Е.В. Цветкова (Кострома) в докладе «Микропонимический словарь Л.А. Климковой как источник для топонимических исследований (нижегородская и костромская микропонимия)» проанализировала значимость использования «Микропонимического словаря Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л.А. Климковой в топонимических исследованиях.

Л.Я. Костючук (Псков) в докладе «Вечно живое народное псковское слово (синхронно-диахронный аспект изучения)» подчеркнула, что сбор, лексикографирование, изучение псковской речи привели к пониманию её синхронно-диахронных отношений с соседними языками в условиях пограничья с балтами, финно-уграми. Ряд особенностей псковских говоров отличает их не только от всех других русских наречий, но и от восточнославянских языков и даже от всех других славянских. Работа над Псковским областным словарём с историческими данными привела к неожиданным выводам, открытиям, в частности о важности учёта данных археологии о времени появления славян-кривичей в Поозерье.

В докладе «Польская и литовская онимия в очерке П.В. Кукольника «Путешествие по Замковой улице» В.И. Супрун (Волгоград) на основании теоретических положений русского ономотолога Л.А. Климковой рассмотрел онимические единицы, отмеченные в очерке Павла Васильевича Кукольника «Путешествие по Замковой улице» (1860). Как установил учёный, на страницах очерка встречается большое количество фамилий на *-ский* и *-цкий*, второй же по частотности антропонимической моделью являются фамилии с суффиксом *-ович/-евич*.

В докладе Е.А. Погорелой (Тирасполь) «Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира» проанализированы причины формирования тенденций к трансформации системы социальных ценностей языковой личности в контексте социокультурной модернизации полиэтничного сообщества стран ближнего зарубежья, определена степень влияния глобальных культурных ценностей на состояние русского языкового мира.

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород) в докладе «Актуальные российские реалии в современных деривационных процессах» рассматриваются современные деривационные процессы узуального и неузуального характера в социокультурном и лингвокультурологическом аспектах: использование в деривационных процессах социально значимых слов, ключевых словообразовательных формантов и моделей, экспрессивных способов словообразования.

Второе пленарное заседание открыл доклад «Диалектная лексика в словарях русского литературного языка» С.А. Мызников (Москва), в котором анализу подвергается лексика диалектного происхождения, в разное время фиксировавшаяся в академических словарях русского языка, нередко со сменой статуса в диахронии.

Н.А. Максимчук (Смоленск) в докладе «О некоторых особенностях отражения в микропонимах истории края» обосновала важность использования микропонимов как ценного наследия культуры, которые часто для разрешения проблем исторических явлений дают больше, чем памятники материальной культуры. Докладчик на конкретном региональном материале выделил принципы классификации исторических микропонимов с точки зрения типа передаваемой информации, способов её выражения и извлечения, оценив степень устойчивости содержания микропонимов.

Семантические, лексические и словообразовательные инновации в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией коронавируса, рассмотрены в докладе «Русское слово vs коронавирус: к проблеме «языковой самообороны»» Т.Б. Радбилем (Нижний Новгород). Автор представил лингвокогнитивную и лингвокультурологическую интерпретацию активных процессов в русском языке интернета в контексте проблемы «языковой самообороны».

Н.В. Васильева (Москва) в докладе «Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры» с точки зрения стилистики и психолингвистики текста проанализировала фрагмент романа Т. Толстой «Кысь», содержащий список библионимов (названий печатных произведений), а также продемонстрировала набор авторских техник, превращающих этот список в манипулятивную игру с читателем.

Серьезную проблему затронул в докладе ««Звезда полей»: от фольклора (?) к художественным прозе и поэзии (заметки дилетанта)» А.А. Кузнецов (Нижний Новгород). Автор рассматривает бытование художественного образа «звезда полей» в российской словесности. В статье показаны пути развития образа, во-первых, к стихотворению В.Н. Соколова; во-вторых, через прозу К.Г. Паустовского к стихотворению Н.М. Рубцова; в-третьих, к песне современного музыканта и исполнителя. Прослеживается влияние М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина на стихотворение «Звезда полей» Н.М. Рубцова. Выявляются новые факты влияния К.Г. Паустовского на творчество Н.М. Рубцова.

Обсуждение лингвистических проблем было продолжено на пяти секциях.

Работа секции «Слово: синхронный и диахронный аспекты» была направлена на рассмотрение лексических единиц как в развитии, в их изменении во времени, так и на срезе современного языкового состояния. Л.П. Батырева (Шуя) представила картины жизни ивановской деревни по материалам книги В.И. Майоровой «Слово о былом». Энантисемия в русских говорах охарактеризована И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой (Москва). Лексема *квас* в истории русского языка и в современных русских говорах проанализирована в докладе О.В. Васильевой (Санкт-Петербург). Н.С. Ганцовская и С.В. Окуловская (Кострома) уделили внимание характеристике общенародной лексики в русских говорах в синхронно-диахронном ракурсе на примере слова *мужик*: по следам Б.А. Ларина. Топонимический атлас Тамбовской области: основные группы географических названий и их ареальная характеристика представлены в докладе Ю.Ю. Гордовой (Москва). Истории глагола *орать* в русском языке посвящён доклад Л.А. Дмитрук (Кострома). О.И. Жмурко (Иваново) охарактеризовала локализмы в речи жителей г. Иванова. Лексическая периферия как потенциал русского нормативного словарного состава явилась предметом рассмотрения С.А. Журавлева (Йошкар-Ола). Фразеология семантического поля *дом* в русских народных говорах охарактеризована Е.А. Забродкиной (Арзамас). Терминам свойства в архангельских говорах посвящён доклад И.Б. Качинской (Москва). Гизаурус лексикографических материалов для составителей и редакторов «Большого академического словаря русского языка», а также пробные словарные статьи цифровой версии Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей представил С.В. Лесников (Санкт-Петербург). В докладе О.Д. Паршиной (Тольятти) осуществлён функционально-семантический анализ лексемы «*глубинка*» как репрезентанта семантического поля провинции. Сравнительная характеристика словообразовательных гнезд с антонимичными вершинами богатый/бедный проведена О.А. Пацукковой и А.А. Абдулатиповой (Нижний Новгород). Словообразовательное субгнездо с корнями *sʏrd- b *bolʹ в истории русского языка в семантическом и словообразовательном аспектах проанализировала Д.В. Тимошина (Самара).

«Слово в художественном тексте» – секция, которая была посвящена исследованию функционирования языковых единиц в художественном дискурсе. В докладе Е.Л. Бобылева (Арзамас) обосновывается тезис о художественном тексте как общественной технике чувств. Функционирование глаголов *говорить/сказать* в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» рассмотрела Л.В. Алешина (Орёл). Проблемы перевода анахронизмов и диалектизмов на английский язык на примере анализа переводов романа И.А. Гончарова «Обломов» поставлены Г.Т. Безкоровайной (Москва). Концептуальная метафора «Мир – Театр» в повести А.С. Пушкина «Египетские ночи» охарактеризована Е.В. Валеевой (Арзамас). Доклад Н.В. Жучковой (Арзамас) посвящён собственно авторской пунктуации в произведениях современного нижегородского писателя Захара Прилепина. Антропонимы в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» охарактеризовала М.С. Зимица (Москва). Характеристика диминутивов в сказах П. Бажова дана Е.П. Иванян (Самара). Доклад Д.В. Калишкиной (Арзамас) посвящён цветовой символике в литературных произведениях К. Бальмонта. Типология эмоций в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» представлена Е.В. Каркуновой (Лукоянов). О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» размышляла А.М. Ключина (Самара). Анализ имен собственных в последней поэме А.Т. Твардовского «По праву памяти» осуществлён И.А. Королевой (Смоленск). В докладе Е.В. Мариновой (Нижний Новгород) рассматриваются особенности выбора имени персонажа в произведениях современных авторов в тех

случаях, когда в качестве единственного (или второго) имени героя писателем избирается ник. Ментальные имена в лирическом дискурсе Евгения Баратынского охарактеризовала Н.В. Патроева (Петрозаводск). Концептуальное содержание местоимений первого лица в стихотворении П. Когана «Монолог» выявлено Н.Е. Петровой и М.С. Воробьёвой (Нижегород). Способы создания характера в романной прозе Л.Е. Улицкой рассмотрены Е.А. Подъячевой (с. Яново Нижегородской области). «Звучащий» мир орловской деревни на примере аудиальной лексики в творчестве Т.И. Грибановой представлен А.Р. Поповой (Орёл). Доклад А.В. Проскоковой (Санкт-Петербург) посвящён символу «соловей» в русской фразеологии и поэзии. Особенности лексического уровня языковой личности писателя В.С. Матвеева выявлены А.С. Скрябиной (Сургут). Специфику взаимодействия онимов и апеллятивов в художественном тексте Ф.М. Достоевского представила в своем докладе С.А. Скуридина (Воронеж). Разработка и применение модели анализа образных полей поэтического языка в практике вузовского преподавания лингвистических дисциплин продемонстрированы М.Г. Соколовой (Тольятти). Символика «пограничных зон» в стихотворении А.А. Блока «Вхожу я в темные храмы...» явилась предметом размышлений Н.Е. Титковой (Арзамас). Автоцитацию в лирике Николая Рубцова охарактеризовал В.Б. Тюрин (Арзамас). Лексические новообразования в публицистике Ф.М. Достоевского рассмотрела М.Г. Уртминцева (Нижегород). Доклад А.А. Цветковой (Нижегород) посвящён имени прилагательному как средству выражения семантики определённости-неопределённости в пьесах М.А. Булгакова. Способы парафразирования словесного текста средствами кинематографа на материале рассказа Ю. Яковлева «Игра в красавицу» и его киноверсии представила О.Н. Челюканова (Арзамас).

Секция «Региональное слово как средство презентации языка народной культуры» объединила доклады, посвящённые осмыслению языка как культурного кода, в своих семантических связях сохраняющего в свёрнутом виде древнейшие мировоззренческие представления, ментальные стереотипы, ключевые концепты русского народа, специфику духовной жизни региона. Так, словарь говора села как отражение языка народной культуры охарактеризован Э.Н. Акимовой (Москва). Доклад Н.А. Азаровой (Москва) посвящён топонимии России в рамках курса «Лингвострановедение» для китайских студентов гидротехнических специальностей. Летопись одного из сёл самарского Заволжья, содержащая описание погодных условий землепользования, диалектные наименования травянистых растений, транспортных средств, орудий труда, является одним из источников регионального словаря, по наблюдениям Т.Е. Баженовой (Самара). Народное представление о границе в диалектном слове «сутки» представлено Т.Н. Бунчук (Сыктывкар). Антропонимикон как отражение истории и культуры региона охарактеризовала Л.Н. Верховых (Борисоглебск). В докладе А.В. Гузновой (Княгинино) проанализирована лексема «бабай» в прозвищной номинации говоров Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Легенды воронежской микротопонимии представил Г.Ф. Ковалев (Воронеж). Репрезентация семантического поля «*дети*» в русских говорах на территории Республики Мордовия осуществлена А.Ю. Масловой (Саранск). Наименования обрядовых кушаний в русских говорах на территории республики Мордовия рассмотрела Т.И. Мочалова (Саранск). В докладе О.В. Никифоровой (Арзамас) охарактеризованы наименования обряда «смотрины невесты» на материале нижегородских говоров. Микротопонимы, ставшие основой региональной ойконимии, явились предметом исследования С.А. Попова (Воронеж). Микроурбанонимы как разряд имен собственных описаны Р.В. Разумовым (Ярославль). Топонимическое пространство села Бахтызино и его окрестностей изучила Е.И. Сазикова (с. Бахтызино Нижегородской области). Г.С. Самойлова и И.С. Походяев (Нижегород) проанализировали особенности топонимического пространства Ветлужского района Нижегородской области как отражение его истории. Образ региона в диалектной лексике и фразеологии представила Т.А. Сироткина (Сургут). Доклад И.В. Толкачевой (Нижегород) посвящён образу старой девы в диалектном языковом сознании.

В ходе работы секции «Функционирование слова в разных сферах коммуникации» были рассмотрены следующие вопросы: оппозиция «свой – чужой» в дискурсе информационной войны (Н.Е. Белова, Арзамас), парадигматика «ковидных» слов в современной речи (Е.И. Бударagina, Нижний Новгород); лингвофилософия о языке социальных феноменов (О.А. Верещагин, Арзамас), органичное сочетание книжного и разговорного в языке современной публицистики: лексический и синтаксический уровень (Н.П. Галкина, Кострома), репрезентация концепта «богатство» в устных автобиографических рассказах (Т.А. Демешкина, С.В. Волошина, М.А. Толстова, Томск), теоретическая аргументация в правовой риторике (В.А. Колосова, А.А. Королев, Арзамас), российские литературно-

художественные журналы в поисках национальной идентичности (О.Е. Коханая, Ю.А. Головин, Москва), дискурс социальной рекламы как коммуникативная технология (Т.А. Епремян, Брянск), мутации слова в публичной сфере (П.Н. Киричѣк, Москва), денотативная область невыразимого в современном газетном дискурсе (Н.Н. Немич, Сызрань), «Военный Даль» и его словарь (О.Р. Ростов, Иваново), дискурс языковой личности в журналистской сфере коммуникации (С.А. Шилина, Брянск).

Секция «Актуальные проблемы изучения русского слова» объединила как лингвистов-теоретиков, так и словесников-практиков. Языковая объективация концепта «дружба» в русской фразеологии представил Ару Адем (Нижний Новгород). Стратегия *de re* в моделях манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке рассмотрена Я. Г. Баженовой (Нижний Новгород). О формировании основ лингвистической креативности дошкольников размышляли И.В. Гурова и М.К. Шеина (Самара). Е.А. Жданова (Нижний Новгород) делает вывод о том, что неологизмы, зафиксированные в лексикографических источниках, позволяют выявить тенденции в эволюции языковой картины мира современных носителей русского языка. В докладе М.А. Калининой (Волгоград) поднимается вопрос о роли и функциях в современном разговорном дискурсе макаронизмов как лингвокультурной примете времени. Лингвокультурологический анализ текста как способ раскрытия национальной языковой картины мира представлен Е.В. Косс (Тольятти). Варианты реализации регионального компонента на уроках развития речи в средней школе предложены в докладе Н.В. Курьлевой (Нижний Новгород). Результаты опроса студентов-первокурсников Мининского университета об отношении к заимствованным словам приведены Н.Ю. Лариной и В.М. Корнусовой (Нижний Новгород). Вокабулярный понятий для гизауруса металингвистики представил С.В. Лесников (Санкт-Петербург). Методика лингвокультурологических проектов на уроках русского языка в средней школе рассмотрена Т.А. Лоськовой (Арзамас). Доклад Е.С. Моштылевой (Нижний Новгород) посвящён нарративной организации современного лирического текста в аспекте функционально-стилистического анализа. С.Г. Павлов (Нижний Новгород) предложил для обсуждения проблемы интерпретации художественного текста средствами лингвистической герменевтики. В качестве методологического минимума исследования содержания художественного текста учёный предлагает понятие «лингвистический здравый смысл». О превратностях синтаксического анализа простого предложения размышлял А.В. Пряников (Арзамас). Динамика класса интенсификаторов в русском языке XXI века на примере синтагматического расширения охарактеризована М.В. Сандаковой (Нижний Новгород). Об использовании контекстного анализа на уроках русского языка рассказала Л.С. Чимбур (Кулебаки). Актуальные проблемы изучения русского слова в эпоху информатизации поставлены в докладе А.М. Шилина (Брянск).

Кроме того, были представлены доклады зарубежных учёных (Беларусь, Донецкая Народная республика, Луганская Народная Республика, Молдова). Особенности политического дискурса на русском языке в Республике Беларусь в 2020 году охарактеризованы в докладе Е.А. Тихомировой (Минск). Исследованию культуры как основы интеграции ЛНР и Российской Федерации посвящён доклад Е.А. Лобовиковой (Луганск). Автор делает вывод об определяющей роли русского языка в консолидации и культурном развитии Луганской Народной Республики и Российской Федерации. Семантические типы именных предикатов в произведениях Г.Н. Васютинской охарактеризовала Е.А. Леонтьева (Тирасполь). Важность обучения принципам взаимодействия естественного и научного языков в обучении математике обоснована Г.Н. Кимаковской (Тирасполь). Отражение процесса гендерной асимметрии в текстах современной публицистики рассмотрела О.А. Грицай (Тирасполь). Употребление лексем с христианской семантикой в переводах произведений Ирвина Ялома проанализировала Н.В. Кривошапова (Тирасполь). Доклад А.А. Печеньковой (Витебск) посвящён числовому коду, имеющему значение для русской лингвокультуры, в творчестве Л.А. Рубальской и В.А. Степанова. Т.П. Слесарева (Витебск) на примере повестей Д.Емца о Мефодии Буслаеве делает вывод о том, что зачастую в современных художественных текстах пушкинские строки встречаются в том или ином «искажённом» виде. Именования лица в частушках Донбасса рассмотрела К.В. Першина (Донецк). Художественно-стилевые особенности образа матери в творчестве Е. Гешко охарактеризованы А.В. Третьяченко (Тирасполь). Названия коммерческих объектов г. Мозыря и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-филологов, представлены Е.В. Ковалевой и А.В. Юденковой (Мозырь). Антропоморфный код в урбанонимике большого Донбасса на материале годонимов г. Харцызска ДНР и г. Миллерово Российской Федерации рассмотрела Е.В. Ладнова (Донецк). Е.Ю. Муратова (Витебск) проанализировала стихи украинского русскоязычного поэта

Дмитрия Бурого в модусе связи лингвистики и поэзии и доказала, что в его творчестве такие лингвистические термины, как падеж, предлог, прямая речь, коннотация становятся живой частью стихотворений и способны выражать человеческие эмоции, мысли, философские взгляды. Сравнение как средство выразительности художественного текста на примере творчества приднестровского поэта-фронтовика Ивана Федорова рассмотрела Н.В. Пазина (Тирасполь). Особенности употребления синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным и несвободным структурным схемам, на материале сказов П.П. Бажова выявил Н.А. Пузов (Тирасполь).

На закрытии конференции, которая проходила в онлайн формате на платформе Zoom, выступили руководители секций, члены оргкомитета конференции.

По итогам научного мероприятия планируется издание сборника статей.

Только перечисление вопросов, поднятых на пленарных и секционных заседаниях, указывает на живой интерес участников конференции к насущным проблемам, связанным с русским словом. Всероссийская научная конференция с международным участием «С любовью к слову» в Арзамасе выполнила свою задачу – ещё раз обратила внимание ведущих учёных, вузовских преподавателей и школьных учителей-словесников на необходимость проведения целенаправленной политики поддержки и сохранения русского языка и продемонстрировала любовь к Слову.

Библиографический список

1. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч.; МПГУ. Арзамас: АГПИ, 2006. Ч. 1. – 403 с.; ч. 2 – 336 с.; ч. 3 – 406 с. (1145 с.).
2. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография.. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
3. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. М.: АГПИ. Арзамас, 2008. 261 с.
4. «Речи родимой бескрайняя даль...» Говоры Нижегородского Окско-Волжского-Сурского междуречья: хрестоматия / Сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч. ред. Л.А. Климкова; АГПИ им. А.П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2009. 265 с.

References

1. Klimkova L. A. Microtoponymic dictionary of the Nizhny Novgorod region (Oksko-Volzhsko-strok): in 3 hours; MPGU. Arzamas: AGROPI, 2006. Part 1. - 403 p. quot; part 2-in the amount of 336 p. quot; part 3 – 406 p. (1145 p.).
2. Klimkova L. A. Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world: a monograph.. Arzamas: AGPI, 2007. 394.
3. Klimkova L. A. Nizhegorodskaya microtoponymiya: raznospozny anal: monografiya. M.: AGPI. See, 2008. 261 P.
4. "The role of parents is boundless ..." beef in the lower part of the section of the Oka-Volzhsy-remote intercity: herstatia / Alest.: L. A. Klimkova, E. Yu. Lyubova, L. G Machalova, O. C Nikiforova, G. N. Tyurin; at random. Read. L. A. Klimkova; AGP named after A. P. L. Heydar. Arzamas: AGPI, 2009. 265 P.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.89.28.021

*Воронежский государственный
технический университет
Старший преподаватель
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(919)189-66-04
e-mail: vdovina40@gmail.com
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com
Старший преподаватель
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(919)183-58-77
e-mail: luvas@inbox.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
Senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh,
tel. +7(919)189-66-04
e-mail: vdovina40@gmail.com
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail:
invisible2editor@gmail.com*

Senior lecturer

*Sycheva L.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(919)183-58-77
e-mail: luvas@inbox.ru*

О.М. Безатосная, Т.А. Воронова, Л.В. Сычева

ИТОГИ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ» (ВОРОНЕЖ, ВГУ)

О.М. Bezatosnaya, Т.А. Voronova, L.V. Sycheva

THE RESULTS OF THE 2ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “LINGUOCULTURAL UNIVERSAL CATEGORIES IN THE WHOLE WORLD” (VORONEZH, VSTU)

21-23 апреля 2021 года на базе кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета состоялась II международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», проходившая в очном, заочном и дистанционном форматах (на платформе Zoom). В конференции приняли участие филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Екатеринбурга, Воронежа, Орла, Белгорода, Липецка, Краснодар, Томска, Тюмени, Якутска, Владивостока и других городов Российской Федерации, а также ученые и преподаватели из Китая, Болгарии, Македонии, Казахстана, Узбекистана, Республики Беларусь и ДНР.

На пленарном заседании в первый день конференции были представлены доклады профессоров российских вузов: Л.М. Кольцовой (ВГУ), Г.Ф. Ковалева (ВГУ), И.А. Меркуловой (ВГУ), О.В. Загоровской (ВГПУ), А.В. Полонского (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), Л.В. Ковалевой (ВГТУ), М.М. Безруких (Российская академия образования), а также гостей из-за рубежа – В.М. Калинин (Донецкий национальный университет) и Димитрины Лесневски (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария). Вопросы, поднимаемые на открытии конференции, в основ-

ном касались развития русского языка как в историческом аспекте, так и в контексте современности, а также проблем преподавания языковых дисциплин, в том числе в актуальных сейчас условиях дистанционного обучения. Отдельно следует отметить выступление профессора ВГУ Л.М. Кольцовой, подчеркнувшей значение русского языка в формировании духовной культуры страны и нации.

Далее работа научной конференции продолжилась в секционном формате. Были заслушаны выступления участников двух секций, посвященных проблемам языкознания и методики преподавания – «Актуальные вопросы современной лингвистики» и «Образовательные технологии: традиции и инновации». В докладах лингвистической секции были затронуты такие вопросы, как: исторические и современные особенности русского языка и славянских языков в целом (В.А. Семушкин, А.Ф. Рогалев, Д.В. Андрианова), влияние английского языка на нынешнюю языковую ситуацию в мире (А.Ю. Кутимская, Л.В. Сычева, С.С. Савенкова), взаимодействие между различными языками (А.М. Хасанов, Я.А. Глебова, Н.В. Дронякина), проблемы перевода (М.В. Семенов) и специфика стиля художественной литературы новейшего периода (О.В. Новикова, Н.Н. Лапынина). На второй секции обсуждались проблемы преподавания русского и иностранных языков (шире – лингвистических дисциплин) в различной языковой среде, в том числе с применением дистанционных технологий. Особый интерес у аудитории вызвали доклады зарубежных коллег – Дарко Несторова и Эмилия Ниами (Скопье, Македония).

Помимо исследователей с большим научным и преподавательским опытом, программа конференции включала в себя и более молодую категорию участников, делающих начальные шаги на научном поприще. Второй день конференции начался с работы секции студенческих докладов, носившей характерное название – «Мир глазами молодых». В программе студенческой секции были заявлены выступления как иностранных учащихся, так и российских студентов. Заседание молодежной секции несколько расширило рамки чистой филологии: учащимся был затронут весьма разнообразный круг тем – от национальных традиций и архитектурных особенностей стран Востока до специфики современных СМИ и медиаресурсов (последнее связано с тем, что кафедра-организатор является выпускающей для студентов, обучающихся по специальности «Журналистика»). Слушатели и члены жюри, сформированного из ведущих доцентов кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, особо отметили выступление студентки 1 курса ВГТУ Юлии Лиханской, посвященное сравнительному анализу русских и немецких фразеологизмов.

Исследования, касающиеся актуальных вопросов журналистики, рекламы и Интернет-среды, были выделены в отдельную секцию второго дня – «Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы». Участниками данной секции рассматривались проблемы и перспективы как традиционных СМИ, так и современных медиаресурсов, популярность которых стремительно растет (в частности, в сообщениях Н.Н. Коростылевой и Е.Г. Лебедевой были освещены определенные тенденции в сети Instagram). Особенно актуальными следует назвать доклады Н.С. Самойленко «Онлайн-интервью как новый востребованный жанр журналистики в период самоизоляции» и Е.В. Шашуриной «Панический» дискурс о Covid-19». Важно отметить также, что из 20 заявленных докладов секции пять было подготовлено магистрантами ВГТУ, обучающимися по специальности «Журналистика» (программа «СМИ и Интернет»).

Третий день конференции был отведен для работы двух секций, посвященных русской литературе. Участники конференции, выступавшие в секции «Слово в пространстве текста», рассматривали в различных аспектах творчество русских классиков (Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бродского, М.И. Цветаевой, Л.Н. Андреева, А.П. Платонова, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, В.М. Шукшина, С.А. Есенина и др.) и писателей-современников (Д. Данилова, Е. Водолазкина, Г. Яхиной, Д. Рубиной). Некоторые доклады были также посвящены особенностям русского фольклора: данную тему представили О.И. Чарина (Якутск) и Сиссе Кумба (Сенегал). Тематика второй «литературной» секции была связана с двумя важными юбилейными датами – 200-летием со дня рождения Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова. Однако подавляющее большинство секционных выступлений было посвящено творчеству великого прозаика, которое все еще представляет собой огромное пространство для научных и читательских открытий. Подтверждением этому может служить доклад А.С. Кондратьева (Липецк) «Иван Хлестаков и Иван Карамазов: подпольное сознание и духовная традиция», в котором ученый выдвинул довольно смелую гипотезу о том, что идея сверхчеловека в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» зародилась в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Финальным этапом работы конференции стало заседание круглого стола на тему «Художественная литература в восприятии читателей XXI века», на котором обсуждались такие злободневные вопросы, как «кризис чтения» в современной России, формирование читательских навыков у современного школьника, возрастные ограничения, вводимые для литературных произведений, и ряд других.

По итогам научного мероприятия планируется издание сборника статей.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.12.39.022

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии
Кондратьев А.С.
Россия, г. Липецк,
тел. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru
Студент 3 курса Института филологии,
Меринов К.А.
Россия, г. Липецк,
тел. +7(904)688-35-01
e-mail: klikovic123@gmail.com

Lipetsk State Pedagogical University
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Russian language and Literature of the Institute of Philology
Kondratyev A.S.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru
3rd year student of the Institute philology
Merinov K.A.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(904)688-35-01
e-mail: klikovic123@gmail.com

А.С. Кондратьев, К.А. Меринов

**ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ
«ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В НЕПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ РОССИИ»
(ЛИПЕЦК, ЛГПУ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА–ТЯН-ШАНСКОГО)**

A.S. Kondratiev, K.A. Merinov

**RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE OF STUDENTS,
UNDERGRADUATES, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS "THE WORK OF F.M.
DOSTOEVSKY IN THE MODERN TIME"
(LIPETSK, LSPU NAMED AFTER P. P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY)**

6-7 апреля 2021 года на базе кафедры русского языка и литературы Института филологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского состоялась конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского и актуальным проблемам понимания творчества классика мировой литературы и языкового своеобразия его произведений, проходившая в очном и дистанционном формате на платформе (webinar.ru). В работе приняли участия как ведущие специалисты по творчеству Ф.М. Достоевского, так и молодые и начинающие филологи из Москвы, Петрозаводска, Воронежа, Евпатории, Тамбова, Липецка, введившие в научный оборот принципиально новые материалы и методологически актуализировавшие значимые для исследовательской практики наработки. На Пленарных заседаниях 6 апреля 2021 года выступили: Е.А. Есаулов (доктор филологических наук, профессор Литературного института им. А.М. Горького, член международного общества Ф.М. Достоевского), В.Б. Ремизов (заслуженный учитель РФ, Почетный доктор ВГУ), Ю.Н. Сытина (кандидат филологических наук, доцент МГОУ), И.С. Андрианова (кандидат филологических наук, зав. редакцией научных журналов «Неизвестный Достоевский» и «Проблемы исторической поэтики») и представители Петрозаводской научной школы Л.В. Алексеева (кандидат филологических наук, редактор журналов «Неизвестный Достоевский» и «Проблемы исторической поэтики»), Т.В. Панюкова (ведущий редактор издательства ПетрГУ), О.А. Сосновская (научный сотрудник ПетрГУ), С.А. Скуридина (доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка и межкуль-

турной коммуникации ВГТУ) и Н.Б. Бугакова (кандидат филологических наук, доцент ВГТУ). Мастер-классы известных ученых обозначили в контексте литературоведческой аксиологии перспективу и направление становления исследовательской мысли молодежи. Специфика исследований современной достоевистики, по мнению И.А. Есаулова, на протяжении 30 лет, начиная с отзыва о книге Г. Померанца «Открытость бездне», заключается в особом внимании к художественно-философской концепции человека писателя, что и было продемонстрировано предложенным ракурсом понимания сакрального смысла юродства в духовном опыте Мармеладова, сохранившего поврежденный лик Божий на пределе человеческого падения в социуме. «Показующееся» (П.А. Флоренский) православие проявляется в торжественной лексике поверженного греховными соблазнами героя и выстраивает духовную архитектуру художественного мира писателя, сверхзаконного по своей природе и не поддающегося рациональному исчислению, ведь неспроста же замысел о «перестановке голов» так и остался нереализованным предостережением. Ю.Н. Сытина, продолжая рассуждения И.А. Есаулова, показала устремленность творческих исканий Ф.М. Достоевского к освоению сложнейшего пути человека к спасительной Благодати, вскрывающую несостоятельность пока только преодолеваемых стереотипов восприятия наследия писателя, в авторском сознании которого, в отличие от проевропейского рационализма, 2х2 – все-таки 5. Представители Петрозаводской научной школы посвятили свои выступления различным аспектам подвижнической деятельности коллектива по углублению представлений о творческой индивидуальности Ф.М. Достоевского и его окружения: уникальное издание «Неизвестный Достоевский» восстанавливает истинный облик писателя, отвечая всякого рода корректировкам и уточнениям самонадеянных знатоков (И.С. Андрианова); продолжающееся изучение архива, с еще не атрибутированными письмами (Л.В. Алексеева) и не расшифрованными стенографическими записями (О.А. Сосновская) семейными материалами (Т.В. Паниокова); использование математических методов в атрибуции многочисленных журнальных публикаций (студ. ПетрГУ Д.Д. Бучнева) – всё это выводит понимание творчества классика на новый уровень осмысления в диалектической взаимообусловленности традиции и новаторства. В.Б. Ремизов представил свою книгу «Толстой и Достоевский. Братья по совести», посвященную продолжающемуся и в наше время диалогу классиков, единодушно избранных в 1879 году на Лондонском конгрессе Международной литературной ассоциации членами её Почетного комитета. Языковому своеобразию сочинений Ф.М. Достоевского посвятили свои доклады С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова и О.С. Шурупова (доктор филологических наук, профессор ЛГПУ), в которых осветили специфику ономастического кода художественных произведений Ф.М. Достоевского, выявили семантические параллели в феноменологии камня Ф.М. Достоевского и Андрея Платонова и рассмотрели Петербургский текст Достоевского как составляющую сверхтекста русской классики. Принципиально новый подход к творческому наследию Ф.М. Достоевского было отмечено в выступлении аспиранта МГОУ В.Н. Степченковой – об учительской направленности его творческих исканий, выпавшей из поля зрения исследователей, что востребовано в сложившейся ситуации на образовательном поле и в культуре. 7 апреля работа конференции была продолжена на секционных заседаниях: «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы понимания в контексте «большого времени»», «Ф.М. Достоевский и мировая литература», «Ф.М. Достоевский и современность: аспекты понимания» и «Язык времени Ф.М. Достоевского, или как Слово отозвалось». Концептуальное обобщение вклада И.А. Есаулова, В.Н. Захарова и Петрозаводской научной школы (студ. ЛГПУ В.А. Антонов, Ю.А. Рыжкова и И.Н. Гребеньков) в освоение неисчерпаемого и прирастающего в «большом времени» новыми смыслами творческого наследия Ф.М. Достоевского вызвало вполне оправданный интерес аудитории. Также следует отметить филологически обоснованные попытки возвращения в достоевистику таких источников, как «История Юлия Цезаря» Наполеона III и «Единственный и его собственность» Макса Штирнера (студ. ЛГПУ К.А. Меринов и А.В. Казарин), что расширяет контекст понимания произведений писателя. Проблеме преломления национального самосознания в творческом мышлении Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова было посвящено обстоятельное и глубокое выступление аспиранта НИУ ВШЭ Р.И. Джабраилова. Оживленный интерес вызвало освещение полемики Ф.М. Достоевского с современниками по вопросу о судьбе России, а также выявленные несколько неожиданные точки пересечения с творческими исканиями Ф.М. Достоевского художественной мысли Л.Н. Андреева, В.В. Набокова, Ю.К. Олеши, Ф. Мориака, что открывает горизонты исследовательскому опыту нового понимания произведений писателя. В плане уяснения языкового своеобразия воплощения замыслов Ф.М. Достоевского выделяются работы М.В. Новиковой, Ю.Е. Лиханской и А.В. Хрупина (ВГТУ), а также Ю.А. Рамазановой, Д.А. Метелица и М.В. Копыловой (ЛГПУ). Во время обсуждения итогов конференции в рамках круглого стола была затронута тема сохранения духовной идентичности творческого наследия Ф.М. Достоевского, обусловленная псевдоноваторскими концепциями его освоения в современных реалиях. Планируется издание сборника статей и материалов.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(41) 2021

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 21.06.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84